Арийка

Елена Умнова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Поехать в другую страну? Что может быть интереснее? А остаться там учиться? Это просто здорово! Но только не у аладаров! А там, где аладары, все исключительно скучно, чопорно и тормознуто! Но отвертеться не получается, а значит нужно провести время с пользой! Я люблю, чтобы все было громко, с размахом и стремительно! На то я и арийка!

•

Отдельное огромное спасибо моей сестре Ольге и бете Дмитрию (http://stuffittrans.livejournal.com/).

Мир

Ария — древнее государство арийцев, большая часть границы — морская. Имеет хорошо вооруженную и дисциплинированную армию.

Деценсия — общее название мелких государств, и не государственных образование деценсейцев, расположено преимущественно в горных местностях. е л, я улеглась рядом. льство был еще и местным псхиом, которого вместо меня в изолятор увели. сквозь занавесившие лицо во

Олеа, Ненолен — северные, соседние государства с неслишком суровым климатом, населенные аладарами. Именно эти государства считаются прародителями культуры всего мира.

Ривия — объединение государств населенных риварцами, находится в лесной и степной зонах.

Свободная Торговая Зона — многонациональное государство, специализирующееся на торговле. Крупнейший посредник между покупателями и продавцами.

Расы

Арийцы:

Тело: средневысокий рост, обычное телосложения. Лицо: губы

— пухлые, глаза — большие, оранжевого, желтого или карего цвета. Цвет волос — все оттенки синего, брови, ресницы и бороды черные. Имеют хвост, так же синего цвета, чаще всего пушистый.

Деценсейцы:

Тело: очень маленький рост, темная кожа. Лицо: широкое с высокими скулам, узкие темные глаза, кошачий нос, тонкие губы и широкий рот. Цвет волос — черный, длинна ограничена 20–25 сантиметрами.

Аладары:

Тело: очень высокий рост, худощавые. Лицо: глаза светлых оттенков синего, серого, зеленого, сиреневого, фиолетового, кошачьи уши на макушке, выделяющиеся клыки. Цвет волос — все светлые цвета, иногда белый.

Риварцы:

Тело: рост средний, обычное телосложения, ноги и руки покрыты шерстью, которая заканчивает чуть выше локтей/колен, имеют втягивающиеся когти. Лицо: славянская внешность, у мужчин — обязательно бороды, усы и бакенбарды, у женщин — косы. Цвет волосы совпадает с расцветкой шерсти, волосы чаще всего кудрявые.

— Ш*е*лгэ, ты еще раздумываешь? Это же такая возможность! — возмутился мой куратор и научный руководитель единовременно. — Тебе предлагают не просто побывать в *О*леа, но попасть в один из закрытых городов! Там ты будешь учиться и, возможно, по окончании программы сможешь там остаться!

— Я не хочу там оставаться! — я даже подскочила на месте от такого ужасающего предложения. Я останусь у алад*а*ров? Да ни за что в жизни!

— И тебе даже не интересно увидеть Олеа?

— Интересно, — согласилась я. — Но жить там. Ни за что!

— Ты же не знаешь как там!

— Там, где аладары, все исключительно скучно, чопорно и тормознуто!

— Это ты ненол*е*нов описала, оле*а*нцы не такие.

— Какая разница? Все равно они — аладары, и этим все сказано.

— Ты не права!

— А почему бы это им быть разными?! Мы, ар*и*йцы, все одинаковые, а они, значит, разные?

— А почему, ты думаешь, они постоянно воюют?

Я всерьез задумалась. С этой точки зрения я не смотрела. *А*рия давно уже заключила союз с Ненол*е*ном и ведет с ним

бурное сотрудничество. Для нас это очень хорошо в плане новой продукции, для них тоже неплохо — наша энергия нарасхват. Я много раз была в Ненолене, и мне там не очень-то понравилось. Да, экзотика, кругом аладары, все необычно, не как у нас в Арии, но там, где аладары, по определению интересно быть не может. Они такие зануды, и дома у них занудные, и одежда, и даже по иллювизору посмотреть нечего! Туда можно ездить только на неделю, а потом убегать домой греться, развлекаться, купаться! Почему аладары так не любят воду? Я обожаю море!

Ненолен испокон веку воюет с Олеа. Это общеизвестный факт. Но почему они воюют? Так-то, конечно, известно, что они пытаются поделить территорию и свое главенство, но почему бы им не объединиться, и не надо будет тогда решать, кто есть кто?! Вот мы, арийцы, все живем вместе, и никто не задумывается над вопросом «А кто главный?». Чего это аладарам неймется? Неужели они настолько разные? Да нет, это же аладары. Хотя я в Олеа не была, да и мало кто был. После заключения союза с Неноленом связь с Олеа пропала напрочь. Мы не пытались наладить контакты по настоянию Ненолена, Олеа из-за того же с нами не водилась. И вот год назад из Олеа неожиданно прибыл дипломат, сообщил, что Олеа заинтересована в сотрудничестве с Арией, и пошло-поехало. Теперь вот набирают студентов для обмена. Зачем им это? Да и чего они вообще ко мне прицепились? Ну да, взялась я учить олеанский, но я же просто из интереса, да и то учить — это большое преувеличение. Так, хожу иногда на курсы, да когда особенно делать нечего, поучу что-нибудь. Хотя язык у них интересный, такой мягкий, благозвучный, не то, что неноленский, — сплошные языковыворачивательные дифтонги и двойные согласные. Как они умудряются так по-разному говорить, живя по соседству? Мы и так уже от неноленов стольких слов нахватались, что скоро язык и на арийском будем ломать. Ей богу, лучше бы у олеанцев чего-нибудь позаимствовали. Такой певучий язык!

И все-таки, чего им именно я-то понадобилась! Такое чувство, что из столицы разнарядка пришла, а им, наверное, из столицы Олеа, как ее бишь… Вианаста!

— В общем, Шелгэ, и думать забудь об отказе! Больше тебе такой возможности не представится. А потом приедешь и расскажешь нам, что там такое в Олеа.

— Но…

— И слышать ничего не хочу! Ты только подумай, какая возможность! — воскликнул куратор.

Ну да, возможность прямо сказать, сказочная, только вот боюсь, не понравится мне там. Уж слишком у них все размеренно.

СКУЧИЩА! А я люблю громко, с размахом и стремительно! На то я и арийка!

— Тем более ты не одна туда поедешь!

Господи, с моим куратором спорить — проще повеситься, точнее, согласиться. Только чтобы не слушать его нотации, а в дальнейшем еще и причитания, придется поехать. Ладно, потерплю как-нибудь год, а может, и раньше домой сбегу. Посмотрим, чем Олеа от Ненолена отличается, и в лучшую ли сторону!

Последнюю неделю перед отъездом (куда спешим, куда опаздываем? Сроки что-то крайне сжатые. Я, конечно, понимаю, что учебный год начнется через три недели, а нам нужно еще адаптироваться, но все равно странно) я усердно учила олеанский. Как же мне все-таки нравится их язык! Еще бы и они мне так же понравились. Неужели я добровольно согласилась ехать к аладарам? Дура, что же я наделала!

Аэролет, в который нас запихнули, был крайне просторным, однако мест в нем было не так уж и много. Нас, то есть студентов по обмену, было всего человек пятнадцать, два человека сопровождающих, команда самого аэролета и несколько политиков. Всего человек двадцать пять-тридцать, точно я так и не сосчитала. К моему несказанному удивлению, нас, арийцев, было всего три, три из пятнадцати. Вот это да! Меньше нас было только аладаров — он был один. К этому набору было еще по шесть деценсейцев и пять ривархцев. Вот риварцев я впервые видела вживую, так сказать. Интересно! Так, роста они не слишком высокого, относительно аладара и вовсе небольшого, кудрявые волосы такой же расцветки, что и шерстка, у девушек заплетены косы. Надо же, неплохо смотрится, чем-то на хвост похоже, за исключением места произрастания. А у юношей такие замечательные бакенбарды и бороды! Ой, а вблизи когти смотрятся внушительнее, чем по иллювизору, и мех на руках такой красивый. Интересно, чем она его чешет, мне бы так хвост расчесать! О, а вот этот вообще за собой не следит. Если уж даже на руках шерстка скаталась, то что уж говорить про ноги! К слову сказать, руки и ноги у риварцев такие же, как и у остальных, только вот мохнатые. На руках шерстка заканчивается немного выше локтя, а на ногах растет примерно до колен или чуть выше. Единственное, что отличается, так это ногти, точнее, когти. У них они такие остренькие и длинненькие, но сейчас они их спрятали, и руки кажутся такими мягкими и пушистыми. Жаль, тут дерева нет, а то я только по иллювизору видела, как они по деревьям лазят. Но это что-то! Такие виртуозы! Подойти, что ли,

познакомиться, вроде бы они на неноленском говорят. Все-таки хорошо, что аладары такие проныры, теперь неноленский стал своего рода общим языком. Все его знают!

Впрочем, раз уж рассказала про риварцев, расскажу и про остальных. Деценсейцы имеют очень маленький рост, даже для нас, арийцев, темную кожу и короткие черные волосы. Почему-то длинными они у них не вырастают. Лица у них широкие, с узкими темными глазами и кошачьими носиками. В общем, кому что досталось, но обоняние у них, конечно, на высоте! Могут учуять энергетическую жилу за мили! Деценсейцы — частые гости у нас в Арии, с ними говорить так интересно. Когда они по-арийски начинают говорить, у них такой смешной акцент, как будто март на дворе и кошка на окне! Интересно, мы на их языках тоже так смешно говорим?

Ну, аладары — это не новость. И я была у них, и эти жердины у нас частые гости. Очень уж они высокие, причем все как на подбор. Я в Ненолене встретила всего несколько аладаров моего роста, все остальные выше на голову, причем как мужчины, так и женщины. И это при том, что я сама далеко не маленькая! Волосы у них светлые, только оттенок разный: есть золотистые, есть серебристые, а одного я даже розоватого видела. Хотя, может, покрасился. Им-то хорошо, их волосы можно перекрасить, не то, что наши арийские. Глаза у них тоже большей частью светлые, тех же оттенков, что и волосы, но иногда все-таки встречаются и темно-синие или сиреневые. Но самое интересное — это ушки: они у них на макушке и такие пушистые, иногда даже с кисточками. Так прикольно!

Ну, а мы, арийцы, — обычные. Средневысокого роста, средней комплекции, лицо обычное, разве что губы почти у всех пухлые, да и глаза всегда большие. Обделенные в этом плане деценсейцы даже говорят, что в пол-лица. И где тут половина? Треть, и то с натягом. Цвета они у нас вполне обычного — оранжевого или желтого, иногда карего, кому как повезет. Ну и еще волосы всех оттенков синего, хотя брови с ресницами и бороды черные, и ведь ничем не перекрасишь! Все равно синий оттенок останется! Впрочем, мне в этом плане жаловаться не на что. У меня волосы шикарные, насыщенно-синего цвета до лопаток, сильно выделяются в толпе. А вот глаза подкачали — как раз «в пол-лица» и обычного оранжевого цвета, разве что немного поярче, но лучше бы уж наоборот. Зачем привлекать внимание, если уж цвет такой обыкновенный. Зато хвост у меня классный. Только махнешь, как все тут же внимание обращают! Ах да, про хвост-то я и забыла сказать. А что в нем такого особенного? Хвост как хвост — синий, пушистый. Хотя мне

достался необычный. Мало у кого шерстка на хвосте на кончиках белая. Горжусь своим хвостом! Спасибо маме!

— Привет, — на неноленском сказала я, подходя к риварцам.

— Привет, — тут же отозвалась крайняя ко мне девушка с серебристой в пятнышко шерсткой и волосами. — Ты говоришь по-неноленски?

— Ну да, говорю, — кивнула я.

— А по-олеански? — спросил сидящий рядом с ней парень с черно-белой шерсткой и шикарными усами. Арийцы бы обзавидовались, так аккуратно и ровно растет!

— Так, не особенно. Недавно начала изучать, — ответила я.

— А мы вообще нет, — сказала первая девушка, двигаясь, чтобы я могла присесть. — Вот сидим и думаем, понимают в Олеа неноленский или нет. Уж по-риварски-то они точно не понимают.

Я уселась рядом с ними.

— Скорее всего, понимают, они все-таки соседи.

— Но они же не общаются между собой. У них закрыта граница, — вступил в разговор еще один риварец, половина лица, руки и ноги которого были густо усеяны коричневыми волосами.

— Они постоянно в состоянии войны, шпионят друг за другом, делают вылазки. Сомнительно, чтобы они не знали неноленский, — привела достаточно убедительный, по моему мнению, довод я. — Да и в Ненолене, скорее всего, знают олеанский, только не пользуются.

— Ну, наверное, — согласилась девушка. — Я А*и*ша.

— Шелгэ, — представилась я.

— Рад*а*н, — представился черно-белый риварец.

— Митд*и*н, — сказал коричневый риварец.

Еще два риварца, точнее, риварец и риварка, сидели в стороне и мило шушукались. Им было не до чего, они наслаждались полетом, как никто другой. Повезло, нашли друг друга!

— А ты арийка? — спросила Аиша.

— Ну да, а что, не похоже? — усмехнулась я.

— Да нет, похоже. Просто мы раньше арийцев не видели, — ответил Радан.

— Я тоже риварцев раньше не видела, поэтому и подошла, — пожала плечами я.

— А деценсейцев и аладаров видела? — заинтересовался Митдин.

— Да. Деценсейцы — частые гости у нас в Арии, так что я их достаточно видела. Я на почти границе живу. А к аладарам я сама ездила в Ненолен, — ответила я.

— И как там? — тут же спросили риварцы.

— Да не очень. Скучно. Сначала, конечно, все интересно, все необычно, но вообще аладары такие скучные люди. К тому же они жутко тормозят.

— Что делают? — не понял Радан.

Митдин что-то быстро объяснил ему на риварском, Радан и Аиша захохотали.

— Они не так свободно владеют неноленским, — пояснил мне Митдин.

— А ты свободно?

— Да, у меня мама языковед, она в совершенстве владеет риварским, неноленским, арийским и несколькими диалектами деценсейцев, — ответил Митдин.

— А ты? — спросила я.

— Я только риварским, неноленским и совсем немного арийским, — перечислил Митдин. — А ты?

— Арийский, неноленский и учу олеанский, — ответила я. — Научили бы, что ли, чему-нибудь на риварском!

Все время перелета я проболтала с риварцами. Совместно с Митдином мы выучили Аишу с Раданом новым словам и выражениям на неноленском, они научили меня паре фраз на риварском, я их — на олеанском. В середине полета к нам присоединилась Ат*а*ната. Она арийка, как и я, только волосы у нее совсем темного цвета, почти не отличимого от черного, и такой же хвост. Только он какой-то короткий, до пола, и все. У меня до пола плюс еще немного. Я его подкручиваю, чтобы по полу не возить, и это при том, что я выше нее на полголовы. Зато глаза у нее карие, прямо как шоколадка! Повезло! К концу к нашей уже шумной компании (там, где есть арийцы, тихо по определению быть не может) присоединились еще три брата-деценсейца Ам*а*ро, Ром*е*ро и Инь*ю*н, причем Амаро и Ромеро были близнецами. Впрочем, для нас все деценсейцы были братьями. Все трое маленькие, причем Амаро и Ромеро особенно маленькие, с темными жесткими волосами, причем у Иньюна они торчали как попало, смуглые, узкоглазые, и у всех троих одинаковые влажные носы, постоянно к чему-то принюхивающиеся. Но они такие приколисты оказались! Лопочут по-неноленски — только слушай, и не так смешно, как по-арийски. Анекдоты травили, горные байки рассказывали, вертелись, как заводные. Вот с кем не скучно, не то, что аладары! Неудивительно, что в конце концов мы собрали около себя всех. Даже аладар пришел, видно, ему самим с собой скучно стало. Его, кстати, звали Джент, и он был неноленом, что несказанно всех удивило. У него-то я и поинтересовалась, знает ли он олеанский. Оказалось, что знает, и очень даже неплохо. Он же нас и

просветил, что в Ненолене действительно на олеанском, по крайней мере, понимают. Ну, что ж, надеюсь, что олеанцы так же хорошо знают неноленский! А вообще, оказалось, что это нам, арийцам, повезло одним перелетом добираться, а остальные сначала до Арии добирались, чтобы всем вместе прибыть в Олеа.

Полет завершился как-то неожиданно. Мы были готовы так лететь еще долго, риварцы даже признались, что так весело у них не пролетел ни один перелет (им было добираться дальше всего), но аэролет уже приземлился, и всех попросили на выход. Ну, вот и Олеа! Что ж, посмотрим, как ты переживешь нашествие такой дружной компании!

Какие интересные домики! Такие большие, но не особенно многоэтажные. Сколько же у них от пола до потолка? Что, олеанцы еще выше неноленов? О, похоже, и шире. Вот это двери! А как просторно! У всех олеанцев поголовно клаустрофобия? Нас что, регистрировать будут? А я думала, что с бумажками уже закончили возиться. Ан нет, я ошиблась, не регистрировать, а распределять. Похоже, за нами те семьи, в которые нас определили на постой, приехали прямо сюда. Ну, по крайней мере, часть семьи и за частью студентов. Интересно, за мной приехали, или как?

— Я в Вианасте остаюсь, — сказала Аиша.

— Класс, я тоже, — кивнул Радан.

— Блин, я нет, — вздохнул Митдин. — Я от столицы где-то часах в трех езды.

— Ну, это не так далеко, — обнадежила его я. — Сможешь на выходных приезжать.

— Ага, три часа туда, три обратно. Ужас, — вздохнул риварец. — А ты где?

— Шелгэ Элива из Мицса, Ария, — услышала я на чистом арийском и отправилась к девушке, которая знакомила студентов с их приемными, так сказать, семьями.

— Вы будете проживать в Калaсте, — сказала девушка. Типичная аладарка, только вот роста что-то не аладарского. Ниже меня на два пальца, и это при том, что я сейчас без каблуков. Странно…

— А это где? — спросила я.

— В пятнадцати минутах езды от Вианасты, — как ни в чем не бывало ответила она. Ну, да, видимо, все спрашивали. Хм, ну я почти в столице! — Это член семьи, в которой вы будете проживать во время вашего обучения. Танра Уилот.

Мне указали на женщину не так уж и намного выше меня, с золотистыми кудрявыми волосами до середины спины, из-под

которых торчали небольшие аккуратненькие ушки с кисточками такого же бледно-золотистого цвета. У нее были приятные черты лица и добрая улыбка, несмотря на клычки, и даже льдистый оттенок глаз не придавал ее лицу отчужденности, как у неноленов. Видимо, действительно доброжелательный и гостеприимный человек. Повезло мне!

— Как же я с ней разговаривать буду? — неожиданно вспомнила я.

Распределяющая аладарка удивленно посмотрела на меня.

— А вы что, тоже, кроме родного, ни на каком языке больше не говорите? — всполошила она.

— Ну почему же «ни на каком»? Я даже на вашем немного понимаю, и еще неноленский знаю, — сказала я.

— А, тогда все в порядке. Первое время, пока вы не выучите олеанский, вы будете общаться на неноленском, — облегченно ответила она.

— А у вас тут все неноленский знают?

— Нет, не все, но для студентов специально искали семьи, где они могли бы с большим комфортом общаться. У вас в анкете сказано, что вы в совершенстве владеете арийским и неноленским и учите олеанский, поэтому вам и нашли семью, владеющую неноленским. Говорящих по-арийски подыскать, к сожалению, не удалось.

— И слава богу! — обрадовалась я.

Девушка удивленно захлопала глазами. Господи, я уже и забыла, какие аладары тормознутые! И за что мне это? Наверное, за все хорошее, что я не сделала…

Я вернулась к риварцам, точнее, к чемодану, стоящему там.

— Ну и?

— Какая-то Каласта, говорят, в пятнадцати минутах езды от столицы, — сказала я.

— Везет, тебе пятнадцать минут, мне три часа! — посетовал Митдин.

— Здорово, значит, сможем видеться! — обрадовалась Аиша.

— Ну да, покажете мне столицу, когда к вам загляну! — усмехнулась я.

— Обязательно. Ладно, звони, оттиск аудофона у тебя есть, — кивнул Радан.

— Ок, — кивнула я, и мы разошлись каждый в свою сторону.

— Здравствуйте, — по-неноленски поздоровалась я с Танрой Уилот.

— Добрый день, дорогая, — в ответ сказала та. — Я Танра, этот год ты будешь жить у нас дома в городе Каласте.

— Меня зовут Шелгэ. Надеюсь, я не буду для вас слишком

обременительна, — а что еще я должна была сказать?

— Ну что ты! Гости в Олеа настолько редки, что мы очень рады. К тому же Каласта — маленький город, ты будешь в нем знаменитостью.

— Офигеть, вот это заявочки! — по-арийски сказала я.

— Что? — переспросила Танра.

— Говорю, что тоже жила в небольшом городе, — ответила я.

— Что ж, тогда поехали домой, — сказала Танра, улыбаясь и подводя меня к машине.

Вот улыбка у нее что надо. Раньше я все время сторонилась улыбающихся аладаров, а теперь вот мне даже нравится. Хотя это я неноленов сторонилась, они, конечно, весьма специфически улыбаются. На самом деле страшно. То ли дело олеанцы. Хотя, может быть, это она одна такая.

— А вы одна живете? — спросила я.

— Что ты, конечно, нет. У меня муж и два сына, — пояснила женщина. — Кстати, один из сыновей — твой ровесник. Тебе ведь двадцать?

— Да, — кивнула я.

Мой ровесник? Это очень хорошо! Хоть не надо будет въезжать в жизнь — если что, есть у кого спросить. Это будет интересно!

— Кстати, я думаю, тебе интересно, что до Вианасты всего пятнадцать минут езды, — сказала Танра.

— А… — удивилась я. К чему это она?

— Кажется, твои друзья остались в столице, и вы собирались с ними встретиться.

— А?… Вы…

— Я слышала, — сказала женщина, шевельнув ухом.

Я в Олеа и часа не пробыла, а уже торможу, как будто месяц тут провела. У аладаров же отменный слух! Как я могла про это забыть! Так дело не пойдет! Нужно выработать иммунитет!

— Забыла, — покаялась я.

— Ты что-то забыла? Нужно вернуться? — всполошилась аладарка.

— Да нет, я забыла, что вы очень хорошо слышите.

Нет, у меня все-таки еще не клинический случай, и исцеление возможно. Господи, как я с такими тормозами жить-то буду?

— Ничего, привыкай, — улыбнулась женщина.

Да, привыкай. Привыкай к тому, что аладары слышат все из другой комнаты, привыкай к постоянному торможению и зависанию, к скукоте и сидению на неудобных стульях, совершенно не приспособленных для хвоста. Ладно, прорвемся!

Все-таки олеанцы сильно отличаются от неноленов даже

внешне. Взять хоть бы рост. Ненолены все сплошь высокие, и мужчины, и женщины примерно одного роста, олеанцы же все крайне разного, но все равно высокого роста. Но это только олеанцы, а олеанки у них вполне обычного роста, выше среднего, конечно, но в глаза не бросается. К тому же у олеанцев чаще, чем у неноленов, встречается темный цвет волос. Ну, для аладаров темный, так-то, конечно, средненький, есть и темнее, гораздо темнее. Но зато разнообразие — не все хоть как под одну гребенку белобрысые! А вообще, теперь я поняла, почему ненолены так коротко стригутся. Чтобы не быть похожими на олеанцев! Они все такие любители длинных волос, особенно почему-то мужчины. Женщины предпочитают стричь покороче и делать начес, чтобы скрывать ушки. Странные какие-то, ушки — это же самый прикол, а они их под волосами прячут.

— Ну вот и приехали, — сказала Танра, немного попетляв по улице и остановившись у трехэтажного дома высотой с наш шестиэтажный. У них что, потолки в два раза выше нашего? А домик вообще ничего, такой ненадоедливый серый камень, частые окна, милые балкончики. — Пойдем.

Танра взяла мой чемодан, оставив мне сумку, и пошла к подъезду, я шла следом. Оказалось, что жить я буду на третьем, и последнем, этаже за огромной черной дверью. Впрочем, на дверь грех жаловаться, они все в подъезде были черные, сам же подъезд был приятно-зелененьким.

— Проходи, не стесняйся, — пригласила меня аладарка. — Разуваться здесь. Давай, я тебе покажу квартиру. Так, вот тут кухня, это санузел, здесь наша с мужем спальня. Это гостиная, это комната Лехоса, это Ивастаса, а это твоя.

Какие у них тут имена оригинальные. Лехос… Ивастас… Интересно, кто старший, а кто младший? А мне комнату классную отвели. Потолок, правда, далековато, но зато какая огромная кровать! Точно на аладара рассчитана, причем на самого большого, я на ней, наверное, при желании два раза помещусь, и мне будет удобно! Ну да, другие стандарты. Мебель здесь, конечно, великовата, как и в Ненолене. Ух ты, какие у них высокие и широкие подоконники, а окна огромные. Это как же их мыть? Ну да, стоя на подоконнике аладарам как раз. Но зато сколько занавесок стирать! Так, в шкафу две меня поместятся вместе со всеми моими вещами, тоже продублированными. Точно! Комнаты, рассчитанной на одного аладара, позарез хватит двум арийкам! Так что нужно радоваться — отвели такие апартаменты, как будто двум людям! Весело!

— Мам? — послышалось из соседней комнаты на олеанском.

Так, это точно младший.

— Лехо, иди сюда, — позвала Танра по-неноленски.

Ну, вот и выяснили, что младший Лехос, старший, выходит, Ивастас.

В комнату забежал младший Уилот. Ба, да на вид ему лет десять-тринадцать, а ростом всего-то на полголовы меньше меня. Обалдеть! Это когда он вырастет, каким будет? Ну, волосы у него мамины, причем и длины такой же. Ой, нет, они у него до пояса! Вот это да! А вот кисточек на ушах нет. Наверное, от папы наследство досталось, хотя так он на маму очень похож: льдисто-голубые глаза, немного вздернутый нос, симметричные губы, слегка припухлые, как у всех молодых аладаров, тонкие прямые клыки, видно, еще не сменились.

— Ой, — сказал Лехо.

— Лехо, это Шелгэ. Шелгэ, это мой младший сын Лехос, — представила нас Танра.

— Арийка, — как-то растерянно сказал Лехо. — Ой, то есть привет!

Я приветственно кивнула в ответ. Лехо в упор меня рассматривал.

— Что? — спросила я.

— Ты по-неноленски говоришь? — удивился он.

— Говорю, — кивнула я. — А не должна?

— Нет, то есть да… А почему у тебя волосы синие? — неожиданно спросил Лехо.

— Наверное, потому что я арийка, — рассмеялась я, взмахивая хвостом.

Лучше бы я этого не делала — теперь все внимание Лехо было приковано к хвосту. Он даже рот раскрыл от удивления и не заметил этого.

— Лехо, — усовестила его мать.

— А можно потрогать? — благоговейно спросил он.

— А за уши дашь подергать? — встречно предложила я.

— За уши подергать? — неожиданно его голос сбился на писк, и мальчишка залился краской.

Господи, у него еще и голос ломается! Вот прикол! Я с трудом сдержала смех.

— Зачем? — пискнул мальчик.

Я замаскировала смешок под кашель, но все же не выдержала и расхохоталась. Лехо покраснел еще больше и убежал из комнаты.

— Извините, — поспешно сказала я. — Я… просто…

— Да знаю, сама часто не могу удержаться, — кивнула Танра, смеясь. — Все жду, когда же он, наконец, перестанет пищать.

— А у него это давно уже?

— У аладаров голос ломаться начинает рано, но ломается долго, — сказала женщина. — А так пищать он может с равной вероятностью еще пару месяцев или целый год.

— Год слушать такой вот разговор! Это будет весело! — рассмеялась я.

— Да он вообще-то не так часто срывается, только от переизбытка чувств, — сказала Танра.

— О, видимо, мой хвост оставил неизгладимое впечатление! — усмехнулась я.

— Он раньше арийцев не видел, — пояснила аладарка.

— Ну, как и я риварцев до сегодняшнего дня, — кивнула я.

Танра усмехнулась.

— Ну, ты пока располагайся. Если что-то нужно — скажи, а я пойду готовить обед.

Женщина вышла, я же стала распаковывать вещи и осматривать комнату. При ближайшем рассмотрении комната оказалась еще более милой, чем казалась до того. Подоконник я вполне могла использовать как диван, кинув туда пару подушек, которые были в изобилии на кровати, большие габариты мебели как раз компенсировали недостаток некоторых концептуальных доработок под мои анатомические особенности, цвет был вполне себе жизнерадостный персиково-коричневый. В общем, мне очень понравилось.

Закончив распаковку, я выбралась из комнаты. Нет, все-таки потолки здесь не такие высокие, как казалось снаружи. Ну правильно, такие толстые стены, наверное, и пол с потолком не тоньше. Странно, зачем им это? Я на пробу постучала по стене, звук получился крайне приглушенным. Звукоизоляция! Ну конечно, у аладаров такой тонкий слух, что стены им приходится делать толстые, иначе все слышно. Хм… значит, все-таки дома они из комнаты в комнату не слышат, если все закрыть! А в Ненолене до такого не додумались, они энергетические заслоны делают, но стены уплотнить проще и дешевле! Тут я заметила приоткрытую дверь в комнату Лехо. Я подошла ближе и заглянула. Мальчик сидел на кровати и хмуро смотрел в пол, сложив руки на груди.

— Эй, ты не обижайся, что я посмеялась. Я не хотела тебя обидеть, просто это… действительно… — зайдя, сказала я.

— Да, знаю я, что это смешно, — тяжко вздохнул мальчик. — Все смеются. А я что сделаю? Ну не могу по-другому говорить.

— Посмейся вместе с ними! — предложила я.

— Ну, мне-то не смешно, — развел руками аладар.

— Ну, тогда поплачь, — предложила альтернативу я.

Мальчик выставился на меня, как алхимик на воду.

— Ну, если плакать не будешь, значит, надо по-любому смеяться. По крайней мере, не так обидно будет.

— Да как тут смеяться, когда в астрал охота вылететь! — воскликнул Лехо, снова срываясь на писк.

Я усмехнулась, подавляя прорывающийся смех.

— А ты один раз посмейся через силу, потом лучше пойдет.

— Ага, ха-ха-ха! — проговорил мальчик низким приятным голосом.

Тут моя выдержка закончилась, и я снова рассмеялась. Лехо обиженно посмотрел на меня и неожиданно тоже рассмеялся.

— Классный у тебя голос будет, когда перестанешь пискляvить, — сообщила я ему, отсмеявшись.

— Ну, да. Как у брата, — кивнул Лехо и неожиданно добавил. — И правда, не так обидно!

— А ты думал, я наврала?

— Нет, просто я не думал, что это так просто, — совершенно искренне удивился мальчик. — Да ты заходи, что ты в дверях-то стоишь?

Я охотно прошла и присела на стул боком.

— А почему ты так странно сидишь? — спросил Лехо.

— А по-другому неудобно, — пожала я плечами, кладя хвост себе на колени.

Глаза у мальчика загорелись.

— Из-за хвоста? — спросил он.

— Да, из-за него. У вас тут мебель на арийцев не рассчитана.

— А можно…

— За уши дашь подергать! — тут же напомнила я.

— За что? Я же ничего не сделал! — обиженно пискнул Лехо.

— Просто так. Меняем хвост на уши, — пожала я плечами. — Просто так отдавать тебе хвост на растерзание мне какой резон? А так я хоть ушки рассмотрю вблизи!

— А-а! — неожиданно рассмеялся мальчик. — Я уж думал, у вас за хвост дергать — это ругают так.

— А у вас что, за уши подергать — это ругаться? — удивилась я.

— Ну, аладаров так наказывают, — потупился Лехо.

— Да ты что? — рассмеялась я. — У нас в Арии, слава богу, таких садистов, чтобы в наказание дергать за хвост, нет.

— Кого нет? — переспросил мальчик.

— Садистов… ты такого слова не знаешь?

— Я вообще-то не очень по-неноленски говорю. Так что не удивляйся, если я что-нибудь не так скажу.

— А, вон оно что. А откуда ты его вообще знаешь?

— Мама научила. Она в Ненолене часто бывала.

— А я думала, олеанцы в Ненолен ни ногой.

— Ну почему же, кто хочет — ездит, только не… рассказывает на каждом углу, что он олеанец.

— То есть инкогнито, — сделала вывод я.

— Это так называется? Надо запомнить.

Во время разговора, мальчик не сводил глаз с моего хвоста. Да что он ему так дался?

— Ты чего к моему хвосту так прицепился? Такое чувство, что ты не просто арийцев не видел, но и об их существовании узнал час назад и до моего прихода не верил, что такие люди есть! — воскликнула я.

— Ну, почти, — сознался Лехо. — Я на самом деле не знал ничего про арийцев, пока две недели назад нам не предложили тебя. Я действительно не верил, что бывают люди с синими волосами и с хвостом. Я не мог себе это даже представить! Это же кошмар — синие волосы, огромные оранжевые глаза, большой рот, да еще и хвост. Но оказывается, нет!

— Рада, что мне удалось развеять жуткий образ арийца. По твоему описанию, мы должны быть действительно уродливыми! — вскинула брови я.

— Нет, ты красивая!

— О-о, польщена, — заулыбалась я.

— А почему у тебя хвост сверху белый? — спросил Лехо.

— Сверху? — удивилась я, осматривая свой хвост.

— Ну, на кончиках шерсть белая, — поправился Лехо.

— Такой вот вырос, — усмехнулась я, помахивая хвостом. — Ладно, смотри, только что такого-то?

Лехо поскорее подошел ко мне, боясь, что я передумаю, и протянул руку. Я положила хвост ему в ладонь, он отскочил.

— Я что-то не поняла, ты же его посмотреть хотел!

— Ты можешь им двигать! — ужаснулся Лехо.

— А ты ушами не можешь? Какой ужас, я так тебе сочувствую, — ужаснулась я.

— Ой, что-то уж я совсем, — осознал свою оплошность Лехо.

Мальчик снова подошел и, осторожно взяв в руки кончик хвоста, долго его рассматривал, потом, видно, решил погладить. Кто ж его учил против шерсти гладить?! Я зашипела, он ошалело отскочил.

— Что? — пискнул он.

— По шерсти гладь!

— А я по чему?

— Ты против!

— Против чего?

— О-о-о, — простонала я и расхохоталась. — Понимаешь,

можно гладить в двух принципиально разных направлениях — по шерсти и против шерсти. Так что против шерсти не гладь, это просто кошмар! Только по!

Так, вроде бы с хвостом разобрались. Вот, блин, любознательный аладар!

— Ну, подставляй уши! — сказала я, когда он оставил мой хвост в покое.

— Может, не надо? — робко предложил Лехо.

— Как это не надо? Уговор есть уговор, кто нарушит, тот и вор! — напомнила я.

Мальчик покорно остановился на месте, понурив голову.

— Нет, ты, конечно, ниже меня, но не так уж и намного. Сядь! — я поднялась со стула и хвостом махнула на него аладару.

Он покорно сел. Я склонилась над его головой. А прикольно! У неноленов особенно на уши не посмотришь, у них и уровень глаз-то для меня недосягаемый, разве что на что-то забраться, а тут можно спокойно рассмотреть. Хотя ничего особенно интересного. Обычные кошачьи ушки, только побольше и помохнатее. У них тут как-никак северная страна. Я обвела края пальцем.

— Ай, щекотно! — встрепенулся Лехо.

— Да? — я пробежалась пальцами по уху.

— Эй! — он прижал ухо к голове и наклонил ее на бок. — Ну что ты издеваешься?

— Прикол! — рассмеялась я, наблюдая асимметричное расположение ушей. — Слушай, а ты ими свободно шевелить можешь?

— Ну да. А причем тут кол?

— Это слово такое — прикол. В смысле классная вещь, смешная, неожиданная. Ну-ка еще пошевели!

Лехо странно на меня покосился, прижимая оба уха, выпрямил одно, отвел его назад. Вот умильный вид! Я рассмеялась.

— А что смешного? — удивленно навострил уши в мою сторону Лехо.

Что-то я за неноленами таких повадок не замечала. Хотя они все какие-то истуканы, а олеанцы — нет. У них, наверно, какое-нибудь по счету правило этикета: не шевелить ушами. У этих, слава богу, не так. Но так прикольно! Лехо тем временем повел одним ухом как локатором и безошибочно наставил его на приоткрытую дверь.

— Мама уже хлеб режет, скоро кушать позовет, — сказал он.

— Лехо, Шелгэ, через пять минут кушать, — послышалось с кухни.

— Как у вас тут все предусмотрено, — я слегка выпала в прострацию.

— Ива идет! — неожиданно подскочил Лехо.

— Что? Где? Как это? — у них тут, что деревья ходят?

Хлопнула входная дверь.

— Да это брат пришел, — пояснил Лехо.

Господи, это сокращение от Ивастаса… Я конкретно туплю!

— Мам, я дома! — по-олеански сказал новоприбывший. Ух ты, какой у него голос, действительно, чем-то похож на голос Лехо, когда тот не пищит, только пониже. А вообще хорошо, что я немного олеанский знаю. Хоть что-то понимаю!

— Ты как раз к обеду! — ответила Танра.

Ива что-то спросил у нее на олеанском, из чего я поняла только несколько слов, которые сводились к тому, что он спрашивал обо мне.

— Да, она здесь, — ответила аладарка по-неноленски.

— Лехос, а ты уже видел… — в дверях появился и так и застыл еще один аладар.

Ни фига себе, какой он высокий! По ходу дела, даже если я руку подниму вверх, мне еще придется подпрыгивать, чтобы дотянуться ему до макушки! Мне кажется он даже для аладара высоковат! А вообще, издалека ничего: платиновый блондин, глаза фиолетового цвета, видимо, больше в папу уродился, а вот улыбка мамина с ямочками. В застывшем виде, правда, она какая-то немного перекошенная у него вышла, но все равно ничего, только клыки у него что-то уж очень длинные. Прямо сказочный вампир! Но волосы вообще светлые, можно сказать, белые, до плеч и прямые, причем пробор на левую сторону, так что половину лица занавешивают белые пряди. А ушки у него тоже с кисточками! Прикольные такие, да еще и одно проколото. Симпатичная бирюлька! Ба, да он еще и широкоплечий, как-то это не по-аладарски. Даже смотрится странно: аладары отродясь не отличались широким размахом плеч, а этот вот отличился. Наверное, это из-за роста.

— Ага, видел и даже за хвост подергал, — сказала я. — Ты тоже будешь, или ты просветился по поводу существования арийцев более чем за две недели до моего появления?

Ива впал в еще более глубокий ступор.

— Дети, идемте кушать, — в комнату вошла Танра.

Так вот зачем им такие широкие косяки! Если вдруг один аладар застопорится и застрянет в дверях, то всегда можно пройти в дверь мимо него.

— Это что такое? — опустив одну бровь, спросила мама.

— Ступор! — авторитетно заявила я и подошла поближе. — А

я всего лишь спросила, не две ли недели назад он узнал о существовании арийцев.

— Нет, не две, — ответила за него Танра.

— Тогда мне тем более странно это ступорозное состояние! Ау-у! — я задрала голову, глядя на Иву снизу вверх. — Ой, я так шею сверну! — я потерла озвученную часть тела, сходила за стулом, поставила его рядом с парнем и влезла на него. Так гораздо удобнее, хотя и не компенсирует разницу в росте полностью. — Не стопорись, а то обед остынет!

Эффекта не последовало.

— Поступим обратным образом. Застопорись!

Парень ожил и осмысленно посмотрел на меня.

— Зачем?

— Хвала богам! — я воздела руки к потолку. — Я Шелгэ, арийка в этом году живу у вас.

Парень снова застыл. Танра с Лехо стали хихикать, а потом и рассмеялись в голос. Ну да, наверное, я такая вся активная, и на стуле рядом с впавшим в ступор Ивой смотрелась очень умильно. Я соскочила вниз, поставила стул на место.

— С тобой беседовать сподручнее, — одобрительно сказала я Лехо.

— Почему?

— Да хоть бы шею выворачивать не надо, и вообще, ты хоть что-то отвечаешь, а не просто стоишь на одном месте!

— Пойдемте кушать, — улыбаясь, позвала Танра. — Ива, дорогой, пойдем и ты тоже.

Мы все по очереди прошли мимо стопорящегося Ивы на кухню.

— Стопорящиеся замыкают! — сообщила я, проходя мимо отмершего было Ивы. Он снова застыл на полушаге. — И зачем я это сказала?

Ива все-таки пришел на кухню, хотя и порядком позже нас. Он сделал пару кругов по небольшой комнате, старательно меня игнорируя и пряча лицо за волосами, но потом неожиданно остановился. Я думала, он опять впал в ступор, но нет, оказывается, он был просто в замешательстве, ибо я села на его стул. Я пожала плечами, усмехнулась и пересела на соседний стул, развернув его, как мне надо. Ива сел на свой стул, попытался откинуться на спинку, чуть было не упал, повернул стул в нормальное положение и снова сел, отгородившись от меня занавесом светлых волос. Танра разлила по тарелкам знаменитый аладарский суп и поставила на стол большую тарелку со сладостями. Лехо немедленно потянулся к дальней от него конфете, опрокинул по пути хлебницу и тут же схлопотал

хороший подзатыльник от мамы. Мальчик насупился, прижал уши и уткнулся в чашку. Ну, а что… привычное дело, у меня брату всегда за это доставалось. Я спокойненько себе кушала суп, между прочим, очень вкусный. После супа мы стали пить чай. Ну, это, конечно, не наш, арийский, но пить можно. Лехо, наконец, получил вожделенную им еще до супа конфету и планомерно ее разворачивал. И зачем аладары так ее запаковали? Пока откроешь — есть уже перехочешь! Наверное, поэтому они такие худые…

— Шелг, а ты конфеты любишь? — спросил Лехо.

— Конкретно конфеты не очень, а вот мармелад обожаю! — сообщила я. — Причем любой, даже самый резиновый!

— Какой? — не понял Лехо.

— Ну, который никак не прожуешь, и он тянется, — для особенно непонятливых я еще я сопроводила описание жестами.

— А-а! — рассмеялся Лехо.

— А как насчет тортов? — спросила Танра.

— Кушать обожаю, но печь… бе-е-е, — ответила я.

— Печь? Ты умеешь печь торты??? — Лехо аж на стуле подскочил.

— О-о, кажется, я зря это сказала, — я безошибочно опередила дальнейшее развитие событий.

— Да, — усмехнувшись, кивнула Танра. — Лехо у нас жуткий сладкоежка. Ему только дай волю! А уж как он любит торты! Я-то их печь не умею, и часто не покупаю.

— Ага, а раз я умею, то часто придется печь…

— Ты правда умеешь? — спросил Лехо, глаза которого так и сверкали.

— Нет, ни в коей мере! — тут же ответила я.

— Шелгэ! Ну, испеки тортик! Ну, оди-ин!

— А потом второй, потом третий, и так в бесконечность!

— Да! — довольно сказал Лехо.

— Ну, нет, увольте! Хотя…

— Ну, пожалуйста.

— Лехо, ты мне будешь помогать!

— Я-а? — удивился Лехо.

— А у вас что, есть еще один Лехо?

— Где? Нет, вообще есть у нас в школе. А что?

Я глубоко вздохнула и выдохнула, удерживая себя в руках. Ну какие же они ТОРМОЗА!

— Хорошо, мне будет помогать другой Лехо, и торт тоже скушает он!

— Ну уж нет! Я буду помогать, и есть буду я! — тут же сказал Лехо.

Хорошо, хоть так доходит!

— А чем ты занималась у себя дома? — спросила Танра.

— Училась! — ответила я. — Я в университете училась на физкультурном факультете.

— Физкультурном?

— Да. Боевое отделение, группа владения оружием, подгруппа магического оружия.

— Да-а? — Танру я поразила до глубины души, и даже Ива поднял голову. — Но это же совсем не женское занятие!

— Почему же? — совершенно искренне удивилась я, но тут же вспомнила, что я у аладаров, а у них все немного по-другому. — Понимаете, у нас, арийцев, нет дифференциации на мужские и женские профессии. У нас женщины не особенно отличаются по работоспособности от мужчин, а уж если брать ловкость, которая преобладает в сфере владения магическим оружием, то женщины еще и превосходят мужчин.

— Арийцы-мужчины не сильнее ариек-женщин? — спросила Танра.

— Сильнее, конечно, но ненамного, да и в бою не сила решает исход. Вообще юношей победить легче, чем девушек. Не в обиду будет сказано, но они немного недальновидные. Все слишком прямолинейно. Как ни странно, самая любимая фигура у них — это прямой удар с применением какого-нибудь метода оружия. Это очень банально.

— А кем бы ты была по окончании? — подал голос Ива. Этот час нужно запомнить — он со мной заговорил!

— Военным ученым в звании офицер, — ответила я.

— Ученым? — удивилась Танра.

— Офицером? — поразился Ива.

— Нас учат не только владению оружием, но и технологиям его разработки, — пояснила я. — У вас тут есть похожие факультеты? Мне бы не хотелось прерывать или менять направления обучения.

Танра посмотрела на Иву.

— Есть, — кивнул тот. — Но там только парни…

— Им же хуже, — нехорошо усмехнулась я.

— Ну что, будем печь? — воскликнул Лехо, который уже успел вымыть посуду и теперь ожидал моих указаний.

— Блин!

— А я думал, это корж называется.

— О, точно! Корж! Корж! КОРЖ! — причитала я. Никто так ничего и не понял, я запустила пальцы в волосы. Господи, как же я тут жить-то буду!

— Так корж или блин?

— И то, и другое, и желательно с маслом.

— Тебе масло нужно?

— И оно тоже, — вздохнула я, сдаваясь.

— А что еще?

— Смотря какой торт ты хочешь.

— Вкусный! — тут же ответил Лехо.

— Это определяет качество ингредиентов, а не их набор.

— А как определяют, какой я хочу? — серьезно спросил Лехо.

Не будем тормозить и ответим на вопрос, который имелся в виду.

— Например, песочный или слоеный, вафельный, а может быть, бисквитный. Фруктовую начинку или кремовую, а может, масло? А может, тебе вообще торт-мороженое надо?

— Ты все это умеешь? — восторгу маленького аладара не было предела.

— Я, конечно, понимаю, что ты хочешь все и сразу, но выбрать нужно только что-то одно. Впрочем, не заморачивайся, сделаем из тех продуктов, которые есть дома.

— Что не делать?

— Не заморачиваться, то есть не думать об этом.

— Ну а какой же мы торт будем печь?

— Какой получится! — оптимистично заявила я.

— Тебе надо что-нибудь особенное? — спросила Танра.

— Да нет, мне бы неособенное найти.

— Что? — не поняла Танра.

— Где у вас тут что лежит? — перевела я.

— Я тебе сейчас покажу, — кивнула женщина.

Работа закипела. Танра по настоянию Лехоса не вмешивалась в процесс подготовки, и только издалека, при необходимости подавала необходимые предметы. А помощник из Лехоса получился хороший. У меня ни один корж не пригорел, крем получился нужной консистенции, все было промазано как следует, и торт вышел идеально ровный, чего у меня раньше никогда не получилось!

— Ух ты, какой торт! — восхитилась Танра. — Настоящий кулинарный шедевр.

— О, да, не могу с вами не согласиться, — кивнула я. — Такой ровный у меня еще ни разу не получался. Обычно все на бок косит, но с Лехо у нас идеально ровный вышел.

— Эх, резать жалко, — сказал мальчик.

— Так, может, не будем! — хитро предложила мама.

— Можно не резать, — серьезно кивнул Лехо. — Я могу его и не резаным съесть!

— Ничего себе заявочки! — расхохоталась я.

— Ну ладно, порежем пополам, мы же вместе его делали, —

сказал Лехо.

— А как же твоя мама, она ведь нам помогала!

— Ладно, на три, — с меньше охотой согласился Лехо.

— А брата ты что, без торта оставишь? — спросила Танра.

— Нет, с ним тоже поделюсь. Но папе не дам, он все равно не любит!

Мы снова рассмеялись.

— Что вы тут смеетесь? — на кухню вошел Ива.

— Вот-вот! Он всегда приходит сразу к столу! — воскликнул Лехо. — Что бы ни приготовили, он всегда приходит точно тогда, когда все собираются садиться кушать!

— Так разве же это плохо? — удивилась я.

— Плохо, — понурил голову Лехо. — Я всегда опаздываю.

Торт получился восхитительным, и съели мы его очень быстро. Как всегда. Готовишь-готовишь, а съедается все как-то слишком быстро, но оно того стоит. Жаль только, что это занимает столько сил и времени. В замке зашумели ключи (если бы Лехо не обратил на это мое внимание движением уха, я бы не заметила), и в дверь вошел, вероятнее всего, муж Танры. Он сказал что-то по-олеански — наверное, какое-нибудь приветствие — и завозился в прихожей. Танра поднялась со стула и пошла в прихожую, я следом. Мне было интересно посмотреть на папу Лехо и Ивы, да к тому же все равно нужно было знакомиться.

— Привет! — по-олеански сказала Танра и дальше продолжила говорить с мужем, он что-то ей отвечал.

Я вышла из-за угла и уставилась на аладара. В коридоре было слегка темновато, но мне это было не помехой, я отлично видела и ночью. Вот белые прямые волосы до подбородка с челкой, падающей на глаза, и ушки без кисточек, и фиолетовые глаза, только побледнее, чем у Ивы, и высокий рост, и ширина плеч. Бог ты мой, он часом не великан, а? Люди вообще такого роста бывают? Выходит, бывают… Я еще раз окинула его взглядом. В коридор вышли Ива и Лехо. Да он же выше Ивы на целую голову и в плечах шире!

Тут он повернулся ко мне и стал рассматривать.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Здравствуй, — через некоторое время ответил аладар. Он так плохо говорит по-неноленски, туго соображает или «рад» меня видеть? — Значит, ты арийка?

— Ну да, — я на всякий случай махнула хвостом.

— Рад. Давно у нас гостей из других стран не было, — улыбнулся аладар.

— Рада посетить другую страну! — усмехнулась я.

Нормально он говорит по-неноленски, и вообще нормальный

мужчина, веселый, любознательный. Лехо, видно, весь в него пошел. Вопросами засыпал, но и сам исправно отвечал. Оказывается, резкая смена внешней политики произошла из-за такой же резкой смены власти в Олеа, а точнее, смены мнений народа. На прошлогодних выборах победила довольно радикальная партия Союз Противостояния, в суть политической деятельности которой я так и не вникла, и правительству пришлось подстраиваться под радикально настроенный парламент. Вообще изменений произошло много, и не только в международной политике, но в итоге во все страны отправились дипломаты. Олеа стала вникать в международную политику, создавать свои представительства в других странах, активно участвовать в международных переговорах, улаживать споры и решать проблемы. Учитывая, что до того активность Олеа в данном аспекте была почти нулевой, она очень быстро освоилась. О причинах столь резкой смены мнений народа я тоже узнала. Оказывается, так повлияло на умы людей какое-то неожиданное научное открытие в сфере боевой магии. Вот только никак не могу понять, как боевая магия может влиять на внешнюю политику? Ну, хорошо, нашли они новое оружие, но зачем тогда быстро налаживать взаимоотношения с другими странами. Наоборот, воевать надо! Странно…

Так же я узнала, что самого главу семейства зовут Энат, у него есть своя аптека, где он проводит большую часть времени. Танра, оказывается, раньше работала специальным агентом по гражданским делам и часто бывала в Ненолене, хотя по образованию юрист. Ива учится в университете на того же самого юриста и весьма успешно совмещает юриспруденцию с музыкой. Ну а Лехо, оказывается, вообще круглый отличник!

Взамен этой информации мне пришлось основательно рассказать о себе и своем увлечении боевыми искусствами. Энат был сильно удивлен моим выбором специальности, долго расспрашивал, чему и как нас обучают, но под конец все-таки успокоился, сказав, что раз я так рассказываю о своем деле, значит оно на самом деле мое, и я на своем месте. Я, конечно, это еще раньше знала, но все равно отрадно это слышать!

Вечером я буквально валилась с ног, да еще и часовой пояс здесь другой. В общем, когда я дошла до кровати, я решила, что проснусь не раньше, чем через неделю. Давненько я так не уставала, пожалуй, с последней полной тренировки на мечах.

Проснулась я действительно поздно по аладарскому времени, аж в десять часов, хотя в Арии сейчас было бы в самый раз для утренней пробежки. Ну что ж, один день не побегаю — ничего не случится, а завтра встану пораньше. Умывшись и приведя себя в

порядок, я зашла на кухню, где нашла стоящий на столе завтрак. Судя по количеству, не позавтракала только я одна. Я только села за стол, как в кухню прискакал, именно прискакал, другого слова для таких звуков не придумать, Лехо.

— Привет! — радостно воскликнул он.

— Доброе утро, — кивнула я.

Мальчик сел напротив.

— Долго же ты спишь! — сказал он. — Я и то уже давно встал, а мама даже в магазин ушла.

— В магазин?

— За продуктами. Она пока вчера тебе показывала, что где лежит, нашла много уже испортившихся или заканчивающихся продуктов. Вот и решила сходить и прикупить все свежее.

— Понятно.

— А что ты сегодня будешь делать?

— Не знаю, — пожала я плечами. — Мне вообще-то надо в универ идти устраиваться. Мне тут направление написали.

— Универ — это больница? — спросил Лехо.

— Больница? — опешила я.

— Ну, тебя туда направили, а направляют же в больницу.

— Ну, не только. Направить могут много куда. А универ — это сокращение от «университет», и направление у меня не на лечение, а на зачисление, точнее, на перевод из арийского в олеанский.

— А-а! — понял, наконец, Лехо. — А ты хочешь на тот же факультет?

— Желательно, и отделение то же, и группа, и подгруппа. Мне очень нравится тот профиль, по которому я учусь. Как я поняла, тут такое есть, значит, меня должны взять.

— Ты уверена, что возьмут? — на кухню вошел Ива.

— А почему нет? Все нужные документы у меня есть, сессия закрыта, да и училась я не так уж и плохо. Или у вас тут что-то еще нужно? — спросила я.

— Да нет… просто ты девушка, а там одни парни учатся.

— Ну, я буду одной девушкой, — пожала я плечами. — Не привыкать, у нас в группе девушек тоже было не так уж и много, хотя, конечно, не одна. А вообще обычно занимаются группой, а в группе хотя бы на теоретическом девушки-то есть.

— А подгруппой когда занимаются? — спросил любознательный Лехо.

— На практике.

— И ты будешь одной девушкой? Они же дерутся там! — удивился Лехо.

— Не дерутся, а учатся сражаться, участвуют в поединках. Мы

же не дворовая шпана, чтобы драться, — поправила я.

Лехо с Ивой переглянулись, но спорить не стали.

— Но там ведь нужно оружие, — осторожно заметил Ива.

— Точно! Спасибо что напомнил, надо будет разрешение взять, — вспомнила я.

— У тебя есть оружие?! — Лехо аж на месте подскочил.

— Конечно, есть, но дома. Я кто, по-твоему, — студентка или школьница?! Когда получу разрешение, мне его пришлют.

О, похоже, юноши выпали в осадок. Они что, никогда не встречали девушек-воинов? Они думали, я тут все шутки шучу? Ну, блин!

— В каком универе есть моя кафедра? — спросила я.

— В Эмеденском.

— Покажешь, где это?

Ива кивнул.

— Вы в одном универе будете учиться? — спросил Лехо. Быстро учится! Может, и удастся научить чему-нибудь путному.

— Ты там учишься? — спросила я у Ивы.

— Да, — снова кивнул он.

— Прикольно!

— Ты сегодня хочешь туда попасть? — спросил Ива.

— Не вижу смысла откладывать.

— Тогда собирайся, я сейчас туда поеду.

— Ок!

Я собрала посуду со стола и быстро вымыла.

— А я что, тут один останусь? — обиделся Лехо.

— Ну извини, мне туда все равно надо.

О, боже мой! О господи! Бедные аладары, которые приезжали в Арию. Если им доставалась хоть бы половина того внимания, которое сейчас достается мне, то я им очень сочувствую. Ну что же вы, люди, как в зоопарке? Будто никогда арийцев не видали! Ну ладно, быть может, в живую и не видали, но ведь не две же недели назад узнали об их существовании. Что же вы так пялитесь? У-у-у-у-у…

От переизбытка чувств я стегала хвостом в разные стороны, чем еще больше привлекала к себе внимание. И самое противное, что я не могу сдержаться, это привычка! В Арии меня бы уже сторонились, предпочитая не связываться с взбешенной девицей, но в Олеа либо не знали ничего об арийцах, либо наплевали на все знания и только еще любопытнее тянулись ко мне. О-о, в пору бегом бежать!

Но я шла, шла спокойным и размеренным шагом рядом с Ивастасом, и ничем, кроме хвоста, не выдавала своих чувств. Впрочем, о хвосте здесь, видимо, мало кто был осведомлен, так

что я с гордостью могу сказать, что ничем не выдавала своих чувств. Ну, когда же это кончится?

Мы сели в энергичку и помчались в столицу. Я поскорее села на свободное место и отвернулась к окну, чтобы не видеть заинтересованных взглядов и вытягивающихся шей. Однако пейзаж за окном мне скоро прискучил, ибо не сильно менялся. Пришлось повернуться и все-таки удостоить вниманием пассажиров энергички. Ну да, кругом аладары — высокие и светлые, обычно невозмутимые, но теперь таращившиеся на меня со всех углов. Умела бы выть так проникновенно, как волки, — непременно бы завыла! Знаменитость, блин! Знала бы — ни за что не поехала в Олеа. Слава богу, ехать нам не так долго, а то еще немного, и я бы уже точно кого-нибудь укусила.

О, бог мой, в столице людей еще больше! Может, обратно в энергичку? Там люди уже пообвыкли немного и не смотрели с таким…. таким… ба, сколько восторгов. Видно, точно раньше не видели арийцев, да, наверное, и риварцев с деценсейцами. Но они весьма доброжелательно смотрят, просто я для них необычная, интересная. Ладно, уговорили, терпимо и даже немного лестно. Хвост перестал метаться и принял свою обычную форму.

— Ой! — пискнул рядом кто-то. — Он сам двигается!

Я обернулась и увидела маленькую аладарку, с неописуемым восторгом смотрящую на мой хвост.

— Конечно, сам. Никто его за веревочки не дергает, — усмехнулась я.

Девочка испугалась и спряталась за маму, я улыбнулась, она осмелела и вышла вперед. Мама не препятствовала, видимо, сочла маленькую дочку хорошим предлогом для того, чтобы легально на меня посмотреть. Я присела около девочки на корточки (хоть к кому-то надо приседать, а не голову задирать), подобрав хвост. Не дай бог, кто споткнется, или, того хуже, наступит. С этих аладаров станется, они же вообще под ноги не смотрят со своей высоты.

— Ой, — снова восхитилась девочка и посмотрела на меня большими голубыми глазами, протянула руку и тихонько подергала меня за прядь синих волос. — А зачем ты волосы в синий цвет покрасила?

— Я не красила. Они у меня от природы такие, — усмехнулась я.

— Синие? — округлила глаза девчушка.

— Да. Вот у тебя серебристые, а у меня синие.

— Но так не бывает! — заверила меня девочка.

— Почему же? Вот у вас все светлые и нет синих, а у меня дома у всех синие волосы и ни одного светленького нет. Разве что

голубые иногда встречаются.

— Все синие и нет светлых! — ужаснулась девочка.

Я усмехнулась, поднялась и вернулась к Иве.

— Как ты так можешь? — спустя несколько шагов спросил он.

— Как?

— Ну, вот так! Со всеми общий язык находишь, да так легко и незаметно. Тебя даже не раздражает, что все на тебя смотрят!

— Поначалу раздражало, — поправила его я. — И сильно, но разве можно обижаться на таких вот малюток, которые будто сроду хвоста не видали! Да, внимания, конечно, многовато, но это просто интерес, причем весьма доброжелательный.

— Так она действительно хвоста не видела, и я не видел до вчерашнего дня, — усмехнулся Ива.

— Судя по всему, как и большинство олеанцев, — кивнула я, вспомнив, где нахожусь. — Если бы я раньше аладаров не видела, я бы тоже, пожалуй, на вас с таким интересом смотрела.

— А так без интереса?

— Ну, не с таким диким! К тому же ушки поближе я вчера уже успела рассмотреть.

Ива удивленно уставился на меня.

— А мы с Лехо хвост на уши поменяли, — пояснила я.

Ива какое-то время соображал, что мы с Лехо сделали и, наконец, рассмеялся. Ох, и тормоза, бли-ин!

— Ну, собственно, вот и Эмеденский университет.

В центре Вианасты дома были многоэтажные и из-за этого очень высокие. Здание университета от канонов не отходило, разве что первый этаж у него высотой в два этажа, а остальные восемь-девять этажей были вполне обычными по олеанским меркам. А так вообще здание красивое: из светлого кирпича с белыми рамами старинное крылечко с навесом, лавочки в зеленом дворике, деревья какие-то чудные, высокие с раскидистыми ветками, самые нижние из которых расти начинали в метрах двух над землей.

— Красиво у вас тут! — сказала я.

— А? Да обычно, — пожал плечами Ива.

Зачисление прошло вполне спокойно, ибо аладары, этим занимающиеся, попались весьма сдержанные и просвещенные. Единственное, на что их терпения не хватило, — это на мой выбор специальности. Челюсти так и застучали по полу, когда я назвала боевое отделение физкультурного факультета. А уж когда я сообщила, что хочу учиться в подгруппе магического оружия, они просто выпали в осадок и минут десять тормозили. Впрочем, после долгих уточнений и разных намеков на неподходящий

выбор меня все-таки зачислили туда, куда я просила, просветили по поводу начала учебы, дали допуск и разрешение на ношение оружия и сообщили, что все остальное я узнаю в процессе, ко мне будет приставлена направляющая. Надеюсь, они позаботились, чтобы она хоть немного понимала по-неноленски, а то я с ней так легко общий язык не найду, ибо олеанский я знаю все еще очень плохо. Так пора учиться!

Ива нашел меня на лавочке самозабвенно болтающую с воздухом на непонятном ему языке. На этой лавочке мы с ним и уговорились встретиться, вот только разговор мой не был учтен, так что он слегка впал в ступор, прежде чем понял, что я говорю по аудофону. Пока он стопорился, я закончила разговаривать с мамой. Я, собственно, обещала, что позвоню ей еще вчера, но закрутилась и так и не позвонила, но теперь наверстала. Я рассказала ей самым подробным образом все, что уже видела и что мне предстоит увидеть, сообщила свой адрес и попросила прислать мне те вещи, которые я не взяла с собой сразу, включая и оружие, на которое у меня теперь было разрешение. Я как раз попрощалась с мамой и отключила аудофон, когда Ива, наконец, пришел в себя.

— Ну что, домой? — спросила я, поднимаясь.

— Тебе больше никуда не надо? — спросил он.

— Надо будет завтра или после завтра, — кивнула я.

— Куда? — удивился Ива.

— На почту! Мне остатки вещей пришлют. Покажешь, где это?

— Хорошо, — кивнул Ива. — А тебя зачислили?

— Да.

— На боевое отделение?

— Да, в подгруппу магического оружия, — предупредив дальнейшие вопросы, ответила я. — Что вас всех так удивляет?

— Да в общем-то ничего… Нет, как это ты будешь учиться на боевом отделении? Там же только парни, по крайне мере, на практическом!

— Теперь не только парни, теперь еще и я!

— Ты серьезно там учишься, и дома у себя тоже училась?

— Слушай, мне что, тебе в нос дать, чтобы поверил, что я боевик! — уже всерьез разозлилась я. И что они все привязались?!

Ива воззрился на меня со священным ужасом.

— Нет, не надо…

— Тогда прекращая всякую фигню пороть!

— Что делать?

— Не спрашивай меня больше про то, как и где я учусь! На, — я протянула ему студенческий. — Все?

Ива, внимательно изучив документ, не нашел, к чему придраться, и вернул мне, философски пожимая плечами. Ходят тут всякие ненормальные девицы, что ж на всех внимание обращать?

На обратном пути я уже спокойнее отнеслась к пялящимся людям и даже поболтала с одним старичком, который сидел на соседнем сидении. Ива стоял рядом, слушая, о чем мы говорим, но сам в разговоре не участвовал. В Ненолене нонсенс говорить на улице с незнакомыми людьми, наверное, в Олеа тоже.

— Ну что? — спросила Танра, когда мы вернулись домой.

— Все нормально, зачислили, — ответила я и сразу же вручила ей студенческий, дабы она не задавала мне те же вопросы, что и Ива. Танра долго удивленно смотрела в него, а вот Лехо только один раз заглянул ей через плечо и как ни в чем не бывало продолжил жевать яблоко. Интересный феномен. Он что, читать не умеет? Да вроде бы умеет.

— Значит, все-таки боевое отделение…

— Да, я же сказала, что хочу продолжить обучение, — кивнула я и обратилась к Лехо. — Я смотрю, тебя единственного это не удивляет.

— А чему удивляться? — с набитым ртом удивился мальчик. — Если уж ты торт можешь испечь, то магическое оружие — это несложно, в этом даже я разбираюсь!

— Ты разбираешь в магическом оружии? — теперь пришло время удивляться мне.

— Так, увлекаюсь немного, — кивнул он. — Только владеть им не умею, научить некому, а мама меня в школу боевых искусств отдавать не хочет.

— Не хочу, нечего тебе там делать. Окончи сначала музыкальную школу!

Лехо скривился, как от зубной боли, но промолчал.

— А чего ты так на музыку-то? — спросила я у него, когда Танра ушла.

— Да ну ее! Любой олеанец умеет петь, и каждый второй играет на чем-то. Это скучно и неинтересно, а вот боевые искусства!..

— Эх, у нас наоборот. Каждый ариец умеет драться, а вот петь единицы, — вздохнула я.

— Серьезно? — удивленно подскочил Лехо. — А ты меня можешь научить?

— Чему? — удивилась я.

— Драться!

— А ты не умеешь? — теперь в ступор впала я. Я бы еще поняла, если бы Лехо был девчонкой, — такие даже у нас в Арии

хотя и редко, но встречаются, но чтобы нормальный пацан не умел драться?..

— Нет, — горько вздохнул Лехо.

Я долго хлопала глазами.

— Так научишь?

— Офигеть! — заключила я. — Ты это серьезно?

— А чему ты удивляешься? Ива хоть в универе на военной кафедре чему-то учится, а я в школе вообще ничего и никак. Другие немного умеют и даже дерутся иногда, а я вообще нет…

Вот уникум!

— А ты уверен, что тебе это нужно? Может, и правда лучше музыка? Ты, кстати, на чем играешь?

— Нужно, еще как нужно! — заверил меня мальчик. — А я на скрипке играю.

Скрипка! Даже я — далекий от музыки человек — знаю, как на ней сложно играть. Зачем ему драться, если у него есть скрипка?

— Ну пожалуйста, меня больше никто не научит.

— Ладно, научу, но чтобы никто лишний не знал. Есть тут какое-нибудь достаточно просторное, но не особенно просматривающееся место?

— Есть! — радостно ответил Лехо. — Там как раз все драки и проходят, чтобы учителя не видели.

— Ну, пошли тогда учиться!

Место и впрямь оказалось укромное и просторное, как раз для драки. От взглядов из школы его защищал пристрой без окон, а от прохожих с улицы — густые кусты. Хорошее место. Для начала я на пробу предложила ему нападать, чтобы определить уровень, и выяснила, что он действительно нулевой. Запущенный случай! До самого ужина я учила его основам борьбы, простым приемам и тактике ведения боя. Ученик он был хороший, если бы еще не стеснялся бить в полную силу, которой у него пока было не так уж и много. Никак он не мог понять, что я в любом случае или уклонюсь, или перехвачу удар. Вот что значит воспитание, наверное, правда была Танра, когда-то запретила ему учиться боевым искусствам. Хотя с другой стороны, раскованность — дело наживное, главное — это решительность, а ее у него было хоть отбавляй, пока на пути его кулака не стояла девушка. Если все мои сокурсники такие же воспитанные и принципиальные, то мне будет с ними очень сложно драться на поединках.

— Вы откуда это такие… Это вы откуда такие? — Ива даже забыл из прохода отойти, когда открыл нам дверь.

— С улицы, — ответила я, обходя парня. Слава богу, что проем такой широкий!

— И что вы там делали?

— Бегали. Я сегодня с утра пробежку пропустила, так что решила побегать вечером, а Лехо составил мне компанию, — ответила я, прежде чем Лехо успел вставить хоть слово.

— А-а…

Есть и плюсы жуткой тормознутости аладаров!

Вечер прошел на редкость умиротворенно и спокойно. Намучившийся Лехо был спокоен, как никогда, Ива безвылазно сидел у себя в комнате, (интересно, что он там делает?), Танра с мужем сидели у иллювизора, но особого внимания на него не обращали. Я прислушалась к их разговору и стала с трудом разбирать олеанский. Говорили они примерно так:

— Ты знал, что она — боевой маг? — спросила Танра.

— С чего ты взяла? — не поверил Энат.

— Видела ее студенческий. Боевое отделение, группа владения оружием, подгруппа магического оружия!

— Так это не боевой маг, а просто физкультурный факультет!

— Какая разница, она же девушка!

— Ну, да это странно, но чего не бывает. И разве плохо, что она боевик? У нас в Олеа таких не хватает.

— Господи, Энат, она же девушка! Как она может драться, да еще и с юношами!

— Значит, может, раз ее зачислили, — поджал плечами Энат. Хоть у кого-то не так сильны предрассудки!

— Энат, я тебя не понимаю. Ты хоть сам-то себя слышишь! Не каждый юноша может поступить на боевое отделение, я уж молчу про практику с магическим оружием! А она девушка.

— Между прочим, с магическим оружием обращаться проще и интереснее, чем с обычным. Это просто проходной балл высокий, а так учиться не сложно, — не выдержала я.

На месте подскочили все, и Лехо в том числе.

— Ты говоришь по-олеански? — удивленно спросил мальчик.

— Нет, — покачала я головой.

— А как же ты тогда поняла, о чем они говорили? — еще больше удивился Лехо.

— Я понимаю по-олеански немного, но говорить пока не говорю, — пояснила я. — А вообще мне надо научиться, а то я ничего не пойму в универе. Научите?

— Конечно, — кивнула Танра, во все глаза смотря на меня, и тут же спохватилась. — Извини, что мы о тебе говорили, но я просто переживаю… Что бы ты ни говорила насчет того, что спокойно справляешься с программой, я все равно плохо себе это представляю.

— Магическое оружие не требует большой физической силы,

только ловкость и сообразительность. Нет, сила, конечно, нужна, но все в пределах допустимого. К тому же арийцы немного другого склада, так сказать. Беспокоиться не о чем.

Танра с Энатом переглянулись. Было очевидно, что Танру моя речь от беспокойства не излечила, но зато Энат был полностью спокоен.

— А откуда ты знаешь олеанский? — спросил Лехо.

— В Арии немного учила, но очень немного. Я и понимаю-то с пятого на десятое, додумывая слова, а уж сама говорить вообще не могу. Надо меня учить!

— А чему вас учат на боевом отделении? — спросил Энат. — Кроме владения оружием.

— Конечно, упор больше делается на практику, потому что без нее теории не поймешь, а вообще учат нас и военным дисциплинам, и научным. С магическим оружием не справиться, если не знать магии.

Энат и Лехо наперебой расспрашивали меня о моем обучении, причем если Лехо интереснее была практика, то Энат наступал на теорию.

Сегодня я встала рано, переоделась и отправилась на утреннюю пробежку. Народу мало, никто особенно глазеть не будет. Когда же вернулась, обнаружила, что число присутствующих дома аладаров резко поубавилось.

— Мы с тобой вдвоем? — спросила я у Лехо, залпом выпив стакан сока.

— Ага, папа на работе, Ива к Сену ушел, а маму вызвали кого-то консультировать на очередное задание, — ответил Лехо. — Слушай, у меня все мышцы болят. Это нормально?

— Нормально, — кивнула я, усмехаясь и вспоминая свои первые тренировки. — Раньше ты не особенно утруждался тренировками, вот теперь все и болит. Это пройдет через день-другой. Ну а если будешь заниматься систематически, то и появляться не будет. Так, приятная усталость после тренировки.

Лехо вздохнул.

— А ты где была?

— Бегала.

— Ты на самом деле бегаешь по утрам?

— Да, конечно. А как иначе? Если бы не бегала, давно бы форму потеряла. А вообще систематически еще и на тренажерах занимаюсь. Учеба начнется, там и узнаю, где и как этим можно заниматься.

— На тренажерах? — удивленно переспросил Лехо. — По тебе не скажешь!

— Я же не борьбой занимаюсь и не тяжелой атлетикой. Мне нужна сила, а не мышцы, к тому же я арийка.

— Арийка — значит, сильная?

— Ну, да. Грубо говоря, да. При желании арийки вполне могут соответствовать мужчинам по силе и не озабочиваться сильноразвитой мускулатурой.

— А аладары так не могут? — спросил Лехо.

— Насколько я знаю, нет, по крайней мере, ничего подобного нигде не встречала. А вообще тебе-то это зачем? Тебе, наоборот, накачанные мышцы — самое то.

— Да боюсь, если я буду постоянно заниматься, мама заметит.

— О, не думаю, что она будет против, если ее сын резко похорошеет, и на него будут заглядываться все проходящие мимо аладарки. К тому же ты в конце концов растешь. У вас Ива вроде бы не качается, а вон какой вымахал.

— Ну да, — кивнул Лехо, разом повеселев. — Точно!

— Все-то до вас как до жирафов. И вообще, хватит говорить по-неноленски! Говори на олеанском!

Лехо послушно и быстро что-то пролепетал, я не поняла.

— Нет, ты делай скидку на то, что я не понимаю!

Лехо повторил помедленнее и повнятнее.

— О-о, — вздохнула я. — Переводи!

— Ты сегодня драться продолжишь учить?

— Это так звучит… хм, как же много я не знаю, — задумалась я.

— Так будешь или нет?

— А по-олеански?

Лехо перевел.

— Да, буду, — так же на олеанском ответила я, Лехо расхохотался.

— Что я такого сказала?

— Да, с мясом, — хохотнул мальчик.

— У меня произношение такое чудное или я просто не то слово сказала?

— То, только проспрягала не так, и вышло мясо! — еще пуще расхохотался Лехо.

— Спряги правильно!

— Иа, имтахэн, а не им тахн, — поправил меня Лехо.

— Как все сложно то!

— Да нет, драться и то сложнее.

— Кому как!

Немного тренировок, немного практики олеанского, немного чистого смеха, и мы чуть не прошляпили обед, за которым Танра

очень удивилась такому дикому аппетиту Лехо. Загоняла я мальчишку! А вообще он хорошо поддается обучению, схватывает все на лету. Когда у него появится нужная для удара сила, он станет хорошим бойцом. Думаю, он бы хорошо учился на боевом отделении, и скорее даже не на магическом оружии, а на обычном. Для магического оружия смекалки ему все же не хватает, соображать надо побыстрее, а вот с обычным оружием цены бы ему не было. Но это я уже мечтаю. Я его драться научу, чтобы он уж себя ущербным не чувствовал, и все. У него еще музыка есть!

— Слушай, а сыграй что-нибудь на скрипке, а? — попросила я, вспомнив про музыку.

— Ой, да ладно, — отмахнулся Лехо. — Что ты скрипки не слышала?

— Слышала — на концерте из середины среднего ряда в огромном зале, — кивнула я. — А вблизи и в тишине — нет.

Лехо удивленно на меня уставился.

— Я же говорю: в Арии музыканты — большая редкость.

Мальчик еще немного поудивлялся, а потом сходил за скрипкой. Ух ты, какая она! Вблизи такая красивая! Он сыграл один долгий тягучий звук и прислушался, кивнул каким-то своим мыслям и заиграл уже по-настоящему. Как здорово играет, прямо дух захватывает.

— Здорово!

— Не очень. Я сильно сфальшивил, до академического еще далеко. Выучу, — сказал Лехо.

— Нашел кому сказать! Я вообще не слышу.

— Как это?

— А, мне по ушам стадо диких деценсейцев проскакало, я глухая! Единственное, что я улавливаю, — это ритм, и то потому, что танцую.

— Ты еще и танцуешь?

— А боевые искусства сродни танцам. Надо будет у вас тут танцевальный коллектив поискать, — наметила себе еще одну цель я.

Тут зазвонил мой аудофон. Лехо прижал уши и с ужасом уставился на меня.

— Чего он так вопит?

— Звонит, — наученная горьким опытом тупости аладаров, ответила я.

— Я понимаю, но чего так громко?

— Нормальная громкость: и не оглохну, и не прослушаю, — ответила я. Аудофон никак не выуживался из сумки.

— Господи, да выключи ты его! — Лехо еще и руками уши

закрыл. Неужели для них это действительно так громко?

Я, наконец, достала сию устрашающую аладаров технику и нажала соединение.

— Да, мам! Да, он точно, — я перешла на арийский и браво затараторила, потом так же долго тараторила мама, рассказывая мне про себя, про папу и про брата. Вскоре я была в курсе всех домашних новостей и того, что посылку мне благополучно отправили, и завтра я могу ее забрать. Вот что значит телепортируемые рейсы! Люди, конечно, так перемещаться не могут, но вот вещи могут, и очень быстро и качественно!

— Ты как из огнемета строчишь! — воскликнул Лехо, когда я, наконец, закончила говорить. — Я бы не понял, даже если бы ты говорила по-неноленски. Да что там! Даже по-олеански бы не понял. У вас там что, все так тараторят?

— Не все так, но арийцы говорят быстро, особенно по сравнению с вами, аладарами, — усмехнулась я.

— Теперь я, кажется, понимаю, за что нас называют тормознутыми, — вздохнул Лехо. — По сравнению с этим поневоле почувствуешь себя ущербным.

— Самокритика — это хорошо! — похвалила я. — Но самосовершенствование — еще лучше. Учи меня олеанскому!

Благодаря присоединившейся Танре я за один вечер доучила всю грамматику, необходимую для сносного понимания олеанского, поправила свое произношение, чтобы не шепелявить и не картавить, научилась многим замечательным выражениям и сильно пополнила свой словарный запас, попутно совершенствуя спряжение и склонение слов. Сложно, и какая каша теперь в голове! Так, надо лечь спать, и пусть голова сама как-нибудь разбирается со всем этим иностранным бредом. Куда уж как арийский проще! Хотя олеанский красивее и мелодичнее.

Проснувшись утром, я поняла, что в голове назойливо крутятся глаголы-исключения в образовании будущего времени. Господи, какой кошмар! Да я же в жизни никогда не занималась языками до такого состояния! Зачем я приехала в эту Олеа?

— Доброе утро! — приветствовала меня Танра.

— Калева, калево, кальт, — просклоняла я слово «утро» в трех основных падежах.

— Верно, — улыбнулась она.

Я до кучи разродилась еще и исключениями, которые, похоже, мне всю ночь снились.

Меня похвалили, в паре мест поправили и предложили позавтракать, на что я ответила, что сначала пробежка, потом завтрак. Переубедить меня у нее не получилось, так что я вскоре уже трусила по просыпающейся улице. Вернувшись, я Танру уже

не застала, зато встретила запанного Иву, сонно плетущегося в ванную.

— Физкульт-привет, — сказала я, опережая его и скрываясь в ванной.

Впрочем тот, похоже не особенно огорчился этим обстоятельством, и спокойно сначала позавтракал. Ну, он, конечно, любитель покушать! И куда оно в нем только девается?.. Я даже во времена усиленных тренировок перед соревнованиями столько не ела. Лехо уже радостно прыгал вокруг стола. Неугомонный мальчишка!

— А мы сегодня?.. — заговорщически спросил он.

— Нет, мне надо на почту. Может, позже. Ива, ты мне обещал почту показать, — напомнила я.

— Я помню, — кивнул он, отставляя от себя пустую тарелку, в которой недавно был суп. Ну да, на память аладары не жалуются даже в глубокой старости. — Тебе прямо сейчас?

— Если вещи вчера отправили телепортом, то когда их можно будет взять? Думаешь, уже прибыли?

— Скорее всего, да, — прикинув, кивнул Ива.

— Значит, сейчас.

Ива хотел что-то сказать, но не удержался и зевнул, осоловело похлопал глазами, поднялся и поплелся в ванну.

— Чего это он какой-то не выспавшийся? Вроде бы дома был.

— Так он же у нас великий музыкант, небось, всю ночь песни сочинял! — пожал плечами Лехо.

— Песни? Дома? Ночью? Круто! — неподдельно восхитилась я. — А он тоже на скрипке играет?

— Нет, он на гитаре и еще на фоно.

— И еще на чем?

— На фортепиано.

— А-а. Здорово, — эх, завидки берут!

— А на почту — это долго? А то после обеда мама придет.

— Смотря где почта находится, и пришла ли моя посылка.

Мальчик пригорюнился, видать, далеко была эта самая почта. Ива вышел из ванной, уже не такой сонный, и направился к себе в комнату. Я рассудила, что мне тоже нужно собраться.

— А где почта? — спросила я у Ивы, когда мы вышли из дома, сели в энергичку и куда-то поехали. Эх, надо будет по городу погулять, чтобы ориентироваться на местности. — Слушай, а ты мне город можешь показать? А то еду сама не знаю куда.

— Могу, — кивнул Ива, погруженный в свои мысли.

— А когда?

— Да хоть завтра, — не то чтобы отшил, но и не особенно

рад. Ну и бог с ним!

Завтра, так завтра. Я отвернулась от него и завела разговор с пожилой женщиной, сидевшей поблизости и разглядывавшей меня с самого начала поездки. Типичная аладарка, слегка притормаживает, но довольно доброжелательная, к тому же никогда раньше арийцев не видела. Крайне познавательная беседа об удивительности мира. Как же все-таки хорошо, что я хоть примерно стала понимать по-олеански и даже могу односложно отвечать.

— В нашем мире все так быстро течет, что иной раз не успеваешь даже оглянуться, как все изменяется или кончается, — разглагольствовалась пожилая аладарка.

— Да, конечно, — кивнула я.

— Вот, у подруги моей внучка еще недавно ходила в школу, а гляди ж ты, уже поступила в университет, а вот завтра хоронить будем.

— Как это? Так быстро? — я аж на месте подскочила от такого резкого перехода. — Может свадьбу справлять?

— Что ты, какая свадьба. Спрыгнула с крыши накануне этой самой свадьбы! И поди же ты ее пойми, — сокрушалась та. — Не хотела замуж — отказалась бы, хотела — так чего бы прыгать.

— И действительно, попробуй, пойми, — согласилась я, крайне озадаченная не столько поведением девушки (мало ли что может взбрести в голову человеку, чтобы он жизнь закончил самоубийством), сколько поведением этой бабуськи. Что-то не припомню я, чтобы аладары страдали такой вот словоохотливостью, да еще и с незнакомыми совсем людьми. Удивлению Ивы тоже не было предела, но он так ничего и не сказал. Интересные они тут, однако!

— А теперь куда? — спросила я, когда Ива, выйдя из энергички, остановился на полдороге. — Ива! Эй, есть кто дома? Ау!

— А? — опомнился парень.

— Куда дальше?

— Сюда, — Ива неопределенно кивнул, и сам в задумчивости побрел совсем в другую сторону.

Да что это с ним?..

— Ива, — осторожно позвала я, эффекта ноль, я потрясла его за плечо, и снова не дождавшись эффекта, одним рывком развернула его к себе. — Ау, ты ничего не путаешь?

Парень сфокусировал на мне расплывающийся взгляд, и тот неожиданно прояснился.

— Подожди! — неожиданно воскликнул он, рывком расстегнул сумку, болтавшуюся у него через плечо, вытащил

оттуда какой-то листок, порывшись, нашел огрызок карандаша и стал что-то порывисто не то писать, не то рисовать на листе, усевшись на удачно подвернувшуюся под одно место лавочку. Я с полминуты постояла-подождала, а потом присела рядом и заглянула к нему в листок. Единственное, что я разобрала точно, так это то, что он все-таки писал, но писал с жуткими помарками, неразборчиво, непрерывно что-то зачеркивая и переправляя, втискивая буквы между строк и подписывая что-то сбоку. Вот это древняя деценсейская наскальная письменность. В этом, боюсь, даже сами деценсейцы не разберутся, хотя Ива, похоже, все прекрасно понимает.

— Эй, не смотри! — Ива быстро отодвинул листок, прочертив на нем жирную карандашную линию, перечеркнувшую весь текст.

— Да какая разница? — философски пожала я плечами. — Я и так по-олеански ничего толком не понимаю, так ты еще так пишешь, что даже если бы я владела им в совершенстве, фиг бы разобрала.

Ива смерил меня оценивающим взглядом и вернул листок на место. Через секунду он снова что-то строчил, не отрываясь, а я пыталась прочесть или хотя бы понять, в какой последовательности это нужно читать. По направлению письма я однозначно определила, что начинать читать надо сверху, а продолжать справа налево. Это в принципе я знала и так, ибо большинство аладаров — левши, поэтому и письменность у них не слева направо, как у всех остальных, а справа налево. Я в свое время очень много сил и времени потратила на попытку научиться читать неноленские тексты как их написали, а не как я привыкла. Долго у меня получалась абракадабра вместо привычных слов. Да, до сих пор иногда сбиваюсь.

Я еще немного помучилась и сдалась. Не могу сказать, что я совсем ничего не поняла, пару слов я все же разобрала, но ни общего смысла, ни главной мысли я так и не уловила. Нужно совершенствоваться и еще раз совершенствоваться, может, тогда я хоть что-нибудь пойму.

— Ну ты и шифровальщик! — поразилась я, окончательно сдаваясь. Ива тем временем уже исписал лист с двух сторон и что-то подписывал, где находил свободное место. Представляю, какая там теперь каша. Интересно как он это все потом будет переводить с каракулей на нормальный язык?

— Кто? — не понял Ива.

— Ты изобрел собственные значки для написания слов и теперь так пишешь, чтобы больше никто ничего не понял!

— Да нет, — рассмеялся Ива, — радостно запихивая письменные принадлежности обратно в сумку. — Просто нужно

писать, пока пишется, а то потом не получится. А теперь я приду домой и просто перепишу, скорректирую, а основа уже есть.

— А что это?

— Да так, — парень поднялся с лавки. — Хобби.

— Это новая песня будет? — спросила я, вставая следом.

— Лехо сказал?

— Нет, услышала.

Ива резко уставился и пораженно уставился на меня.

— Даже Лехо не слышит ничего!

— Так я и имею в виду, что больше мне знать неоткуда, кроме как от Лехо, — ну что же им все время пояснять-то все надо?

— А-а, — протянул Ива.

— Бэ-э-э! — передразнила я.

— То есть ты не слышала? — видимо, на всякий случай уточнил Ива.

— Как же! Слышала… через толстенные стены, сделанные по звукопоглощающей технологии, плотно закрывающуюся дверь, стеклоуплотнители и прочие навороты, которых я не заметила.

Ужасу парня не было предела.

— Бог ты мой, ну как ты себе это представляешь? Ну ладно бы еще увидела, но услышать! Мой слух не сравнится со слухом даже самого глухого аладара.

Ива успокоился и даже повеселел. Странно как-то на него написание песен влияет.

— Вон почта, — кивнул в сторону большого прямоугольного одноэтажного здания Ива.

Мы зашли туда, я поскорее пристроилась к самой маленькой очереди, и скоро уже была перед овальным окошечком. Подождав с минуту, пока девушка вдосталь на меня насмотрится, я протянула ей паспорт и спросила, не пришла ли мне посылка. Пара мгновений, и в руки девушки легла распечатка запроса.

— Да, посылка есть, — радостно кивнула та, и неожиданно глаза у нее поползли на лоб. — Но… кажется, это какая-то ошибка…

— Почему? — обеспокоилась я. Ошибки на почте случаются, особенно если пользоваться телепортом, так что это было довольно серьезно.

— Да здесь какое-то оружие, — девушку уже подорвалась бежать куда-то вглубь здания разбираться с посылкой, но я ее остановила.

— Это моя посылка. Вот разрешение! — я протянула ей выданный мне лист разрешение и студенческий билет.

Девушка придирчиво его изучила и посмотрела на меня еще

более странным взглядом.

— Пройдемте сюда для проверки посылки, — сказала она, теперь уже удивленно вчитываясь в лист.

Я прошла в отведенное помещение, куда уже доставили мою посылку. Мне отдали распечатку и вскрыли коробку. Я принялась быстро перебирать вещи, периодически сверяясь со списком, девушка осталась стоять рядом. Перебрав немногочисленные вещи, не привезенные вместе с собой, я быстро переложила их в сумку, отметив, что все на месте. Да даже если и нет, это все вполне восполнимо… Я принялась за вторую часть посылки — мое оружие. Хорошо, что оно в сумке, а то как бы я его понесла! Я тщательно стала осматривать свой арсенал, проверяя наличие всех деталей и особенно предохранителей. С магическим оружием шутки плохи!

— Все в порядке, — сказала я, застегивая сумку.

— Это точно ваша посылка? — спросила девушка, протягивая мне бумаги для подписи.

— Да, моя, — кивнула я, поскорее подписывая все, что нужно, с одним желанием — поскорее отсюда уйти. Ну кто же знал, что моя оружейная специальность окажется такой дикой для олеанцев. — Спасибо.

— В-всего доброго, — сказала она и ушла.

— Тебе помочь? — Ива всё-таки не смог побороть любопытство, и плюнув на все правила, прошел в помещение для получающих посылку.

— Ага, было бы неплохо, — кивнула я, с радостью спроваживая ему сумку с вещами.

— А… — начал было он, потянувшись к большей сумке с оружием.

— Тут не все так просто. Эта вещь со специальным заговором, магическим замком и прочими магически наворотами. Кроме меня, ее пока лучше никому в руки не брать. Придем домой, я немного сменю настройки. Это меры предосторожности для людей, имеющих разрешение носить оружие. Кстати, эту вещь мне нужно будет поставить на учет на случай «Крайней необходимости».

— Там правда оружие? — полушепотом спросил Ива.

— Да, — устало и тихо сказала я, не сомневаясь, что он услышит. — Неужели ты все еще не веришь?

— Да верю, просто… еще и «Крайняя необходимость»… Правда, странно для девушки иметь предметы, нуждающиеся в регистрации случая «Крайней необходимости».

— Магическое оружие — это тебе не игрушки! А если у меня рассудок помутится или я погибну? А оружие так и будет вечно в

сумке, к которой, кроме меня, никто подойти не может?

— Я знаю, — как-то покаянно сказал он. — Просто не думал, что все действительно обстоит так. Но вижу, что именно так все и есть.

— Я рада, что ты, наконец, понял, — облегченно вздохнула я, одним рывком поднимая сумку и закидывая ее себе на плечо. Расправив основной ремень, я закрепила страховочный на поясе и повернулась к Иве. — Идем.

Парень открыл и закрыл рот.

— Что еще, по-твоему, странно и неуместно для девушки?

— Сколько это оружие весит?

— Во-первых, здесь облегчающее заклинание, а во-вторых, я арийка! И вообще, если бы я не могла просто таскать с собой оружие, как бы я, по-твоему, училась им владеть?!

— Представления не имею, — только и развел руками Ива.

Ехать в штаб «Уполномоченных в случаях крайней необходимости», который я сокращала просто до «Крайней необходимости» или вообще до «Необходимости», было гораздо веселее, чем на почту. Теперь бедные аладары не могли выбрать, чему же им удивляться больше: то ли приличных размеров сумке формата ТЛП («Только личное пользование») у девушки, то ли наличию самой девушки-арийки. Н-да, задачку я им подкинула! В самой «Крайней необходимости» меня встретили с большим хладнокровием, ибо должность обязывала не выказывать эмоций, а государственно-важный профиль работы волей-неволей заставлял соображать быстрее. Пара мгновений растерянных лиц, куча удивленных взглядов, и я была отпущена на свободу до первого помешательства или смерти. Тьфу-тьфу-тьфу!

— Ты так легко все это делаешь…

— Что? — не поняла я.

— Все необходимые действия, предписанные при ношении оружия.

— Когда раз в месяц обязательно куда-нибудь едешь, и в комплект твоих вещей входит какой-нибудь магический артефакт, то уж точно выучишь, что и в какой последовательности нужно делать.

— То есть нужно всегда регистрироваться на случай «Крайней необходимости»?

— Да, конечно! А как иначе! — я была поражено глупостью его вопрос до глубины души. — Иначе лишат права носить оружие!

— То есть ты каждый раз, когда переезжаешь, даешь ключ от сумки «Крайней безопасности» всех городов, в каких бываешь. Это у скольких же людей есть ключ?

— У меня одной, вообще-то. Это ТЛП, а не простой кодовый заговор.

— Я знаю, что это ТЛП, но ты говоришь, что ключ каждый раз сообщаешь «Крайней необходимости».

— Что есть ключ для изделий, сделанных по технологии ТЛП? — проникновенно спросила я, подозревая, что Ива вообще ничего не смыслит в «Безопасных механизмах».

— Определенный человек.

— Ну и как ты себе представляешь, что ключ не только у меня? Я что, клонируюсь, по-твоему?

— А какой тогда вообще смысл вставать на учет, если сумка все равно откроется только тебе? — удивился Ива.

— Ива, ты что-нибудь про «Безопасные механизмы» знаешь? — осторожно спросила я.

— Нет, — честно признался Ива. — Потому и спрашиваю.

— Оно и видно, — кивнула я. — Ключом, а точнее, единственной возможной комбинацией, на которую отреагирует вещь, сделанная по технологии ТЛП, является аура человека, на которого эта вещь сделана. Больше она не подчинится никому! Однако человек не абсолютен — он может попытаться использовать опасные вещи, например, оружие, хранимое в сумке ТЛП, в незаконных целях. Например, убивать людей. А может, он просто сошел с ума или банально умер, а «Безопасный механизм» настроен только на него. Непорядок! Это получается безнаказанность и беззаконие. Допускать такого нельзя, потому что…

— Я знаю, зачем нужная регистрация, — нетерпеливо перебил Ива. — Для регулирования отношений между вооруженными и невооруженными людьми.

— Не только. Ведь не только оружие хранится в хранилищах формата ТЛП. Еще, например, вор может что-то украсть и спрятать в такую вот вещицу, и все! А это может быть документ государственной важности! Вот для этого и была придумана «крайняя необходимость», а потом и уполномоченный «Крайней необходимости», которым надлежало регистрировать и наблюдать за всеми людьми, имеющими изделия ТЛП. Такие люди должны оставлять оттиск ауры в «Крайней необходимости».

— Но замок ТЛП не открывается по оттиску, только по оригиналу.

— Да, только по оттиску не открывается. Я должна подкрепить этот оттиском своим согласием, желанием передать им ключ к замку ТЛП, тогда они смогут подчинить себе магию моей сумки.

— Но выходит, что теперь это могут сделать все, кому ты

когда-нибудь давала согласие?

— Нет, согласие существует только в одно время и в одном месте. Дав сегодня согласие, я автоматически забрала его из «Крайней необходимости», где была зарегистрирована до того. Теперь они уничтожат там оттиск моей ауры за ненадобностью, а когда я вернусь, сделают его снова.

— А можно не давать согласие?

— Как это? Так нельзя. Это неотъемлемая часть разрешения на ношение оружия и хранение его в ТЛП формате. Я не могу отказаться от добровольной регистрации, иначе мне просто не выдадут разрешение. Вещи с ТЛП технологиями выдаются только адекватным людям, способным с ними справиться, и…

— Ну а если ты дашь, а потом заберешь?

— Просто так забрать согласие нельзя, его можно только переместить, передать, то есть дать право доступа в другом месте, — я покачала головой.

— А если тебя кто-нибудь принудит дать согласие? — не унимался Ива.

— Мое формальное согласие не играет никакой роли, оттиск от этого не загорится. Я должна действительно хотеть отдать ключ, а не быть под давлением. Поэтому технологии ТЛП так надежны, и никто не пытается добиться согласия силой. Это просто невозможно, такова их магия!

— Ну а если люди из «Крайней необходимости», получив твой оттиск, возьмут и залезут к тебе в сумку?

— Крайняя необходимость на то и крайняя необходимость, что без этой самой необходимости доступ к вещам ТЛП нет.

— Надо же, как все интересно и сложно…

— Еще бы. А вообще есть, конечно, и универсальный подчинитель, но он хранится в строжайшем секрете, и люди, ответственные за его сохранность, не имеют ни какого желания выдать его, да и не появится оно у них никогда.

— Почему это никогда?

— Ты бы когда-нибудь захотел рассказывать кому бы то ни было о своем позоре? Или зная, что чайник горячий, приложил бы к нему покрепче руку? А может быть, зная, что погибнут те, кто тебе дорог, ты бы нажал на курок и выстрелил бы в них?

Ива надолго задумался. Ладно, теперь хоть по делу, а не по всяким пустякам!

Я плюхнула сумку на кровать и потянулась, расправляя плечи и спину. Все-таки таскать на себе все свое оружие — это многовато даже при наличии сильно облегчающего заклинания и моей приличной силы. Размявшись, я склонилась к сумке и

решительно стала менять ее настройки. Перевозка окончена, и она при мне, а я живу не в глухом лесу. Все серьезные заслоны нужно снять, а принципиальные запоры — сменить на альтернативные. Да и неплохо бы сделать себе лазейку, чтобы не бегать постоянно самой к сумке.

— А что ты делаешь? — спросил Ива. Я аж на месте подскочила. Я и забыла, что он все еще тут и уходить не собирался.

— Я тебя убью! — прошипела я, жутко зыркнув на него.

Видимо, получилось у меня довольно внушительно, так как бедный юноша вздрогнул и попятился. Квиты! Я смягчилась.

— Нельзя же так пугать! Я думала, ты пошел песню переписывать!

— Ой, точно! — спохватился Ива, но тут в комнату влетел Лехо.

— Покажи! — с порога сказал он.

— Что? — осторожно спросила я.

— Оружие, конечно! Я же вживую его не видел никогда, разве что в музее, но это не то!

Мы с Ивой переглянулись, и меня разобрал смех. Старшему из аладаров было интересно ничуть не меньше младшего, и он, похоже, только и ждал, когда же Лехо прибежит, чтобы самому не просить. А вот Лехо уважаю, сам хотел — сам попросил. Никаких третьих лиц!

— Покажу, конечно, раз тебе интересно, — кивнула я. — А ты-то чего? Хотел вроде бы переписью заняться?

Ива некоторое время помялся на пороге, а потом нехотя выдавил, что ему тоже интересно, и что он тоже с оружием близко не знаком. Лехо смерил его насмешливым взглядом. Интересно, с чего бы?

Я на мгновенье задумалась и вытащила из сумки короткий меч «Светоч». Это самый эффектный, но не слишком полезный экземпляр. Золотисто-оранжевая рукоять и темно-коричневые ножны в противовес сверкающему клинку. Я с мелодичным звоном вытащила его из ножен и не удержалась. Несколько взмахов, поворот вокруг себя выпад и стандартная поза для всего светящегося оружия. Едва уловимый поворот клинка и ярчайшая вспышка осветила комнату.

— Ой!

— Ай!

Ива и Лехо принялись тереть глаза. На то он и «Светоч», чтобы слепить! Иногда такая игрушка бывает очень полезна, но все же это больше оружие неожиданного нападения, рассчитанное на быструю схватку. Подошел, ослепил и добил или взял в плен, в

зависимости от цели миссии.

Я спрятала меч и положила на место, вытаскивая второй. Прозрачные ножны для прозрачно-голубого клинка, будто вода застыла, приняв форму ножен. Звон оружия напоминал журчание, и клинок тут же заискрился, стал изгибаться, пестрить волной. Аладары, едва протершие глаза, раскрыли их пошире, дивясь на мой меч. Я ловко перебросила меч, пару раз взмахнула им над головой. Это очень эффектный меч для показательного выступления. Во-первых, он показывает траекторию движения мириадами водных брызг, во-вторых, он неярко переливается даже в отсутствие света, а в-третьих, за этим клинком наблюдать одно удовольствие, как и на фигуру, выписывающую пируэты с ним. Вот только техника владения им кардинально отличается от основной. Конечно, многое магическое оружие требует особого подхода, но водяной меч по этому пункту никто не переплюнет. Поиграв мечом на публику, я с размаху рубанула Лехо от плеча до пояса. Мальчик пронзительно взвизгнул, отшатнулся и с ужасом стал себя ощупывать. Рубашка насквозь промокла и липла к телу, как и часть волос, в глазах плясал ужас — вот и все изменения, произошедшие в нем.

— Одна из особенностей водного оружия: оно проходит сквозь предметы при желании хозяина, — сказала я, вкладывая меч в ножны.

Лехо сглотнул, вздохнул и хрипло попросил меня:

— Ты больше так не делай, пожалуйста, а?

— А больше нечем, если, конечно, ты хочешь без последствий, — усмехнулась я. — А ты вообще быстро оклемался. У нас парень, на котором преподаватель на первом уроке по водному оружию показал тот же прием, еще долго заикался.

— Заикаться, похоже, буду не я, — ответил Лехо, повернувшись к Иве.

Я только теперь заметила, что моя выходка подействовала отнюдь не на Лехо. Застыл, как каменное изваяние, почему-то именно Ива, с белым, как мел, лицом, потемневшими от ужаса глазами и вытянутой вперед рукой.

— Эх…. Ива! — позвала я. — Ты чего? Я вроде бы не на тебе показывала. Ау? Прием! Ты еще тут? Хватит ступориться, пора выходить на связь с миром! Прием! Прием! Лови волну! Эгегей! С Лехо все в порядке, только рубашку намочил и волосы чуток, сейчас что-нибудь огненное достанем, посушим.

Лехо не выдержал и расхохотался. Ива неожиданно отмер и перевел взгляд на меня. Я помахала перед его лицом хвостом, дабы не тянуться руками. Кажется, это я сделала зря, ибо он снова вышел в астрал.

— Ладно, реакция на свет есть, так что в морг отвозить не будем. К просмотру он по ходу дела подключится, когда отступорится, — резюмировала я.

Следующей я достала невидимую саблю. Лехо долго и упорно искал, что же я такое сжимаю в руке. Я покрутила саблю в руках и отсекла вылезшую из кофты нитку.

— Вот это да! — Лехо просветлел лицом. — Дай посмотреть!

— Думаю, ты даже если ее в руки возьмешь, не особенно много увидишь.

— Ну хоть контуры! — глаза Лехо зажглись, как неониты в перстне боевого мага.

Я перехватила саблю поперек лезвия и протянула ему рукоять. Лехо долго шарил рукой по воздуху, и, наконец, нащупал саблю, только когда я ткнула ему ей в грудь. Лехо уцепился за саблю и чуть было не выронил. Вот я бы его за это точно не похвалила. Если сабля не у меня в руке, я даже приблизительно не представляю, где она находится. Но мальчик ее удержал (ну да, тяжелая, что поделать) и вскоре даже поднял, правда, двумя руками.

— Вот это тяжеленная.

— Ну да, она и так-то не легкая, да еще и магия невидимости добавляет ей вес. Побочное действие, — кивнула я, вспоминая, как после первых уроков у меня просто отваливались руки.

Я забрала саблю у Лехо из рук, вложила ее в вполне видимые ножны, спрятала в сумку и показала мальчишке еще набор самонаводящихся ножей и звезд, огненный арбалет (Лехо долго клялся, что рубашка вполне высохнет сама, и помогать ей не надо), булаву с энергическими зарядами, боевой посох-шокер, парадную алебарду, сыплющую искры, и парочку кастетов в заключение. На последнюю парочку экземпляров Лехо смотрел уже вместе с Ивой. Не удержавшись, я продемонстрировала им свой любимый кинжал. Засаживаешь его эдак в бок, а вытаскиваешь вместе с солидным куском мяса. Вот это, я понимаю, оружие. Жаль, что только на тюфячках практиковались.

— Все, хватит с вас.

— Что-то у тебя больше всяких там мечей да кинжалов, — сказал Ива.

— У меня вообще большинство холодного оружия, особенно мечей и сабель. Я на них специализируюсь. Стрелять я не очень люблю, как и метать что-нибудь, а вот размахивать, уворачиваться и наступать — это всегда пожалуйста!

— А какие у тебя еще мечи и сабли? — спросил Лехо.

— Сам знаешь, что бывает с теми, кто много знает! — сообщила я ему, застегивая сумку и убирая ее в шкаф.

— Это секрет, что ли? — не понял Лехо.

— Не буду же я тебе показывать мечи, которые убивают одним прикосновением?

— Что? — Лехо аж на месте подскочил. — У тебя есть и такие?

— Есть, один. Очень несложная и неэффективная вещь, — сообщила я. — Лучше вооружиться чем-нибудь пополезнее, а то пока ты доберешься до кожи противника, он тебя пять раз уже зарежет даже обычным мечом, без всяких магических штучек.

— Пять раз зарежет? — удивился Лехо. — А это возможно?

— Для языка нет ничего невозможного!

— Язык можно резать пять раз?

— А потом еще пять раз зашивать!

— Надо же, а я и не знал.

— Блин, ну чего ты тормозишь! Имеется в виду, что это оборот речи! — я закатила глаза.

— А? А!

— О-о-о-о-о…

— А ты меня сегодня учить будешь? — тут же перешел к делу Лехо, поняв, что с демонстрацией оружия покончено.

— Поздно уже, — покачала головой я. — Скоро мама твоя придет, да и тренироваться все же лучше утром.

— Понятно, — понурился Лехо.

— Слушай, а чем вы тут занимаетесь в свободное время? — спросила я в свою очередь у Лехо.

— Ну-у-у… — протянул мальчик, потихоньку уходя в высокий регистр, спохватился откашлялся и продолжил пищать. — Много чем.

— Писклежом, например, — пробормотала я.

— Чем? Что это за слово такое?

— А, не обращай внимания, — отмахнулась я, ругая себя за забывчивость. Бормотать в присутствии аладара — всё равно что сказать вслух!

— Ну, мы… хм, а что мы такого делаем? — всерьез задумался мальчик, уходя чуть ли не в ультразвук.

Я не выдержала и расхохоталась. Ему и особенно шутить не надо, достаточно вот так вот задуматься, сдвинув брови к переносице, прижать уши и пропищать что-нибудь серьезно-философское.

— Явно не скучаете, — хохоча, ответила я. — Знаешь что, давай-ка лучше играть. Ты такую игру «Жмурки» знаешь?

— Жмурки? Что это? — спросил Лехо, воспрянув ушами и сделав какой-то странный акцент на названии игры.

— В общем, играют, по крайней мере, двое человек. Одному

завязывают глаза и раскручивают, а второй отбегает подальше. Первый останавливается, пытается сориентироваться в пространстве и ищет второго, который от него всячески уворачивается. Если ловит, то мается второй.

— Мается? Что это?

— Мается, водит, то есть бегает с завязанными глазами и ищет.

— Надо же, какое интересное слово.

— Ну что, будем играть?

— Я тебя услышу и поймаю, — вздохнул Лехо.

— Что услышишь, я не сомневаюсь, а вот что поймаешь, вопрос спорный. Уши против хвоста! Слух против ловкости! Играешь?

— Давай! — тут же загорелся Лехо.

— Давай какой-нибудь шарф, буду тебе глаза завязывать.

Шарф нашелся быстро, в гостиную (там было меньше всего предметов, особенно бьющихся) мы перебрались еще быстрее.

— Ну что, раз, два, три! — я несколько раз с силой крутанула Лехо вокруг его оси и отбежала в противоположный угол, впрочем, не прижимая себя к стене.

Мальчик по инерции прокрутился еще пару раз, закружился, чуть не упал, но схватился за так вовремя подвернувшийся под руку диван и ориентироваться стал от него. Вот блин, подсказку нашел! Я ожидала, стараясь дышать потише. Лехо прошел вдоль дивана и вернулся обратно, повел одним ухом, другим, видимо, ничего не услышал и снова пошел вдоль него, перебивая руками по покрывалу. Пройдя таким способом и кресло, он нашарил руками пустоту до стены и, осмелев, пошел туда без опоры. Не рассчитал, о чем свидетельствовал стук лба о стену. Ладно, еще шарфом замотан, а то бы еще и шишку набил. Зато вот теперь осмотрительнее стал, руки вперед выставил. Пара шагов, и под коленки ему подвернулся стул, через который он чуть было не упал, я не выдержала и расхохоталась. Лехо тем временем сориентировался в пространстве окончательно. Он безошибочно пошел в мою сторону, поводя ушами, я ловко и почти бесшумно скакнула на диван, пробежала по нему и спрыгнула с другой стороны. Почти не слышно… Лехо развернулся и пошел в мою сторону. Так надо аладарам не глаза завязывать, а уши! Я схватила диванную подушку и швырнула ее в дверь, в противоположном углу комнаты. Локаторы Лехо тут же развернулись в нужную сторону, мальчик призадумался, я затаила дыхание. Подумал несколько секунд, он развернулся и пошел к двери, не дошел до нее пару метров, споткнулся об отлетевшую в сторону подушку и с грохотом упал на пол.

— Аула таманта кикс! — выразительно сказал он на олеанском.

Я захихикала, мальчик тут же настроил на меня уши, я как можно тише пошла в другой угол, уши безошибочно следили за моими движениями. Блин, вот ведь слух-то! Лехо поскорее поднялся на ноги, однако, наученный горьким опытом, никуда не пошел. Я пожала плечами и остановилась. Лехо засопел и все-таки пошел ко мне, поняв, что так стоять я могу долго. Я, подумав, сделала еще полшага вперед, оставляя себе место для маневра. Мальчик подошел уже почти вплотную и под конец все же рванулся вперед. Я только этого и ожидала, быстро поднырнула под его руками и выскочила у него за спиной. Злорадно рассмеявшись прямо над его ушами, я поскорее ретировалась в другой конец комнаты и там затихла.

— Ни фига себе! — Лехо так и сел на том же месте где и стоял. О! Уже выучил стоящее выражение! — Ты где?

Я стойко выдержала, не поддаваясь на провокации, впрочем, немного похулиганить мне это не помешало. Я подобрала подушку, лежащую рядом со мной и швырнула ее в Лехо. Начавший было подниматься на ноги, аладар снова уселся на пол, с ужасом поводя ушами в сторону подушки.

— Ш-ш-што это?

Я молчала, загибаясь от беззвучного хохота.

Лехо протянул руку и, нащупав подушку, тут же ее отдернул, подумал немного и уже без страха притянул к себе подушку и ощупал.

— Хватит кидаться!

— Как же! Не дождешься, — добежала до дивана и запустила в него еще одной подушкой.

— Эй!

Поняв, что я уже пошумела достаточно, чтобы он точно вычислил мое местоположение, я поскорее подошла к нему поближе и подергала за прядь светлых волос.

— Ай!

Я дернула его за руку, протянутую вперед, увернулась от размахивающей второй руки, пригнулась к полу, и пропустила аладара выше. Быстро поднявшись, я заливисто расхохоталась за его спиной, заставив бедного мальчика затравленно «заозираться» ушами, и ускакала в другой угол. Лехо что-то злобно пробормотал, и довольно быстро пошел ко мне. Я подпустила его максимально близко, и под прикрытием занавески пробежала в соседний угол, а оттуда, перескочив через диван, остановилась у двери. Лехо развернулся в мою сторону и затопал к двери. Я стояла, ожидая, когда он подойдет ближе. Мальчик уже было

возликовал, что прижал меня к стене, как я неожиданно дернула его за нос, потыкала в бок, увернулась от загребающих воздух рук (зря, что ли я так долго отрабатывала этот уход с линии поражения?), помогла ему «дойти» до стены и с диким хохотом снова убежала в другой угол.

— Нет, ну я так тебя никогда не поймаю.

— Зато хвалился! — смеялась я. — Не особенно-то тебе помогает мое точное положение.

— Да тебя вообще не поймать, ты как будто сквозь пальцы походишь!

— Есть немного…

Лехо пригорюнился.

— Ладно, не буду пользоваться боевыми навыками, только лично своими.

— Не будешь? — Лехо тем временем добрался до дивана и сел туда, не видя на что. А там лежал пульт от иллювизора. Сказать, что Лехо перепугался до смерти, это не сказать ничего. Он подскочил, плюхнулся на место и снова вскочил, сорвал повязку и дико заозирался. Ну да, стерео система у них классная, акустика в большой комнате тоже, да и иллювизор последней смотрела я, так что громкость звука была приличной.

— Да так же умереть можно на месте, — хватая ртом воздух, с трудом выговорил Лехо, таращась то на меня, то на иллювизор.

— Ну… ну… я… не… не… не… — выговорить мне ничего путного так и не удалось.

Возмущению Лехо не было предела, и он его выразил довольно громко и внятно, но, к сожалению, слишком быстро и на олеанском. Выдохлись мы одновременно, я перестала смеяться, а он замолчал.

— А теперь тоже самое, и по-неноленски, — сказала я ему.

Лехо пару раз открыл и закрыл рот, осознавая смысл сказанного до конца, и расхохотался. Я, недолго думая, тоже.

— В общем, я не пользуюсь своими навыками, но играем мы при включенном иллювизоре!

Лехо для порядка повозмущался, но глаза себе снова завязал. Я поскорее сменила местоположение, Лехо проследил за моим движением ухом и сбился на иллювизор. Так, теперь бы мне еще сдержаться и не скакнуть через его голову, благо высота потолка позволяла.

Теперь мы хохотали оба, ходили, бегали и ползали по комнате, в общем, веселились. Пару раз он меня ловил, пару раз его ловила я, но тут пришла снова его очередь водить. Я отбежала к окну и схоронилась там. Лехо закончил кружиться и навострил уши. Тут дверь в гостиную открылась, и на пороге появился Ива.

— Эй, так не честно! Из этой комнаты нельзя выходить!

Ива закрыл дверь и потоптался на месте, соображая, к чему это было сказано. Лехо воспринял это чрезвычайно правильно. Он решил, что я передумала убегать и теперь стою у двери. Быстрый рывок и Лехо поймал Иву.

— Попалась! — сообщил он. — Теперь маешься ты!

Поскорее пока, добыча не ускользнула, он перехватил «мою» руку, и тут только понял, что что-то не так. То ли позабыв снять повязку, то ли, как обычно, стормозив, Лехо стал ощупывать свою добычу.

— Что-то ты выросла и стала похожа… Ива? — Лехо, наконец, снял повязку и уставился на брата, точнее, на его футболку, потом задрал голову и посмотрел уже Иве в лицо. Оба аладара застопорились, я расхохоталась, вываливаясь из-за занавески, за которую успела спрятать до того.

— Ива, ты, что тут делаешь? — наконец отмер Лехо. — Шелгэ что, все-таки убежала из комнаты?

— Я вообще-то тут! — я помахала хвостом с дивана. — А вот чего он пришел, это ты у него спроси, — я значительно облегчила Лехо мыслительный процесс.

— Ты чего пришел? — тут же спросил он.

— Да вы тут ржете, иллювик орет, грохот какой-то. Я уж думал, не знай что случилось.

— Да ничего, просто играем, — ответила я.

— Во что же вы такое играете с таким шумом? — недовольно спросил Ива.

— А играть можно без шума? — удивилась я.

— Вполне!

— Ну-ка скажи мне игру, которую аладар не услышит!

Ива открыл рот и закрыл.

— Но ведь не через несколько стен и дверей же! — наконец, нашелся он.

— Не знаю насчет аладаров, но арийцы в такие скучные игры, которых не слышно, не играют! — сообщила я, поднимаясь с дивана. — А ты, кстати, водишь!

— Что я делаю? — удивился Ива.

Лехо сказал ему всего одно слово на олеанском, я поскорее запомнила его и попросила заодно проспрягать.

— Я в это шуме не участвую, — категорично заявил Ива.

— Но я тебя поймал! А значит теперь ты водишь!

— Я не играю!

— Ты в комнату зашел? Лехо тебя поймал? Значит играешь!

И откуда только таких послушных людей берут… Послушно кивнул, послушно присел на диван, чтобы я завязала ему глаза, и

так же послушно позволил себя раскрутить. Наверно, больно их в детстве за уши драли, раз до сих пор такие послушные!

Мы с Лехо разбежались в разные углы.

— И что дальше? — спросил Ива, останавливаясь.

— Ищи нас! — ответил ему Лехо. — Не-э, с закрытыми глазами.

— Я в это не играю! — понуро заявил Ива, не пытаясь больше снять повязку.

— Играешь! — сказала я.

— Ну хоть бы иллювик потише сделайте. По ушам же бьет.

— А ты их заткни! — добросердечно посоветовала я.

— А как он тогда нас ловить будет? — удивился Лехо.

Ох аладары, все шутки им разжевывать надо.

— А впрочем, ладно, — я щелкнула кнопку питания. — Но я буду скакать, как мне вздумается.

— Я же так не умею, — сказал Лехо.

— Значит не шуми! — ответила я. — А ты крутись еще раз!

Ива покружился немного дольше положенного и остановился. Н-да, слишком резко он это сделал и вписался в шкаф. Там что-то стукнуло, перекатилось и затихло.

— Ну, по крайней мере, я теперь знаю, где я, — нашел положительные стороны ситуации Ива.

Мы с Лехо затаили дыхание и принялись ждать, до кого первого он доберется. Как назло, пошел он в мою сторону. Шел он долго, цепляясь за все подряд, и в итоге прошел мимо. Подумал немного у соседнего угла и пошел к Лехо. Мальчик такими железными нервами, как у меня, не отличался и выдал себя громким скачком, на который Ива тут же среагировал, но все же угнаться за Лехо не смог. А он, зараза, тут же прибежал ко мне. Пришлось выкручиваться проверенным способом. Под предлогом обстрела подушками мне удалось спровадить Лехо на диван. Ива долго ругался на нас за такие подлые действия, и, когда подушки кончились, уверенно пошел в мою сторону. Он получше Лехо ориентируется, да и реакция, наверное, уж получше будет. Я подобралась и приготовилась ждать. Ивина уверенность закончилась в метре от меня. Он немного помялся на месте, но все-таки шагнул еще раз вперед. Я поскорее вскинула руки, чтобы он их не задел своими руками. Он ощупал стену и пошел выше, я тихонько присела. Ива добросовестно обшарил стену, тяжко вздохнул и отвернулся от стены. Лехо не выдержал и расхохотался на диване, разве что кулаком по нему не молотя.

— Ну ты вообще! — причитал он, и чуть было не попался, но вовремя подхватился и схоронился за креслом, мимо которого Ива прошел, также проверив лишь спинку.

Я смекнула и быстренько встала на четвереньки. Подумала немного и подобрала хвост. В зубы что ли его взять, чтобы не ржать? Лехо беззвучно угорал за креслом, я тихонько поползла. Ива так самозабвенно шарил по дивану, что не слышал моих передвижений. Я неудачно наступила на половицу. Ива резко обернулся и беспорядочно замахал руками. Я пять раз порадовалась что додумалась пробираться ползком. Ива перестал размахивать руками и снова вернулся к дивану. Я тем временем поднялась, примерилась и, ловко подскочив, крикнула ему в самое ухо.

— Ну ты дирижер!

Ива шарахнулся, упал на диван, прижал уши и с ужасом уставился повязкой на то место, где только что была я. Я уже хохотала за креслом вместе с Лехо. Переглянувшись, мы для верности запустили в противоположный угол последнюю диванную подушку, выдернутую из-под руки Ивы, и рассредоточились. Лехо от греха подальше залез под шкаф — туда Ива в любом случае не залезет ни при каких условиях, я же отбежала к двери. Лехо поудобнее устроился под шкафом и принялся следить за развитием событий.

Ива услышал его возню и пошел к шкафу. Похлопав по нему руками, он отшатнулся в сторону, услышав хохот Лехо.

— Уже и шкаф надо мной смеется, — разозлился Ива.

Лехо изобразил любимую рекламу.

— Кто иллювизор включил?!

— Никто! — расхохотался Лехо.

Ива, наконец, сообразил, что издевается над ним брат, и что он где-то около шкафа.

— Эй, не рушь шкаф! Он хороший!

— Ты внутрь, что ли, залез? — наконец «сообразил» Ива. — Мы ж не в прятки играем.

— Жмурки — это прятки, когда известны все места, куда можно спрятаться, а для усложнения завязывают глаза, — сообщила я.

— Ну тогда я его нашел, — сказал Ива.

— А нужно поймать!

Ива провел еще раз по шкафу. Бесполезно, Лехо только смеялся.

— Нет, ну не честно!

— Честно, — заверила его я.

Он тут же рванул в мою сторону, я поскорее присела на корточки. Он добросовестно похлопал по двери, и меня там не нашел. Подумав немного, он проверил еще выше. Вот интересно, как я туда забралась? Но не успела я порадоваться, как до него

дошло, что я скорее всего внизу, где он не смотрел. Он наклонился, предварительно расставив ноги пошире, между которыми я и проползла. Отвесив ему чисто символический пинок, я поскорее убралась в другой угол.

Выслушав в свой адрес порцию олеанских ругательств (больше ни на что эта тирада не походила), я постаралась запомнить их на будущее. Сама-то я пока по-олеански не говорила, но вот понимать начала уже прилично все, кроме ругательств.

— Ну все! — сообщил Ива.

И тут я поняла, что глаза аладарам не особенно-то и нужны. Он реагировал на малейший шум, на колыхание воздуха, на дыхание, даже, кажется, на стук моего сердца. Я успевала только уклоняться и шарахаться в сторону от его рук. Офигеть! И при таком слухе они не занимаются боевыми искусствами? Да им же сам бог велел! Лехо с открытым ртом следил за нашими перемещениями по комнате, периодически дико хохоча и сбивая с толку Иву, за что ему отдельное спасибо. Тут я отвлеклась и позволила Иве загнать меня в угол. Что делать-то? И тут я вспомнила феноменальную высоту потолков. Подскок, кувырок, легкий упор на плечи аладара, и я приземлилась у него за спиной.

— Ни фига себе, ты что, летать умеешь? — ужаснулся Ива.

О, и этот слово выучил.

— Нет, только прыгать, — прошептала я у его правой руки и громко гаркнула слева. — И тебе советую.

Ива шарахнулся, я отбежала куда подальше.

Долго так скакать я, впрочем, не могла, а вот сам Ива не прикладывал особых усилий для шатания по комнате. В итоге я застыла посреди комнаты, позволив воле случая определить, быть мне пойманной или нет. Ива какое-то время еще ходил из угла в угол, но потом сообразил, что что-то не так. Подумав, немного, он стал осторожно продвигаться вперед и, как назло, именно на меня. Ну коли уже решила проверить свою удачу, так и проверим. Он подошел ближе, еще ближе, совсем близко. Еще чуть-чуть и он наткнется на меня грудью, а руки мимо прошли и шарят где-то впереди меня, не задевая. Лехо просто заходится хохотом под своим шкафом, не в силах ни выползти, ни прекратить хохотать. Я сама уже из последних сил сдерживалась, чтобы не заржать, но потом решила, что играть нужно заканчивать красиво и все-таки разразилась давно прорывающимся смехом. Ива присел и сомкнул руки на моей спине, я хохотала только громче. Протянула руку и сдернула с него повязку, благо что голова была почти на моем уровне. Он осоловело заморгал, привыкая к свету,

и потом дико уставился на меня, как будто увидел впервые. Лехо под шкафом, кажется, помер, или, по крайней мере, помирал, ибо звуки, раздававшиеся по комнате, меньше всего были похоже те, что издавало бы здравствующее живое существо.

— Ну… ты… я… аварманта! — видно на неноленском слов не нашлось. — Я вот… я тебе сейчас!

Не успела я и глазом моргнуть, как меня тут же подняли в воздух.

— Эй! Поставь немедленно обратно! — воскликнула я. — Ого, как высоко!

— Сейчас я тебя точно отпущу.

Меня без раздумий перекинули через плечо и куда-то понесли.

Если Лехо до того еще был жив, то теперь он точно помер, испустив последний вздох.

— Отпусти! — я не то смеялась, не то плакала.

Ива дернулся было посмотреть, что мо мной, но передумал и понес дальше. Такое чувство, что я для него ничего не вешу, а я ведь не пушинка, хоть и поддерживаю определенную форму. Видно, он тоже поддержанием формы страдает.

— Отпусти!!!

Я была уже в прихожей, и тут дверь открылась, и на пороге появилась Танра, по крайней мере, вопрос задала она.

— Что это вы делаете?

Ива застыл, я изловчилась, перегнулась и заглянула ему через другое плечо.

— Играем! — сообщила я женщине. — Я обыграла Иву, он поэтому очень зол, куда-то меня потащил, а Лехо уже помер под шкафом от смеха.

Тут послышался шум, и Лехо выполз в коридор.

— Привет, мам!

— Здравствуй, — кивнула она, обозревая нас троих округлившимися глазами.

— О! Он все-таки жив! Лехо, ты настоящий герой! — сказала ему я. — Медалью можно награждать. За стойкость!

Лехо икнул и скукожился на полу.

— Я не могу больше смеяться, — простонал он.

Танра поставила на пол какие-то сумки, и все таким же сумасшедшим взглядом посмотрела на меня.

— И во что же вы играли?

— В жмурки, — ответила я.

— Понятно, — кивнула Танра и надолго выбыла из строя, пытаясь смеяться в голос, а не только содрогаться всем телом и сползать по входной двери.

Тут Ива разжал руки, и я с визгом полетела на пол, лишь чудом успев сгруппироваться и приземлиться более-менее нормально (хоть какая-то польза от его высокого роста). Слишком поздно до меня дошло, что полная речевая неактивность аладара, тащившего меня на расправу, означала ступор.

— Ты вообще, что ли, обалдел — так резко отпускать! — воскликнула я.

Ива еще более удивленно уставился на меня одним глазом, второй скрыли волосы.

— О-о, ступорозный, — вздохнула я.

— Что? — спросил Лехо. Ой, я же по-арийски говорю.

Я быстренько перевела на неноленский все, что я думаю, по поводу ступорозников и резкого отпускания меня любимой в свободный полет. Танра рассмеялась, Ива покраснел, Лехо не понял.

— И больше мне никаких расправ, пока не научишься носить, не роняя! — закончила гневную тираду я.

Я сушила волосы, тщательно смазывая их средством для лучшей укладки. Пропустишь прядь, и вся прическа насмарку! Такие вот непослушные волосы… Терпеть не могу мыть и укладывать волосы — это столько сил и нервов, ведь если результат будет неудовлетворительным, то с этим ужасом на голове мне всю неделю ходить. Перемывать я не буду ни за какие артефакты мира! Может, отрастить волосы? Не такая уж и плохая идея, хотя бы так мучиться не надо будет. Я посмотрела на себя в зеркало и представила себе синие пряди в два раза большей длины, потом еще длиннее.

До того, как я пошла драться, у меня были волосы до пояса, но на первой же тренировке мою недостаточно проворную косу подрубил еще менее проворный противник. Половина волос была безвозвратно утрачена, так что пришлось достричь и вторую. С тех пор я периодически подстригаю их до плеч, чтобы не вырастали слишком длинные. Впрочем, я теперь уже поднаторела в боевых искусствах, и за волосы опасаться нечего, к тому же всегда можно убрать в пучок, чтобы ничего под меч противника не попало. Решено, не буду стричь, пока не отрастут до приличной длины!

— Привет, а ты что делаешь? — в комнату зашел Лехо.

— Волосы сушу, — поджала я плечами. — Как думаешь, стоит

длинные отрастить?

— Что? Волосы? — Лехо даже поближе подошел. — А ты хочешь отрастить?

— Да, а что? Не стоит?

— Стоит, стоит! Это же просто здорово! — заверил меня Лехо.

— Да?

— Ага! Отрасти! У нас тут девчонки на отрез отказывают. Стригутся коротко!

— Это я заметила. Но зачем?

— Уши хотят скрыть. Ни у кого, говорят, больше их нет, и они так слишком сильно отличаются ото всех.

— Ой а хвосты тоже не у всех. Что же мне его спрятать? Что за бред? — опешила я.

— Да бред, бред полный, но вот такие вот… Мол, хвост и мех не на лице.

— А нос деценсейский на чем, позвольте узнать?

— Да я вообще не понимаю, что за мода эта такая! Только ты, пожалуйста, не стригись! Отрасти волосы! Пожалуйста.

— Нет, оно, конечно, понятно, с длинными все же не так удобно, как с короткими, хотя смотря как убрать. Но все равно, ведь не стричься же из-за этого наголо!

— Ну, не знаю, мне удобно и так, — пожал плечами Лехо, пропуская длинную светлую прядь между пальцами.

— Ты вообще уникум! У нас далеко не у всех девушек в Арии волосы до пояса! Я уж молчу про парней, у них большей частью ежик, ну или чуть-чуть длиннее.

— Ежик? — ужаснулся Лехо, собрав в кулак свои волосы и прижав к груди, будто кто-то сбирался его стричь.

— Ага, он, родимый, — кивнула я, отложила фен и осмотрела себя в зеркало. Вроде бы все в нужную сторону завивается. — Мальчишки у нас любят подраться, а с такой вот шевелюрой не особенно подерешься.

— Почему? — насторожил уши Лехо.

— Ладно бы только мешала, так еще за волосы и об колено и вся тебе драка. Так что у нас ежики процветают, — пояснила я.

— И что, придется стричься, чтобы научиться драться? — ужаснулся мальчик, переходя на писк.

— Зачем? Достаточно просто убрать волосы, чтобы не мешались и под горячую руку не попадались. Не надо ничего стричь, можешь не переживать, к тому же тебе идет!

Лехо отпустил сжимаемые в кулаке локоны и откинул их за спину.

— А как же их еще убрать, если не остричь?

— Как это «как»? — удивилась я. — Берешь, причесываешь и стягиваешь в узел, или убираешь в шишку, ну на худой конец просто косу заплетаешь.

— Во что убираешь? Чего заплетаешь? — переспросил Лехо.

— Ты просто слов не знаешь таких, или у вас тут прически не делают?

— Делают там завивку, или наоборот, распрямляют. Теперь вот начес модным стал, еще иногда закалывают некоторые пряди или вообще в хвост убирают, если очень нужно. А что значит заплести косу?

— Ты что, серьезно не знаешь? У вас тут косы не плетут? — я разве что рот от удивления не открыла и судорожно стала припоминать, видела ли я аладара с косой. К своему ужасу, я поняла, что действительно ни кос, ни узлов, ни вообще как бы то ни было убранных волос, кроме пресловутого «хвоста», не видела. Вот дела! И как у них только волосы не путаются, все время распущенные!

— Садись, покажу! — я встала со стула и указала на него Лехо.

— Что покажешь? — спросил Лехо, тем не менее садясь на стул.

— Что такое коса!

Я вооружилась расческой и провела по волосам аладара. Да их и причесывать особо не надо, они действительно не путаются!

— Ей, ты чего? — удивился Лехо, повернув ко мне голову.

— Увидишь, — сказала я, разворачивая его голову обратно.

Тем не менее я тщательно расчесала волосы и собрала их на затылке. Н-да, с ушами сложновато. Попробуй не задень, когда они так и норовят попасть под расческу. Ладно он еще он их прижал к голове, а то бы столько раз им быть причесанными вместо волос.

— Ты так ловко обращаешься с волосами, — удивился Лехо, шевеля ушками.

— А что тут сложного?

— Ну, в смысле, с длинными волосами. У вас там у всех короткие же.

— Не у всех. У меня были длинные до пояса, так что мне не в новинку.

— До пояса? — Лехо аж развернулся ко мне.

Только что собранные волосы выпали у меня из рук.

— Сиди ровно. Да, до пояса. А что такого?

— Да это же как у меня! Это… здорово! Зачем ты постриглась?

— Я не стриглась, меня постригли, — я отложила ненужную

расческу и принялась собирать волосы руками. Все равно не путаются. — Первый поединок на мечах, я с косой, сражаться толком не умею, оппонент тоже. Только косу мне и смог подрубить. Пришлось дальше достригать, а потом я не стала отращивать.

— Эх жалко. Ну зачем он? — не притворно сожалел Лехо.

— Не умел еще с мечом обращаться, да и я сама виновата. Кто же с косой на мечный поединок приходит?

— Но теперь ты отрастишь? — с надеждой спросил Лехо.

— Отращу, хоть бы в противовес вашим ненормальным коротко стриженым девицам! — рассмеялась я и принялась плести косу.

— Слушай, а обязательно так туго, я толком ушами шевелить не могу, — Лехо подергал за пряди, пытаясь высвободить часть.

— Нет не обязательно, главное чтобы просто волосы просто так не мотались.

Я расплела начатую косу, переложила пряди и стала снова собирать волосы. Тут я услышала какой-то странный не то рычащий, не то урчащий звук и почувствовала странную вибрацию волос в руках. Я мгновенно выпустила их из рук и убрала руки подальше.

— Ты чего? — удивился Лехо, и я поняла, что мне не померещилось.

— Это ты что ли… мурлычешь? — я аж споткнулась на полуслове.

Лехо остановился на полу «мырке»:

— В смысле?

— Аладары мурлычут? — я уставилась на Лехо как на всемирное открытие. — Класс! Ну-ка еще разок!

— Кхе, кхм, я так просто не могу, — поперхнулся словами Лехо.

— Только за деньги, что ли? — не поняла я.

Лехо похлопал глазами, прижал уши к голове, снова их поднял и как-то затравленно посмотрел на меня.

— Ну, ты сказал, что просто так не можешь мурлыкать, я и спрашиваю, как можешь? За деньги, что ли?

— Да нет… за деньги тоже не могу, — покачал головой Лехо.

— А за что можешь? Ты как вообще мурлычешь-то?

— Молча, — Лехо окончательно прижал уши к голове и даже как-то сжался, как нашкодивший котенок.

— Ты же вроде бы говорил и мурлыкал одновременно, — не поняла я.

Лехо кивнул, продолжая смотреть на меня как-то дико.

— Ты не знала, что аладары мурлычут? — наконец спросил

он.

— Откуда бы мне знать? Я была только в Ненолене, где даже толком уши рассмотреть не смогла, не то что узнать, что аладары мурлыкать умеют! Неноленцы — это что-то с чем-то!

— Так сильно отличаются от олеанцев?

— Не сравнить!

— Они даже мурлыкать не умеют?

— А кто их знает? Умеют, наверное, но я такого фокуса за ними не замечала. Они же все такие высокомерно-тормозящие!

— А, ну тогда все понятно, — усмехнулся Лехо и, наконец, перестал смотреть на меня как на пугало.

— Что понятно? Почему неноленцы не мурлычут?

— Повода нет особого, ну и… Олеанцы тоже не особенно часто мурлычут.

— По праздникам? — не дождавшись продолжение, спряла я. — Какой сегодня?

— Не-эт, — рассмеялся Лехо. — Я не знаю, как тебе объяснить.

— Не знаешь слов или просто словами объяснить не можешь?

— Словами объяснить не могу. Это как ушами шевелить, само по себе.

— Ну, ушами ты можешь и по заказу шевелить, а мурлыкать, даже за деньги, нет.

— Ну-у-у! — пожал плечами Лехо. — Вот почему кошки мурлычут?

— То есть надо было неноленцев наглаживать, чтобы они помурлыкали? — хохотнула я, представив себе картину. Я с табуреткой подхожу к аладару, взбираюсь на нее и наглаживаю аладара по голове. Навряд ли он будет мурлыкать! Скорее, энергию выработаю!

— Не обязательно… Мурлыкать хочется, когда хорошо, просто хорошо. Ну, ты вот сейчас, пока косу плела, ни разу за пряди не дернула, волосы перебирала осторожно, приятно…

Я задумалась.

— Ну да, логично!

— Вот, а по заказу мурлыкать не получается, — пожал плечами Лехо.

— Значит, буду знать. Если аладар решил помурлыкать, значит, и вправду нравится! — усмехнулась я, снова берясь за волосы. Я быстро собрала их и разделила на три пряди и стала плести. Мурлыкание послышалось снова неожиданно, с той лишь разницей, что волосы я из рук не выпустила, а просто улыбнулась пошире. Потянувшись за резинкой, я на пробу почесала Лехо за ухом, на что мальчик ответил широкой улыбкой. Я перетянула

косу резинкой и перекинула ее Лехо на плечо.

— Ух ты! — Лехо благоговейно взял косу в руки. — А я и не знал, что можно так сделать!

— Теперь знаешь. Для справки: можно еще больше убрать, закрепив на затылке чем-нибудь.

— Надо же! — аладар и так и эдак вертел в руках новоиспеченную косу, не зная, что с ней делать.

— Да оставь, что ты с ней, как кошка с котенком! — усмехнулась я.

Лехо еще немного понянчил косу и закинул ее за плечо, не рассчитал силу, и она легла ему на другое плечо.

— Чудо, — сообщила я в пространство. — Да еще и мурлычет!

Время до начала учебы прошло незаметно, причем большую его часть я провела с Лехо. Замечательный мальчишка, а как играет нас скрипке! А теперь еще и бегает со мной по утрам! Ему, конечно, пока сложно даже половину пути пробежать, но он быстро освоится. В этом я уверена. Стараниями Ивы я узнала расписание на первый учебный день (сплошная теория) и приготовилась познакомиться с новым коллективом. Для них, конечно, сам факт того, что я арийка, будет уже достаточен, чтобы обратить на меня внимание, но все же я девушка, и должна выглядеть соответственно!

— Тебя после пар ждать, или сама до дома доберешься? — спросил Ива, когда мы ехали в энергичке.

— Лучше бы подождать, если это реально. Я пока еще толком не освоилась с дорогой, уеду куда-нибудь не в ту сторону, — подумав, ответила я.

— Реально, у нас сегодня одновременно учеба заканчивается, — кивнул Ива.

— Вот и хорошо! — порадовалась я.

Мы разошлись в холле, каждый в свою сторону. Как мне пояснил Ива, мне нужно подняться на третий этаж и там искать синюю аудиторию. Символично, однако! Первый день, первый урок и синяя аудитория. Господи, ну когда же эта лестница кончится? О, а вот и третий этаж, и синяя аудитория. На самом деле, невозможно пропустить такие ярко-синие двери! Я набрала побольше воздуха в легкие и прошла в них. Шум, до того доносившийся и кабинета, разом затих. Сразу заметно, меня ждали. Так-так, посмотрим, с кем мне тут учиться предстоит. Лекция у нас специальная, так что здесь только моя подгруппа, правда, и теоретики и практики. О, ну вот девочка и вправду есть, но только одна, как и ожидалось, но в практику она не входит,

раз сказали, что только парни.

Кстати, девушка — такая типичная аладарка! Тонкая, высокая, голубоглазая, с буквально сверкающими золотистыми волосами, сильно начесанными на затылке и около ушей. Ну зачем она ушки закрывает, они же у нее такие миленькие, как говорится, бантиком. Так красиво загнуты! А это, похоже, здешний мачо. У-у, рваноухий! Он точно с практического, так что возьмем на заметку. А что, прикольный такой, накачанный, что аладарам не свойственно, в облегающей футболке и с огромными бутсами на ногах. А этот точно теоретик — с такой мускулатурой, точнее, ее отсутствием, драться невозможно. А этот ушастик с мышиным цветом волос и таким же мышиным хвостиком из них подойдет для практика — даже под просторной рубашкой видно, что за мышечной массой он следит. Ух ты, а этот вислоухий мне нравится: плотненький, роста невысокого, волосы волнистые, белые. Так, больше вроде бы ушами никто особенно не отличается, да и длиной волос тоже. Длиннее, чем до лопаток, ни у кого нет, кроме мышиного хвостика, которому как раз-таки покороче надо, но и короче, чем до подбородка, тоже нет. Хотя вру… вот у этого довольно темненького аладара сзади волосы короче, чем спереди. Ух ты, а вот этот родня, блондин с голубым отливом. Интересно, под арийцев косит или просто синий цвет нравится? Надо поближе познакомиться. А вот этот экзеплярчик, интересно, что на боевом отделении забыл, ему в музыканты надо. Такого одухотворенного лица я еще не видела. А вот этому, видно, как-то сильно не повезло. Шрам на лице — что может быть хуже? Да такой заметный, даже челка не особенно прикрывает. Весь лоб располосован, да еще и бровь разрублена. Видно, жалящий кнут. Что еще такие ровные края оставляет?

— Привет! — сказал мышиный хвостик. А быстро они отступорились. Сразу видно — боевое отделение, тут особенно тормозить нельзя. — Ты новенькая?

— Ага, — кивнула я. — Буду учиться с вами.

— Здорово! — с места подхватилась единственная девушка. — Наконец-то еще одна девушка. Ты Шелгэ?

Я кивнула.

— Я *И*ята, — представилась она. — Меня попросили быть твоей направляющей.

— Меня зовут *Э*рэт, — представился мышиный хвостик.

— Я Данм*а*р, — лениво представился здешний мачо.

— *А*рвин, — это назвался парень, у которого волосы сзади были короче, чем спереди.

— Я Вальдерон, — ну, да и имя у заядлого теоретика соответственно.

— *Ё*нат, — коротко представился музыкант. Что-то по голосу он совсем не музыкант, резкий какой-то…

— *И*скард, — сдержанно кивнул вислоухий.

— К*о*стадель, — подставился голубоволосый.

— А тебя как зовут? — так и не дождавшись имени от парня со шрамом, спросила я.

— М*а*ркор, — коротко и резко ответил он.

Будем считать, что познакомились…

— Ты из Арии? — спросила Ията.

Мне тут же нашлось место рядом с ней. Данмар постоял немного и, обойдя наш стол, встал со стороны Ияты. Зато Эрэт подошел с мой стороны и уселся на стул у парты перед нами с аладаркой.

— Да, оттуда, — кивнула я.

Девушка восхитилась и затараторила что-то непонятное. Господи, мне же еще и сленг учить!

— Э-э… я не понимаю, — вставила в одну из пауз я.

Ията прервалась на полуслове и удивленно уставилась на меня, так же, как и Эрэт.

— Ну, не совсем понимаю, — поправилась я. — Я еще довольно плохо знаю олеанский. Говорите медленнее и проще, или на неноленском.

— А-а! — просияла Ията. — Я знаю неноленский. Не очень свободно, но, думаю, я смогу понять.

Говорила она с сильным акцентом, хорошенько проговаривая все звуки, но зато грамматически очень правильно.

— Судя по всему, так же, как и я олеанский, — усмехнулась я. Ията закивала.

— А сказать что-нибудь арийски? — попросил Эрэт на ломаном неноленском.

— Ну что тебе сказать? Понять ты все равно ничего не поймешь, только звучание послушаешь да скорости подивишься. Хотя у вас Ията тоже тараторить горазда. Так что посчитаю-ка я до десяти. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Сойдет? — затарахтела я.

— Класс! — искреннее порадовался Эрэт, ни слова не поняв, что было неудивительным. — Так быстро. А что ты сказать?

— Много чего, — усмехнулась я.

— Ты и по-неноленски так же быстро говоришь? — спросила Ия.

— Да, неноленским я владею почти так же, как и арийским, — кивнула я, говоря по-неноленски. — Да и по-олеански быстро говорю, когда знаю, что сказать и как. Выучу хорошо, и тоже буду тараторить. Я не могу говорить медленно!

— Я ничего не понять! — брови Эрэта переползли на лоб.

Мы с Ией переглянулись и рассмеялись. Хорошая девушка, мы с ней определенно подружимся!

— Давайте, лучше вы меня олеанскому научите, — попросила я. — А то я так и не буду ничего понимать. А мне здесь целый год жить!

— Хорошо, научим обязательно, — серьезно кивнула Ия. — А то как же ты учиться-то будешь!

— Вот-вот! — согласилась я.

Уж лучше я буду за вас слова додумывать и смысл втискивать в непонятные мне фразы, чем вы на неноленском сленге по часу будете зависать!

Остальная группа все это время на меня исключительно глазела. И как я ни старалась, инстинкт был выше меня! Так что дергающийся хвост привлекал к себе почти все внимание моих одногруппников. Данмар, все это время хранивший молчание, только-только собрался что-то сказать, как в класс вошел преподаватель. Сухонький мужичок лет сорока в костюме и с папкой. Что же это у нас за предмет? Ах да, тактика. Тогда все понятно.

Ия наклонилась ко мне и что-то сказала.

— Что? — перепросила я.

— Это генерал Альдаро, — тихо повторила она. — Он у нас военную тактику ведет.

— Тише, тише, — сказал генерал. — В этом семестре военную тактику военных действий буду вести у вас я. Зовут меня Вак Альдаро. В курс входит командование малыми, средними и большими частями армии, а также тактика ведения боя. Ещё у вас будет смежный предмет — тактика поединка. Попрошу не путать. На тактике поединка вы будете изучать варианты ведения боя один на один с противником, а не армия на армию.

— Кажется, военная тактика грозит превратиться в такую скучищу… — сказала я Ияте. Та донесла палец к губам и что-то произнесла.

— А? — не услышала я.

— Тс! Ты чего так громко?

— Я же не аладарка. Я не слышу! — напомнила я.

— А-а, — вспомнила Ия. — Ну, ты все равно говори потише, я-то слышу.

— А ты погромче, а то так и буду переспрашивать, — одними губами произнесла я. Ия впрочем, кивнула. Неужели в правду слышит? Или просто поняла, о чем я. Наверное, слышит, вон как ушки шевелятся.

Ну что ж, благодаря Ияте, я почти все поняла! Не так все

было и сложно. Плохо, правда, что препод ушастый, но мы достаточно далеко от него сидели, да и не до нас ему было. Как будто сам себе рассказывал. Если бы не регулярная потребность в пояснении слов, я бы, наверное, уснула, хотя такой интересный материал!

Следующей у нас была общепотоковая мировая философия, где я насмотрелась всяких аладаров. Были и беловолосые, и золотистые, и платиновые, и серебристые, и серые, и почти русые, и рыжие, парочка была с голубым или зеленым отливом, один с розовым и одна с оранжевым. Самое же удивительное, что здесь были даже черные! Наверное, много на краску тратят, с другой стороны, белый в черный перекрасить легче, чем наоборот. В общем, полное разнообразие цветов. Впрочем, длина тоже не подкачала. Один был лысый (так жутко смотрится), парочка совсем-совсем коротко стриженых (обе девушки, и, кажется, обе с практической алхимии), несколько со стрижкой, едва прикрывающей скулы (опять же девушки), причем волосы стояли дыбом, почти скрывая ушки, ну а дальше полный разброд и шатание. Были и до подбородка, и до плеч, и до ключицы, и до лопаток, и до середины спины, и до пояса, и даже ниже. Причем чем длиннее волосы, тем больше среди их хозяев преобладали юноши. Самая распространенная длина оказалась от лопаток до середины спины. Ей не брезговали девушки и ее же очень любили юноши. А вот до пояса волосы отрастили в большей степени парни, причем ни одной косички я так и не видела. Либо распущенные, либо убранные в хвост. Но зато они были разные, некоторые я даже видела впервые. Очень уж сложно они заплетались. Ну а вот обладателей волос ниже пояса можно было пересчитать по пальцам, причем для девушек хватило бы пальцев одной руки, а для юношей — двух, и это на целый поток, то есть человек на 500–600! Но зато какие это были волосы. Шик! Блеск! Красота! У одной особенно одаренной девушки (неповторимо стальной блеск с каким-то бирюзовым отливом, и это свои, ибо красить такое…) волосы доходили до колен, и это при том, что концы хвоста были спрятаны под резинку, находящуюся ровно на макушке. Господи, это какой же они длины? А сколько она их растила?

— Всю жизнь! — ответила Ия, которую я и спросила. — Она никогда не стриглась.

— Обалдеть! — заключила я.

— Что? — переспросила Ия.

Ах да, она по-арийски не понимает.

Еще было вводное занятие по общей физической подготовке, где специально для меня рассказали, где и как можно

поддерживать физическую форму, подбирать нагрузки, да и просто отдыхать с пользой. И напоследок была лекция по технологии. Это мой самый любимый теоретический предмет. Обожаю разбирать оружие по компонентам и смотреть, как оно работает!

Потом я узнала, что на этой неделе у нас исключительно теория, и приуныла. Впрочем, неважно, главное, что группа мне попалась очень хорошая, да и день прошел очень даже продуктивно.

— Ты где живешь? — спросила Ия, когда мы с ней спускались в холл, чтобы покинуть университет.

— В Каласте.

— Да? Далековато.

— Да не очень. Всего 15 минут, — пожала я плечами.

— А ты на чем?

— На энергичке. Меня где-то тут Ива ждет. Я с ним договорилась, чтобы он меня подождал, а то я еще дорогу плохо знаю.

Ия пробормотала что-то весьма своеобразное и непонятное.

— Что? — не поняла я.

Она повторила погромче.

— Да нет, я слышу, я только не понимаю.

— Быстро! — усмехнулась Ия.

— Что?

— Шелгэ! — Ива разглядел меня первым и теперь шел по направлению к нам.

— О-о, — уважительно протянула Ия.

Да, я тоже заметила, что Ива у меня достаточно привлекательный провожатый. Ия снова сказала что-то такое, что из всей фразы я поняла только местоимения и междометия. Ну и сленг у них…

— Я не понимаю, скажи попроще или по-неноленски, — попросила я.

— Я не знаю как это по-неноленски, — покаялась Ия. — Ну, он твой арналан?

— Кто? — не поняла я, тут Ива, наконец, дошел до нас с Иеей. — Ива, переведи мне, пожалуйста!

— Что? — спросил он.

— Арналан! — повторила я уже запомнившееся слово, ибо Ия повторила его во всех тех непонятных фразах.

— Эм… ну, — задумался Ива. — Человек, с которым ты состоишь в… ну встречаешься, в общем!

— Бой-френд, что ли? — удивилась я.

— Да, — кивнул Ива.

— А что, сразу так сказать нельзя было? — еще больше удивилась я.

— Ну, это не совсем такой перевод, больше скорее подходит… мм… любовник… нет, любимый! — нашелся, наконец, аладар.

— А-а, — протянула я. — А-а!!! Не-эт!

Это я уже обратилась к Ие и расхохоталась.

— Он не мой бой-френд и тем более не арналан, — смеялась я. — Я просто живу у него дома, ну, в его семье!

— Да? А я-то думала, ты уже парня нашла себе, — расстроилась Ия.

— Нашла-то нашла, но не в таком смысле, — веселилась я, поняв, на какую тему были все непонятные фразы и удивлявшие меня интонации.

— То есть он свободен? — тихо уточнила Ия.

— Не знаю, сейчас спросим, — встрепенулась я. — Ты свободен?

— В смысле? — в лучших традициях жанра спросил Ива.

— В смысле, у тебя девушка есть? Арналан женского рода, или как он там изменяется? — спросила я.

— Арналани, — сказал нужную форму Ива и слегка смутившись, добавил. — Нет, нету.

— Значит, свободен. Возьмешь? — сказала я Ие, и мы с ней рассмеялись.

— ИЯ! — послышалось откуда-то с лестницы.

— О-о, Данмар… — вздохнула Ия.

— Арналан? — хихикнула я.

— Нет, иритон, — покачала головой Ия.

— Это еще кто?

— Ухажер, — не дожидаясь просьбы, перевел Ива.

— Иритони женская форма? — спросила я.

— Да, но так не используется, — рассмеялся Ива.

— Почему?

— Ну, девушки за парнями не ухаживают.

— А-а… А если парень болен?

— Нет, это уже каади — сиделка, — ответил Ива.

— Ну ладно, вы тут олеанский учите, а я побежала, а то этот рваноух будет потом еще допытываться, где это я была, — сказала Ия.

— Так и скажи — арналана себе подыскивала! — хихикнула я.

— Вижу, слово тебе понравилось! — заметила Ия.

— Ага! — радостно подтвердила я.

— Ия!

Аладарка ушла на зов.

— Пошли домой, арналан несостоявшийся! — подергала я Иву, провожающегося взглядом девушку. — Как там оно склоняется? А то я, кажется, что-то неправильно стыкую.

Многие нас провожали из универа заинтересованными взглядами. Правильно, не надо было так громко обсуждать всевозможные формы этого пресловутого арналана!

— Как успехи? — спросила Танра, когда мы зашли домой.

— Я выучила кучу новых слов, и самое главное из них — арналан! Ну, еще иритон, но это уже не так важно, — гордо ответила я.

Танра удивленно посмотрела на меня и загадочно улыбнулась.

— И кто же он такой?

— Кто такой? — удивилась я. — Да никто! Это просто Ия перепутала, а я долго не могла понять, с чем или кем, пока мне Ива не перевел, что она имела в виду!

Танра весело засмеялась.

— Зато с иритоном и каади дело пошло проще! — добавил Ива.

— Только все как-то странно косились на нас, пока я училась эти слова склонять! — закончила я.

Танра расхохоталась в голос.

Неделя пролетела одним днем. Олеанский стремительно заучивался, запоминался, а то и налипал на язык. Особенно меня зацепило хорошее такое словечко «ахтран». Никакого даже близко подходящего аналога в арийском я так и не нашла. Самый общий смысл этого слова заключался в полной свободе от ситуации, и очень приблизительно переводился как «ну это все куда подальше» или «а мне как-то все равно». Причем слово это использовалось как в литературе в самом общем смысле, так и в повседневной речи, приобретая несколько нецензурную окраску. В первый раз, когда я только услышала его от Данмара, я долго не могла понять ни значения, ни смысла, и даже решила, что-то что-то типа междометия, пока не догадалась попросить обрисовать ситуации, в которых слово используется. Вот тогда-то все и встало на свои места. Оказывается, это замечательное слово применятся как в гордом одиночестве, выражая бурный протест, так и вкупе с другими словами, означая все, что угодно, точнее, что пожелает выразить автор фразы.

С учебой дела обстояли еще лучше, не в последнюю очередь благодаря освоению языка. К распорядку я привыкла быстро. В

Олеа расписание составлялось не в пример тщательнее, чем в Арии. С ушастыми преподавателями было немного посложнее, однако и здесь все было не так уж и безнадежно. Я теперь точно знала, с какой громкостью и когда можно говорить, а одногруппники в случае особой надобности писали записки. Но это уж самый крайний случай, когда говорить нельзя, а точнее, бесполезно, ибо услышу не я, а препод, но передать информацию нужно обязательно. Ну а с самой наукой, точнее, с теорией, таких проблем, с которыми я не сталкивалась раньше, не возникало. Как не любила я теорию личного расчета, в просторечии терлич, на которой мы занимались немагической физикой, так она у меня и не получалась. Да и общие предметы типа философии, истории и естествознания я не очень-то любила. Какие могут быть теории развития государства, когда на следующей паре будем разбирать на части последнюю модель ускорителя движения?

С особым нетерпением я ждала первой практики. Теория — это, конечно, хорошо, но не ради нее я пошла учиться в высшее учебное заведение. В школе, конечно, боевым искусствам уделялось немало времени, но только в университете есть возможность научиться настоящему бою на настоящем оружии, а не на игрушечных мечах, или, тем более, борьбе без какого-либо оружия, которая чаще всего сводилась к банальной драке. Дети, что с них взять? Я и сам-то стала осознавать смутные отличия просто драки от настоящего поединка только в университете. В драке главное — победить, надавав побольше тумаков и пинков противнику. В поединке победа, разумеется, также стоит на первом месте, однако появляется еще куча разных целей, начиная с отработки механических движений тела и заканчивая пониманием противника. А потом уже поединки начинают делить на разные группы и подгруппы. Бывают поединки быстрые, а бывают красивые, бывают сложные, а бывают неожиданные, бывают спорные, странные и даже смешные. А бывают и страшные, причем иногда бывает страшно в процессе, а иногда и после поединка, когда его начинают разбирать по частям, и тебе становится понятно, насколько ты была близка к смерти. Конечно, страшно. Врут те, кто говорят, что они не боятся сражаться. Еще как боятся, но страх придает сил и позволяет относиться к реальности с необходимой частью инстинкта самосохранения. Почему с частью? Да, если уж начистоту, если человек заранее идет на абсолютно ненужный с точки зрения его бесценной жизни риск, то у него уже есть проблемы с этим самым инстинктом. Впрочем, наверное, мы поэтому и люди, а не кошки, как было раньше. Магия и труд наделили нас разумом, чтобы мы могли управлять своей судьбой, а не подчиняться ей слепо. Кто

знает, к лучшему это или к худшему…

— Что-то ты сегодня как будто не в университет, а переезжаешь, — удивился Лехо, когда я уже собиралась выйти из дома.

— Это как? — не поняла я, допивая сок.

— Сумка через плечо огромная и документы поближе к сердцу, — сказал мальчик.

— Это не переезд, это просто первое практическое занятие, — усмехнулась я. — Вот сегодня отнесу форму, и на следующие занятия буду только оружие приносить. Ну и документы соответственно из-за оружия.

— У вас сегодня практика? — аж подпрыгнул Лехо. — Жаль, я на это посмотреть не могу.

— Не переживай, на первом занятии ты вряд ли что-то пропустишь. Первое занятие вводное. Если мы и доберемся до оружия, то ближе к концу пары, да и то просто в качестве разминки.

— Ахтран жаль, — повесил уши Лехо.

— Ого! Куда это ты с такой огромной сумкой? — удивился Ива, тоже собиравшийся в университет.

— У нее сегодня первая практика, — ответил ему Лехо.

— Практика? — не то ужаснулся, не то поразился Ива.

— Ага, вводное занятие, — предупреждая дальнейшие вопросы, сказала я.

— О-о, — протянул парень.

Мы с Ивой вышли из дома и скорее уже ехали в энергичке.

Я ошиблась. Первое занятии только по традиции называлось вводным. Это я поняла сразу, как только нам сказали переодеться и экипироваться для боя. Оружие на первое занятие нам было разрешено выбрать любое, только чтобы оно было ближнего боя, так что я, не мудрствуя лукаво, выбрала любимый волновой палаш. Легкая и удобная вещь, которая при каждом ударе создает узкую ударную волну, ударяющую по противнику, как продолжение клинка. Очень изящное и действенное оружие! Выйдя из раздевалки, которую по причине отсутствия других девушек занимала я одна, я сразу же присмотрелась к оружию, принесенному одногруппниками.

Так, Арвин с арбалетом наперевес. Странно, зачем ему арбалет? Вроде бы арийским… тьфу ты, олеанским языком было сказано — ближнего боя, а он арбалет притащил. О-о, арбалет ближнего боя! На это нужно посмотреть. Ах ты, господи, у него кистень на поясе. А я уж думала, он арбалетом драться будет. Кстати, стрелялка-то у него обычная, без магических выкрутасов, а вот кистенек что надо. Энергическим разрядом попадет по руке

— мало не покажется. По другим частям тела я, к счастью, удара такой вот игрушкой не допускала, но не сомневаюсь, что будет не хуже. У Ёната за плечами висели ножны с риварской шашкой. Уважаю! Сложное оружие, учитывая особенности рукояти, приспособленной для риварских лап. Из магических свойств у нее, кажется… световой эффект? Световая риварская шашка? Вот уж сочетание несочетаемого… Кажется, у Ената все же не все в порядке с головой, или это он так выпендриться решил? Ага, Эрэт выбрал простой и незатейливый полуторник с встроенным усилением удара. Удобно и действенно. Данмар тоже не особенно оригинальничал — взял огненную глефу. Против меча, конечно, с ней не очень, но сам по себе выбор хорош. Искард принес на первое занятие забирающую силу алебарду. Вот уж придурок, каких поискать. Даже если он владеет ей в совершенстве, алебардой можно только на показательных поединках драться. Хотя, может, это только я хожу с алебардой исключительно на параде? Костадель был вооружен морозной шпагой. Ну, это мы ее морозной называем, на самом деле она называется замораживающей, но не суть важно. Гораздо важнее, что если у него высокий уровень владения этой самой шпагой, то справиться с ним будет очень сложно, особенно мне. Как всегда угрюмый Маркор и оружие выбрал под стать себе — теневую саблю. Сабля порождает мгновенные вспышки тьмы, так сказать, антипод светочам. Разве что теневое оружие не слепит, а позволяет ее хозяину двигаться незаметно от противника.

Интересно, с кем мне придется драться в паре? Точно не с алебардой и не с глефой. Данмар с Искардом, скорее всего, будут сражаться на пару. Арвин с кистенем мне тоже не противник. Ага, у Эрэта наготове булава есть, похоже, они будут сражаться друг с другом, а потом Эрэт уже свой полуторник возьмет. Выходит, мы не один раз будет биться. И это в первый же день? Похоже, здесь все серьезнее, чем я думала! Это будет в два раза интереснее, чем я думала! Остается Енат, Костадель и Маркор, хотя, в принципе, и Эрэта никто не отменял. Ладно, поживем — увидим.

— Так, студенты! Добрый день! — в тренировочный зал влетел наш преподаватель практики, мастер боевых искусств Литарт Моад. Очень молодой преподаватель с невообразимой практикой. Кажется, он умеет сражаться на любом оружии! Нам с ним очень повезло. — О, девушка, а вы что тут делаете?

Я выпала в осадок и зависла. Конкретно обаладарилась!

— Учусь, — еле выговорила я. Все-таки олеанцы привыкли к вечному ступорению друг друга и спокойно пережидают непогоду в укрытии своих мыслей.

— Кажется, вы ошиблись залом!

— Ага, и предметом, и формой, и оружием. А еще городом и страной! Я вообще сейчас в Арии должна быть и спокойненько задавать жару напарничку Дирику за то, что он бегал один, а не два раза в неделю!

— Тррр… Стоп! Не гонись за хвостом! — Литарт подскочил ко мне. — Ты арийка, что ли? А по-олеански не можешь?

Я только сейчас сообразила, что всю свою речь проговорила с арийской скоростью и на арийском языке.

— Почему же? Могу! — ответила я, и повторила все слово в слово по-олеански.

— О-о, — наконец проникся преподаватель. — А я все думал, и чего это весь университет на ушах. А тут, оказывается, девушка на практическом отделении! Да еще и иностранная.

— Прямо на ушах? Ужас, до чего я довела бедных аладаров, — пробормотала я.

Услышали, конечно же, все, рассмеялись, впрочем, тоже. Никак не привыкну, что лучше вообще ничего вслух не произносить, все равно кто-нибудь да услышит. У-у-у! Ушастики! Ужастики!

— Так, ладно, приступим! — профессор Моад звонко хлопнул в ладоши. Вздрогнули и прижали уши все, кроме меня. На мена направилось восемь пар глаз и ушей.

— О-у, — я прониклась важностью момента и поджала хвост. — Прошу прощения, ушами шевелить не научилась еще. Хотя еще месяцок с аладарами, и точно научусь!

— Жаль, мы хвостом шевелить не научимся, — непритворно расстроился Литарт.

Я подбоченилась и картинно взмахнула хвостом. Литарт повел сначала одним ухом, потом другим, а потом двумя сразу. Я обвила хвост вокруг ноги. Преподаватель прижал уши к голове. Я решительно хлестнула воздух и перекинула хвост себе через руку.

— Нет, так я не могу, — сдался Литарт, расхохотавшись, веселились и остальные аладары. — Все за дело! — преподаватель окинул нас оценивающим взглядом. — Данмар с Искардом, Арвин — Эрэт, потом поменяетесь, Костадель — Маркор. Так, эм… ты сразу будешь драться?

— Шелгэ Элива, — представилась я. — Да, сразу! А чего ждать?

— Тогда ты — с Енатом, — тут же сказал профессор Моад. — Вперед!

Мы с Еном заняли один из кругов и встали на исходные позиции.

— Ты, если что, говори… А то я могу увлечься и… в общем… — сказал Ен.

— Ты тоже, — перебила его я. Давно уже отвыкла от того, чтобы меня не принимали всерьез. И не стану привыкать.

Я со свистом вытащила палаш из ножен и отбросила их подальше. Ен скептически посмотрел на меня и вытащил свою шашку.

— Три, два, один, поехали! — скомандовал Литарт.

Я тут же приняла боевую стойку и поудобнее перехватила палаш. Сейчас покажу я тебе, что и когда говорить! Будешь просить пощады!

Круг почета, и Ен все же не выдержал и нанес пробный удар. Очень уж ему было интересно, как я на это отреагирую. А я прекрасно отреагировала, первым же ударом выбив из его рук шашку. Даже сверкнуть ни разу не успел! Поединок закончился, не успев начаться. Терпеть не могу пренебрежительного отношения к себе. Ен так и застыл с опустевшей рукой посреди круга, не в полной мере осознав свой проигрыш.

— Ну что, будем драться по-настоящему, или еще разок в игрушки сыграем? — я опустила палаш.

Ен удивленно моргнул, посмотрел на меня более внимательно, подобрал шашку и встал на исходную позицию. Теперь начинать пришлось мне, ибо он очень осторожничал. И напрасно! Серия коротких ударов, и я мазанула его по руке волной. Шашка снова полетела на пол.

— Так и будешь в игрушки играть, или все же сразимся? — еще раз предложила я.

Ен глазам своим не верил, но уши подтвердили, что шашка со звоном упала на пол. Я подождала немного, давая время переварить случившееся, и подпихнула ему оружие.

— Последний раз! — предупредила я.

Он подхватил шашку и мгновенно ударил, впрочем, меня уже на том месте не было, я приспокойненько разворачивалась для удара у него за спиной. Ен развернулся и принял удар на шашку, одна ударной волной его снесло назад, чуть снова не лишив оружия, но теперь он был готов. Шашка сверкнула, я только и успела спрятать глаза в сгиб локтя, и следующий удар пришлось встречать палашем. Сильный удар, но и я не из слабеньких. Ен, кажется, снова излишне сильно удивился. Свистящий удар, и он уже лежит на полу, однако реакции быстрее тормозящего мозга — он снова на ногах, и оружие зазвенело, соприкоснувшись. Серия ударов и парирований, несколько удачных атак и таких же удачных защит, и снова вспышка, и следом за ней еще одна. Вторая попала в цель. Мир слился в темное пятно, я моргнула, сбрасывая первую завесу света. Глаза арийцев меньше всего восприимчивы к свету — мы можем открыто смотреть на солнце,

не боясь потерять зрение. Светочи, конечно, нас тоже слепят, но это не так фатально, как для остальных рас. Ен был поражен моей полной боевой готовностью сразу после удачного применения светоча. Он-то не знал, что я хоть и плохо, но все равно продолжаю все видеть. Да и не нужно мне полноценное зрение, когда противник в таком явном замешательстве. Одно точно выверенное движение, нацеленное на завершение движения активации светоча, и шашка, вырвавшись из рук Ена, отлетела к соседнему кругу.

— Все! — я угрожающе нацелила палаш в грудь оторопевшему аладару.

— Но как? — только и спросил он.

— Автоматические движения не нуждаются в зрении, к тому же на арийцев светочи действуют слабее, — ответила я, опуская палаш.

Я еще пару раз моргнула, и зрение полностью вернулось. Лучше б ничего не видела. Вся группа смотрела на меня, прекратив сражаться.

— Аладары, одним словом, — прокомментировала я по-арийски.

— Меняемся! — скомандовал наш преподаватель.

— Ен с Костом, Эрэт с Шэлгэ, Маркор с Арвином. Арвин, выбери себе что-нибудь в оружейной, а то с кистенем против сабли…

Я перешла в круг к Эрэту.

— Хорошо дерешься, — сказал парень.

— Рада, что ты оценил! А то Енат так, похоже, и не понял, что я не девчонка, а противник.

— Ну почему же «не девчонка». Еще как девчонка, но дерешься все равно хорошо, — усмехнулся Эрэт.

— Три, два, один, поехали!

Три круга почета, и Эрэт сделал пробный удар, я поскорее воспользовалась этим и с разворота рубанула по нему. Парень подставил меч, однако на защитном костюме остался длинный порез, который тут же затянулся.

— Убит! — усмехнулась я.

— Вот я тебе! — загорелся азартом Эрэт.

Удар, удар, удар, непробиваемая восьмерка и снова удар. Ого! Палаш вылетел из моей руки, чуть не вывернув кисть. У самого Эрэта силы дай бог, да еще и меч соответственный. Ладно, вовремя выпустила оружие.

— Убил! — он нацелил мне в грудь меч.

— Размечтался!

Сальто назад, и палаш снова у меня в руках. Теперь я

сражалась поумнее. Подставлять оружие под его удары было крайне неразумно, разве что другого выбора не было. Так что я крутилась и отскакивала, как могла, пару раз перескочила через него, бессчетное количество раз поднырнула под руку и столько же раз подпрыгнула, пропуская меч под собой.

— Нет, с тобой невозможно драться! — теряя размеренный ритм дыхания, пробасил Эрэт. — Ты такая маленькая и юркая!

Последнее слово я, правда, не поняла, но сделала выводы по смыслу.

— А ты такой большой и неповоротливый, что одно удовольствие от тебя уворачиваться! — усмехнулась я. Хвост мелькнул слева, палаш справа, и богатырский замах весь перешел в волну. Эрэта закрутило и снесло в сторону. Через секунду он упал на пол, ногами в круге, а остальным — за ним.

— Готов! — констатировала я факт.

Я протянула руку Эрэту. Он автоматически за нее ухватился, прежде чем успел вспомнить, что я девушка. Короткий рывок, и парень стоял на ногах, переваривая свои мысли и вырабатывая новые.

— Я арийка! — коротко ответила я на пока еще даже не оформившийся вопрос.

Я повернулась к соседнему кругу, где Маркор увлеченно сражался с Арвином, точнее, увлеченно гонял его по кругу, периодически заполняя тот тьмой. Арвин все больше сдавал и вскоре должен был быть побежден. Да, кистенем он владел куда лучше сабли, да еще и водной. Не его это оружие, не его! А Маркор хорош. Плавные отточенные движения, точные удары, переносы корпуса ни на коготь не превышают норму! А мне бы интересно было бы с ним сразиться.

— Енат с Арви! Эрэт — Кост. Шэлгэ — Маркор. Данмар, Искард, идите найдите себе оружие пораспространеннее, а то так и будете весь урок друг с другом сражаться! Перерыв десять минут!

Я плюхнулась на лавочку, положив палаш на колени. Напрыгалась я хорошо, надо отдохнуть.

— Н-да, кажется, я тебя недооценил, — усмехнулся Ен, присаживаясь рядом.

— Ну что поделать, со всеми бывает, — пожала я плечами.

— А ты у нас, оказывается, не такая уж и слабенькая, — Эрэт сел с другой стороны.

— Да я обратное и не утверждала. Я тебе сразу сказала, что я противник, а не девчонка.

— Противник, говоришь? — это Данмар вернулся из оружейной с двуручным мечом с той же огненной печатью, что

была и на глефе. Вот любитель огненного оружия! — А как тебе огненное оружие?

— Обжигающе, — коротко ответила я. — Но, слава богу, меня ждет тень, а не огонь.

Данмар воспринял это как мое опасение его как противника, и с этим удалился. Ну не люблю я огненное оружие, что же с этим поделать? Искард тем временем сменил свою алебарду на хлесткую рапиру, которая спокойно изгибалась, как пожелает.

Восстановив силы и дыхание, я спокойно вступила в один круг с Маркором. Посмотрим, что готовит мне этот противник!

Марк спокойно ждал меня в круге. Я встала напротив.

— Три, два, один. Поехали!

Марк не сдвинулся с места, я тоже стояла, лишь поудобнее перехватила палаш.

— Так и будем стоять? — спросила я через минуту.

— Я не мешаю тебе двигаться, — пожал плечами Марк, сосредоточенно наблюдая за мной.

— Ну, вообще-то мешаешь.

— Чем?

— Своим бдительным присутствием.

— Это как? — озадачился Марк.

— Да вот так! — я со всем старанием скопировала парня.

— И что же прикажешь делать? — усмехнулся он.

— Отвернись! — тут же скомандовала я.

Парень пожал плечами и отвернулся. Эм… он, что совсем придурок? Я подошла поближе и потыкала его палашом.

— Ты что совсем что ли? — ласково спросила я.

— Шелгэ, Маркор! Хватит в игрушки играть! — гаркнул профессор Моад.

Неожиданно все вокруг поглотила тьма. Шелгэ, НЕ ТОРМОЗИ!

Я быстро и бесшумно сместилась в сторону и кожей ощутила, что на том месте, где я только что была, просвистела сабля. Ну, Марк! Я закрыла глаза и тут же открыла. Очертания аладара обрисовались где-то справа, я тут же развернулась и подставила палаш под саблю. Удар сильный, но не такой, как у Эрэта, вполне могу держать. Пару ударов я парировала, и все снова заволокло тьмой. Как говорится, надо выкручиваться! Пара головокружительных сальто, и я снова увидела контуры. Еще пара вспышек, и я буду видеть и в полной темноте! Если уж мне светоч нипочем, то что уж говорить про тьму. Ну, давай еще раз! Однако Марк, видимо, сообразил, что дела плохи, и не стал применять тьму снова. Вместо этого он стал наступать хитрее. И чуть не наступил на хвост, пока я следила за его саблей.

— Ш-ш-ш-ш… — зашипела я на него, отдергивая хвост и отбегая на метр.

То ли на Марка поливалка наехала, то ли еще что похуже. Впрочем, нужно спешить, пока он в ступоре. Взмах и я отсекла Марку голову, фигурально выражаясь, конечно. На костюме остался красноречивый шрам, который вскоре скрылся.

— Убит!

Марк неожиданно пришел в движение и ответил такой резкой и быстрой серией ударов вперемешку испусканием тьмы и запутыванием тени, что я поневоле вынуждена была отступать. Я закрыла глаза. Сейчас они мне только мешали. Все равно ничего не вижу, лучше буду слушать. С аладарами мне, конечно, не сравниться, но все же и я не глухая! Слева, справа, прямой удар. Фуф, вовремя палаш подставила! Я открыла глаза. Ничего не вижу, он вторую вспышку применил! Новый удар попал по руке, я снова отступила. Больно, однако. Еще шаг назад.

— Шелгэ, линия! — услышала я предостерегающий окрик Эрэта.

Так отступать не куда.

— Нечестно! — воскликнул Марк и тут же получил ногой по… в общем, куда бог послал. Судя по хихиканью и сдавленному стону, я попала очень удачно.

— Извини, — пробормотала я. — Я не вижу, куда бью.

— Я заметил, — сквозь зубы процедил Марк.

Свет, наконец, проник сквозь завесу тьмы, но и Марк уже выпрямился и шел на меня с саблей. Новая вспышка не принесла удачи, ибо у меня уже был иммунитет. Чудная способность арийских глаз — приспосабливаться ко всему! Впрочем, я притворилась и снова стала отступать. От пары ударов я «удачно» увернулась, и неожиданно сама напала. Шаг в сторону, разворот корпуса, выпад вперед, откат и новый удар. Маркор хоть и оторопел от такого странного, на его взгляд, поведения, но защищался очень умело. Прогнулась, отскочила, развернулась, и все началось по новой: то я подходила вплотную к черте, то загоняла туда его. Рука все ощутимее ныла. Вот ведь стукнул, так стукнул. Ладно хоть защитный костюм все порезы на себя берет. Еще один удар, и рука дрогнула, чуть не потеряв палаш. Нет, так не пойдет!

Я перебросила палаш в левую руку и с новообретенной легкостью отбила новый удар.

— Ты сражаешься обеими руками? — удивлено спросил Марк, не переставая пытаться достать меня саблей. Он уже понял, что тьма ему не поможет, так что пользовался только путающей тенью, я же отсекала все ложные удары волной своего палаша.

— Как видишь.

— Стоооп! — просигналил Литарт. — А то вы так будете всю перемену драться. — Пара кончилась. Маркор, Эрэт, Данмар, Искард и Шелгэ заработали первый плюс. Остальные летом ничего не делали!

— Здорово ты Марка! — похвалил Эрэт, когда мы шли к расписанию.

— И он меня тоже ничего, — усмехнулась я.

— Он у нас мастер хитрых приемов.

— Да что тут хитрого? Просто у него техника хорошая и реакция быстрая. Как-то для аладара быстровата, — прикинула я.

— Моя мама наполовину риварка, — ответил Марк, догнавший нас на лестнице и тут же скрывшийся из вида.

— О, тогда это все объясняет, — усмехнулась я.

— Надо же, а я и не знал, что он полукровка, — пораженно сказал Эрэт.

— Да скорее «четвертькровка», — уточнила я. — А вообще интересно, у его мамы как риварская кровь с аладарской сочетается?

— Да нормальная у него мама. Обычная аладарка.

— То есть шубки и когтей она не унаследовала?

— Нет, по крайней мере, я не замечал. Да и видел всего два раза.

— Значит, у риварцев с аладарами так же, как и арийцев с аладарами, дети либо маминой расы, либо папиной, — сделала неутешительный вывод я. — А как бы было прикольно, если бы появился аладар с шерстью на руках или риварец с гиперслухом!

Домой я вернулась довольно поздно, однако меня ждали. Лехо с Танрой, не скрываясь, выбежали меня встречать, Ива же подтянулся позднее. Эната еще дома не было.

— Ну как первая тренировка? — тут же спросил Лехо.

— Отлично! Драться одно удовольствие! — ответила я.

— Ранений нет? — обеспокоилась Танра.

— Какие ранения? Это же простая тренировка, даже не зачет, и тем более не поединок!

— А на зачетах и поединках будут травмы? — еще больше обеспокоилась Танра.

— Смотря как буду драться. Может, и не будут. Да даже если будут, то ничего страшного, за этим следят. У нас же не война! Вылечат!

— А тебя вообще кто-нибудь ранил? — жадно спросил Лехо.

— Конечно, — пожала я плечами. — А как ты думаешь, по-другому учиться. За четыре года обучения у меня ни разу не болевшего места на теле нет.

— Так серьезно? — ужаснулся Ива.

— Да нет, не особенно, — отмахнулась я. — Но и не игрушки, конечно. Хорошо, пока шрамами не обзавелась, как Марк.

— Это тот, который все время с длинной челкой ходит? — спросил Ива.

— Ага, он. Мы с ним как раз сегодня дрались.

— А что это у тебя с рукой? — ужаснулась Танра, когда я сняла куртку. Эх, надо было блузку с длинным рукавом надевать.

— Синяк, — пожала я плечами. — Марк саблей задел.

Аладары выпали в астрал.

— Не знал, что сабли оставляют синяки, — наконец сказал Ива.

— А на что же нам, по-твоему, защитный костюм? Иначе бы мы все уже были исполосованы вдоль и поперек. Магическое оружие — это не шутки. С ним травматичность в пять раз выше, чем с обычным оружием.

Н-да, я уже почти два месяца учусь в Эмеденском университете, а вот как-то умудрилась заплутать! Нет, это талант. Господи, куда мне идти? Ладно, хватит ходить кругами, надо заглянуть в аудиторию и спросить! Я постучала и заглянула в класс. По ушам тут же ударила музыка. Здесь что, глухие аладары? Я уж и то привыкла, что у них тут все тихо, а тут такой грохот.

— Эм… извините…. а вы не подскажите где тут выход! — сказала я.

Ноль внимания. О, да у них тут танцы. Это уже интересно.

В классе было шесть девушек-аладарок, которые под бдительным руководством уже немолодой риварки разучивали какой-то танец. Надо сказать, скверно разучивали, видимо, в первый раз. Но зато хоть понятно, почему музыка так громко звучит. Нет, для моих ушей и ушей риварки она нормально звучит, но девчонки, видимо, уже привыкли танцевать с прижатыми к голове ушами. Нет, надо потише делать, а то они и на сцене так же будут танцевать.

— Шаг, шаг, шаг. Три шага, а не два, поворот, Эллиса, не в ту сторону! Так, влево, вправо. Где у вас право? Нет, не там, где лево! Стоп! Мальина, как можно путать право и лево?

— Я не путаю, я просто не туда поворачиваюсь, — ответила одна из девушек, волосы которой на затылке были поставлены дыбом.

— Нужно выучить!

— Да, конечно.

— Эллиса, тебя это тоже касается!

Еще одна девушка кивнула.

— Так, теперь отрабатываем концовку. Три шага вправо, разворот вокруг себя, прогиб и застыли! Поехали.

Прежде чем я успела что-то вставить, музыка загремела вновь, и девушки синхронно повернулись, правда, Мальина снова повернулась влево вместо права, сделали какое-то незамысловатое движение телом и застыли.

— Ужасно! — констатировала факт риварка. Я была с ней полностью согласна. Даже бревно выполнило бы это движение лучше! — Неужели вы не видите разницы?

Риварка показала идеально-точное движение. О да, это очень красиво выглядит. Надо выучить! Я непроизвольно повторила.

— Девушка, а вам что надо? — на меня, наконец, обратили внимание.

— Вообще-то я заблудилась и ищу выход, но, быть может, вы возьмете меня к себе в… мм… кружок? — тут же нашлась я.

Я проворно сделала три шага вправо (тьфу-тьфу-тьфу, но право с левом я не путала), прогнула спину и как можно более изящно откинулась назад, так и застыла.

— Берем! — немедленно согласилась риварка. — Вставай в центр. Так девушки, следим за ней и копируем!

— Вы сегодня первый раз танец разучивали? — спросила я у нашей преподавательницы Емартины Кастая после окончания урока.

— Какой там! Уже третий раз, и подвижки заключаются только в твоем приходе. Хвала богам, что ты заблудилась!

— Так зачем же вы с ними занимаетесь? Набрали бы других!

— Это самые лучшие!

— Хм… а я думала, что анекдоты о неповоротливости аладаров — это преувеличение… Оказывается, преуменьшение, — озадачилась я.

— Да нет, они способные, только учатся очень и очень долго. Потом, когда схватят азы движений, все будет как по маслу, — заступилась за танцовщиц риварка.

— А-а, — протянула я. — Поживем — увидим.

— Да-да, увидимся на следующей неделе.

О, да она глухая слегка. Нелегко бедным аладаркам приходится!

— А я сегодня на танцы записалась! — с порога сообщила я.

— Куда? — Ива аж поперхнулся.

— На танцы. А что?

— Мм… ну это слишком сложно?

— Ну, для аладара бесспорно! — кивнула я, снимая ботинки.

Ива слегка завис, соображая. Я привычно разделась, положила сумку в комнату и вернулась на кухню к аладару.

— Ты завтра что после пар делаешь? — спросил Ива.

— В тренажерку иду. Пойдешь со мной?

— А что мне там делать?

— Группой поддержки будешь! Заниматься, конечно! Или это тоже слишком сложно для аладара?

— Нет, не сложно, — обиделся Ива.

— Да ладно тебе, пошли. Хоть попробуешь. Вдруг понравится?

— Я уже пробовал, и, представь себе, мне даже понравилось! — гордо проинформировал меня Ива.

— Да ты что! — неподдельно, но, тем не менее, довольно ехидно изумилась я. — И давно?

— Лет пять назад!

— Н-да, давненько. Пора опыт обновить! — покачала я головой.

— Да я раз в неделю туда хожу! — взвился Ива.

Ой, кажется, теперь я торможу.

— Да? Я думала — раз в пять лет! — хихикнула я.

— Шелгэ!

— Не обижайся, это я торможу! — хохотала я. — Ты по каким дням и куда ходишь?

— По послезавтрашним, в ФОК за углом, — все еще обиженно ответил Ива.

— Ладно, я тогда с завтра на послезавтра перенесу и вместе сходим. Пойдет?

Ива похлопал глазами, то ли обдумывая, то ли соглашаясь.

— Ладно, ты подумай, а потом мне скажешь! А я пока пойду доделаю реферат по философии, — я направилась к себе в комнату.

Ой, терпеть не могу эту философию. Что тут с ней делать? Статьи-то я нашла, а как их собрать в один текст, да еще чтобы и связно было, и по теме, и вообще я терпеть не могу философию!

— Философия древних аладаров… мм… дает выход… нет, дает начало, полагает начало общемировой философии. Ну еще бы, кто еще эту занудистику мог придумать, как не аладары. Наверняка неноленцы, олеанцы еще ничего так люди! Все равно коряво написано. Что там эта древняя философия, тьфу ты, философия древних аладаров. Да какая собственно разница — кроме древних аладаров, ни у кого больше никакой философии не было вообще! Ахтран! Нет, что там эта древняя философия древних аладаров делает?

— Является основополагающей в мировой философии, —

ответили мне.

— Эм… а как это связать с трудом?

— С каким еще трудом? — озадачился Ива.

— Труд Ко-ван-три-на-та! — по слогам прочла я.

— Ковантритата, — поправил Ива и подошел ближе. — Дай-ка посмотреть, что там у тебя.

Я поскорее вскочила со стула, уступая аладару место. Хоть бы он мне этот реферат доделал, а?

— Н-да, что за бардак у тебя тут? — цокнул языком Ива.

— Творческий беспорядок!

— Пора приводить в творческий порядок, — парень тут же переставил пару абзацев и дописал к ним пару предложений, удалив какие-то ненужные строчки. — Вот теперь на связный текст похоже. У тебя тема-то вообще какая?

— Эм… там в начале написано. Что-то типа концепции философии древних аладаров в призме взглядов этого самого Ковантрината!

— Ковантритата!

— Какая разница?

— Как между Уилот и Элива, — ответил Ива.

— Хм… что-то я не заметила.

Ива только отмахнулся и занялся правкой моего жуткого текста, я благоговейно присела на подлокотник соседнего кресла. Как приятно наблюдать за человеком, когда он чем-то занят. А уж как приятно смотреть, как кто-то делает работу за тебя!

— Ну вот и все готово! — сказал Ива, перелистывая свежераспечатанный реферат.

— Спасибо огромное! Я тебя обожаю! — я звонко чмокнула аладара в щеку, забрала у него реферат и спрятала его в сумку. — Пошли, что ли, ужинать!

О, снова завис, а я и не заметила. Кажется, я дома зря переживала по поводу тормознутости. Человек ко всему привыкает и приспосабливается.

— Пошли, — я взяла его за руку и повела на кухню.

— Как дела с учебой? — спросила Танра, накладывая только что приготовленный плов.

— Все замечательно! Реферат вот по философии доделали, еще бы с историей разобраться. А вообще скоро будет практика на вилах.

— На чем? — заинтересованно переспросил Лехо.

— Ну, на боевых трезубцах. Обычные вилы, — пояснила я.

— Класс! — у мальчика аж глаза загорелись, и голос по резко возрастающей кривой взвился вверх. — Упс…

— По крайней мере, это будет весело, — рассмеявшись,

ответила я.

— Эх, жаль, я посмотреть не могу, — в который уже раз сокрушался Лехо.

— Да что ты все переживаешь? Заканчивай школу и поступай на боевое отделение, и все увидишь! — не выдержала я.

— Ни в коем случае! — запротестовала Танра.

— Почему? — пискнул Лехо.

— Нет, ну можно же не на практику, можно на теорию, — заверила я.

— Ну, только если на теорию, — не стала спорить Танра. Все равно Лехо до окончания школы еще три года. Как говорится ни хвоста, ни усов еще нет, так что можно и не переживать, что кошка появится.

— Можно, конечно, и на практику, но лучше на обычное оружие, — увидев совсем уж расстроенное лицо мальчика, сжалилась я. — Магическое оружие — это не твоя стихия.

Лехо заметно приободрился, Танра же смерила меня таким взглядом, что я мигом пожалела, что вообще завела этот разговор про боевую специальность. Интересно, почему она так не хочет, чтобы Лехо стал военным?

— А у тебя как учеба? — поскорее сменила тему Танра.

— Да все в порядке, — отмахнулся Ива. — Завтра будем разбирать прецеденты лишения родительских прав, а послезавтра суд.

— А как высшая математика? Уже освоил расчетную систему?

— Почти… — процедил Ива.

— Опять будешь зачет по пять раз сдавать?

— Мам, все будет хорошо.

— А что за расчетная система? — спросила я, поняв, что еще немного, и будет ссора.

— Да это у нас так высшая математика называется, — ответил Ива.

— И что там такое?

— Да все в кучу.

— А конкретнее?

— Да не знаю я, — честно признался Ива.

— Хоть сейчас-то что проходите?

— Уравнения какие-то…

— Эм… функциональные, системные, прикладные или чисто магические?

По округлившимся глазам Ивы я поняла, что он и слов-то таких не знает.

— Ну ты хоть что-нибудь помнишь?

— Да зачем тебе? — спросил Ива.

— Интересно, — честно ответила. У меня с высшей математикой был полный порядок, а вот чему учат юристов, было интересно.

— Сейчас покажу, — Ива недовольно поднялся с места и принес вскоре тетрадку. — Вот…

Я внимательно изучила подсунутые мне исписанные листы.

— Это системные уравнения низких порядков. А в чем у тебя проблема-то? Это же не сложно. А вот есть немного функциональных. Они посложнее, но тоже не особенно. Вот если бы прикладные — то это да, это сложно. В них запутать можно на раз-два, даже в самых простых из них. А здесь что?

— Да, ничего. Все в порядке. Говорю же! — ответил Ива.

Я пожала плечами и вернула ему тетрадь. Не хочет — не надо.

— А может… — начала было Танра, посмотрев на меня с надеждой.

— Я сам! — ответил ей Ива и ушел.

— Да там, правда, не сложно. Надо, конечно, подумать, но все в пределах разумного. Нет ни жутких формул, ни огромных констант, ни непонятных следствий из еще более непонятных теорем, — утешила я женщину.

— А ему сложно. Я тоже не понимаю, что такого сложного. Пробовала ему уже объяснять — все бесполезно. Он вообще не вникает в суть.

— Так же, как я в философию, — усмехнулась я.

Я старательно дорешивала задачу о приближенной силе удара обостренным мечом, когда дверь комнаты открылась, и на пороге появился Ива.

— Поступорись минутку, я допишу, — сказала ему я, ставя последние закорючки и записывая ответ. Вроде бы верно. — Все!

Я повернулась к парню.

— А зачем я должен ступориться?

— А потому что я привыкла, не обращай внимание. Ты чего хотел?

— Уравнение.

— Садись, показывай, — кивнула я на кресло, стоящее возле стола.

Аладар сел и положил передо мной тетрадку с записанным в конце уравнением. Я молча достала чистый лист. Так, системное третьей степени. Сейчас решим — несложно. Через пару минут я отложила ручку.

— Ну вот. Такой ответ?

— Да, спасибо, — кивнул Ива и собрался, было уйти.

— А ты понял, как я его решила-то? — спросила, я не отдавая

листок.

— Эм… да.

— И как?

— Методом Симела.

— А в чем он заключается?

Что читать он умеет, я не сомневалась, а пометку «Симел» я сделала в самом начале.

— Ну-у…

— Садись ближе, объясню.

— Да не надо.

— А ты как на уроке объяснять будешь?

— А мне не надо объяснять, только показать.

— А на контрольной что решишь? А на экзамене? Нет, ты как вообще будешь сдавать свою высшую математику?

— Как-нибудь.

— Это, конечно, тоже метод, но, по-моему, лучше заранее знать, как.

— Я все равно ничего не пойму.

— А ты пробовал понять-то?

— Пробовал — бесполезно.

— Ну, можно, теперь я попробую понять, что тебе непонятно.

— Да я в школе плохо математику знал, — нехотя признался Ива.

— Ну, значит, и школьную повторим. Ты куда-то спешишь?

Ива выставился на меня как на умалишенную.

— А ты как собрался без математики жить?

— Да зачем она мне?

— Ну, для начала, чтобы знать, потом, чтобы понимать, а уж затем, чтобы применять. Если не можешь понять — зазубри! Ну не поймешь и не поймешь. Что ты теряешь?

— Время!

— А ты давай остальную домашку, решим.

Вот такой вариант Иву устраивал, и даже очень. Страница была перевернута, и я увидела список номеров.

— Ага, задачник бы тоже был очень даже нужен.

О-о, он, похоже, действительно математику вообще не знает! Это же простейшие уравнения, часть из них в школе проходят! Ладно, научим!

— Ну что, понял что-нибудь? — сказала я, закрывая задачник и отдавая ему кипу исписанных листов.

— Ну, так, — он покрутил рукой. — Но зато я теперь полностью разобрался с системными переменными. Откуда они берутся.

— Это же школа!

Ива лишь пожал плечами.

— Ладно, в другой раз продолжим. Я тебе еще и функциональные переменные до кучи объясню. Хоть будешь знать, что решаешь. А уж потом и до методов решения дойдем.

Такое чувство, что он просто-напросто прогулял все уроки, отведенные на решение уравнений в школе.

— Шелгэ, парируй! Нет, не боком, прямо подставляя трезубец.

— Да как? Он все время разворачивается!

— Ты его сама разворачиваешь! Сдержаннее перебирай по древку! Данмар, не задирай трезубец! Давай коли! КОЛИ! Да что ты будешь делать! Шелгэ!

— Не могу!

Я с такой силой пихнула Данмара другим концом своих боевых вил, что тот отлетел на метр и потер ушибленный бок.

— Слушай, ты мне так глаза выткнешь! — крикнула я на Данмара.

— А ты мне ребра сломаешь!

— Так, стоп. Хватит, перерыв. Ен, Иска к барьеру. Что вы мне покажете?

Господи, неужели это так смешно смотрится со стороны? О-о, если я тоже так делаю, то проще повеситься! Ы-ы, боевые грабли! Пользы никакой! Разве что огреть или кинуть, как копье.

— Заколю! — прогремел Иска, разозлившись на кольнувшего его Ената.

— Скорее уж наколишь на вилку, — пробормотала я, перехватывая трезубец. Абсолютно бесполезная вещь в моих руках!

— Ха, что он делает! — усмехнулся Данмар. — Ой, да ты только посмотри. Да кто же так дерется!

— А сам-то!

— Ну, уж я-то получше. АУ!

Я как следует, ткнула вилами Данмару в одно место, которое находится немного ниже спины.

— Шелгэ! Что за детсад! В круге надо драться, а не за его пределами! А ну-ка к барьеру!

Данмар исподлобья посмотрел на меня и, перехватив вилы на манер дубинки, атаковал. Я тут же парировала его удар, вскинув обе руки с граблями, тьфу ты, с трезубцем, и ответила ему смелым выпадом, который, впрочем, ушел в молоко. Данмар тут же стал атаковать, размахивая трезубцем и выписывая им восьмерки. Стоит ли говорить, что к технике владения вилами это не имело никакого отношения. Моя защита была отнюдь не

рассчитана на вилы, поэтому после первого же скрещения «клинков» те сцепились зубьями намертво и не пожелали разделяться.

— А ну-ка прекратить! Я чему вас учил? — Литард подскочил к нам. Пара резких движений, и вилы разделились. — Данмар, атакуй!

— Я не могу, — ответил парень, которому вернули грозное оружие.

— Атакуй, как можешь.

Данмар пожал плечами, перехватил трезубец и снова стал махать им, как мечом. Парочку замахов преподаватель проигнорировал, а потом выдал неожиданно резкий и какой-то несуразный рывок. Вилы вылетели из рук Данмара, а в следующую секунду аладар был заколот вилами.

— Теперь видели превосходство техники владения трезубцем над техникой меча, когда сражаться приходится на трезубцах? — грозно спросил он. — И чтобы мне больше никаких игрушек! Все учатся владеть трезубцами! Вам еще из него стрелять учиться!

Ага, стрелять из грабель! И какой умник придумал это?

Тадыцк!

— А-ё!

— Шелгэ, кто тебе разрешил стрелять!

— Извините, я случайно. Задумалась, — покаялась я. — Извини, Данмар.

Парень посмотрел на меня крайне недружелюбно. Н-да, в принципе, я его убила, ибо попала в грудь. Данмар заскрежетал зубами. Я ему что, правда ребра сломала?

— Эй, ты цел? — я поскорее подошла поближе.

— Цел! А ты в курсе, что нужно мощность убавлять? Или ты всерьез задалась целью сломать мне ребра?

— Да нет, я случайно. Просто подумала про стрельбу, а эти грабли взяли и выстрелили.

— Это не грабли — это трезубец! — наверное, уже в сотый раз поправил преподаватель Моад, но мы все упорно называли сие грозное оружие в лучшем случае «вилы», в худшем — «грабли». — Так, меняемся. Шелгэ с Эрэтом, Данмар с Марком.

— О, Эр, сочувствую. Береги ребра, — сказал Дан Эрэту.

— А ты — руки. Мне Марк уже столько синяков понаставил.

— Так, встали в круг, все встали, нечего смотреть со стороны. Бесполезно! Ен, каждый в свой круг, а не все в один! — кричал Литард. — Три, два, один, поехали!

Эрэт попытался меня заколоть, я увернулась и неуклюже ткнула его вилами в бок, попала к своему и его удивлению.

— Ты сегодня всем ребра ломаешь?

— Нет, только желающим, — пробормотала я. — Блин, не понимаю, как этим можно вообще драться!

Я снова взмахнула вилами, Эр парировал, вилы сцепились.

— Это что же, противники тоже всегда останавливаются, чтобы это грозно-бесполезное оружие расцепить? — я заскрежетала зубами, вилы согласно заскрипели, не желая разделяться.

— Дай-ка мне, — Эр забрал у меня грабли и попытался из расцепить. Те не поддавались.

— Это заговор! — усмехнулась я.

Эрэт дернул трезубцы в разные стороны и те с жутким визгом разделились. У моего был погнут правый зубец, у его — левый.

— Это судьба, — расхохоталась я. — Точнее, не судьба!

— О-о-о, — простонал профессор Моад. — Так, все закончили урок. Для трезубцев вы уже стартованы. Буду учить владеть ими курсе на втором, пока техника владения рубяще-режущим оружием не врезалась в память так сильно, — сдался преподаватель. — Сдаем оружие, на следующий урок приносим переносящие силу кастеты.

— УРА-а-а-а-а-а! — разнеслось по всему залу.

— О да, это вы любите, — усмехнулся преподаватель.

— Ну что, сдала философию? — спросил Ива, когда мы с ним ехали домой.

Вообще расписание у нас с ним почти не совпадало, но из-за отмены сегодняшнего второго занятия по вилам я освободилась на пару раньше.

— Сдала — это громко сказано! Скорее, кинула на стол преподу и выбежала из класса, — усмехнулась я. — А то еще спросит что-нибудь.

— Да что там сложного?

— А что сложного в математике? — вопросом на вопрос ответила я. — Ты, кстати, типовик сдал? — ну да, мстить не хорошо.

— Нет, — насупился Ива.

— Как это? — удивилась я.

Парень молчал.

— Ив!

— Да не смог я ей объяснить последние три уравнения! — вспылил аладар.

— Это ты для этого вчера сказал мне, что их понял, и мне пояснять их не надо?

— Нет, просто меня Сено ждал.

Я промолчала. А что тут скажешь?

— Ты мне сегодня объяснишь? — понуро спросил Ива.

— Тебе сегодня тоже к Сену надо, — напомнила я, слышавшая его вчерашний разговор с другом.

— Эх…

— Доставай, сейчас объясню.

Ива поскорее достал тетрадь и стал изображать, что вникает в суть вопроса. Впрочем, я не сильно обольщалась и объясняла все досконально.

— Понятно? — я захлопнула тетрадку и поднялась с сидения.

Ива сосредоточенно уставился на обложку, где было выведено его имя.

— На! Не спи, мы уже приехали! — усмехнулась я, потрясся тетрадкой у него перед носом. Н-да, видимо, так быстро вскакивать нельзя!

— Если честно, я ничего не понял, — вздохнув, признался Ива.

— Хоть условие-то понял? — наученная горьким опытом, спросила я.

— Да, единственное, что я понял.

— И то хлеб. Придется тебе отложить визит к Сену.

Ива горько вздохнул.

— Ну извини, я вместо тебя сдать не могу!

Я с комфортом устроилась на диване, приготовив кипу листков. Ива привычно сел на пол.

— Как думаешь, долго мы будем разбираться? — спросил парень.

— Это от тебя зависит.

— Хех, ну зачем мне эта математика?

— Ну, зачем мне эта философия?

— Ну, сравнила. Философия — это интересно, а математика…

— Это тоже интересно!

— Не-э-э-эт, — рьяно замотал головой Ива, побился лбом об диван. — Ладно, что там с этим уравнением?

Я взяла первый листок и принялась расписывать решение первого уравнения.

— Все, больше ничего в этом уравнении нет! — я отчеркнула листок. — Смотри, что непонятно.

Я протянула ему листок, Ива с умным видом стал его осматривать. Я от нечего делать подцепила белую прядку, лежащую рядом со мной на диване, и стала заплетать косичку. Увлеклась!

— Шелгэ? Шелг! Эй, ты что там делаешь? — Ива всполошился, повернул голову, пытаясь увидеть, что я плету, и

вырвал пряди из моих рук. — Что это?

Ива ощупал три сплетенные мной тонкие косички.

— Косички. Ты тоже про такие не слышал?

— Нет. Интересно!

— Не теребли, а то расплетутся.

— А что, закрепить нельзя?

— Можно. Надо или маленькие заколочки, или просто нитки.

Ива принес мне моток тонкого черного шнурка.

— На белых волосах это будет хорошо видно, — усмехнулась я, доплела косы и закрепила. Парень тут же убежал смотреться в зеркало.

— А как ты их плетешь? Так необычно смотрится.

— Да руками. Смотри, — я сплела из шнурка косичку.

— Здорово! А таких косичек можно много наплести?

— Можно. В Арии обычно всю голову так заплетают. Практично, не надо ни укладывать, ни причесывать. Вымыл, и все.

— А ты можешь мне заплести?

— Могу, конечно, но зачем тебе это? — расхохоталась я.

— Ну, прикольно. Да хочется просто!

— Не, это тебе не пойдет, — покачала я головой, все еще смеясь. Шуточное ли дело — аладар с кучей косичек?

— Откуда ты знаешь?

— Да просто мало кому идет. Если хочешь, я тебе заплету, сам увидишь.

— Хочу.

— Садись.

Я снова усадила аладара на пол, а сама уселась на диван. Тщательно расчесав волосы, я взялась за плетение. Хорошо, что у Ивы еще волосы не такие длинные, как у Лехо, а то бы до утра плела! Ива спокойно сидел, не крутя головой, не порываясь куда-то идти, как будто всегда был моделью у парикмахера. Одно удовольствие косички плести!

— Ты еще жив? — спросила я после пятнадцати минут тишины и неподвижности.

— Да, а что? — спросил Ива.

— Надо, чтобы помер!

Тишина повисла гробовая.

— Просто Лехо, пока я ему косу плела, хоть бы мурлыканьем подавал признаки жизни.

Ива усмехнулся, слегка покачав головой.

— Нет, серьезно. Ты бы хоть помурлыкал, что ли, а то вообще никаких признаков жизни. Или все же прическа не располагает к мурлыканию?

— Да нет, я просто сдерживаюсь.

— Хм, а Лехо сказал, что по заказу мурлыкать нельзя.

— Ну да, по заказу мурлыкать нельзя, а не мурлыкать при желании можно, — пожал плечами аладар.

— А зачем? — удивилась я. Действительно, почему нужно сдерживаться?

— Да по разному, кому как хочется.

— Ну, хоть расскажи тогда что-нибудь. А то тишина мне эта не нравится.

— А что рассказать?

— Ну, у вас практика тоже была, что вы там делали?

— Да ничего особенного. Суд был. Разбирали дело о лишении родительских прав, но мы дело выиграли. Так что права остались у матери, — ответил Ива.

— А что за дело-то было?

— Да там необычный случай, — начал Ива, чем больше он говорил, тем явственнее слышались рокочущие нотки в голосе. Ну вот, хоть убей, не понимаю, почему бы не мурлыкать, если хочется. Если бы я умела, то точно бы не стала ставить себе никаких ограничений! Похоже, говорить и мурлыкать вполне можно, а вот говорить и не мурлыкать, когда очень хочется, сложнее.

Я полировала скользкую саблю, когда в комнату забежал Лехо.

— Шелгэ, как ты это плела! — с порога воскликнул он.

Я вскинула на него глаза, хрюкнула и выронила саблю. Та слабо звякнула и уехала к ногам Лехо, в миллиметре затормозив гардой, которая с силой трения дружила, как и любой другой предмет, кроме клинка этой сабли.

— Стоп! — воскликнула я. — Зависни!

Я подорвалась с места, подобрала саблю и поскорее сунула ее в ножны, скрепив их с гардой.

— Все отвисни!

— Шелгэ, как ты это плела? — повторно спросил Лехо.

Я бросила на него еще один взгляд и снова расхохоталась.

— Я плела руками, а чем плёл ты, я не знаю! — еле выговорила я.

В жизни еще не видела такой лохматой и кривой косы из толком не причесанных или сильно запутанных в процессе заплетания волос. Мне казалось, ТАК заплести в принципе нельзя. Но с чем не справится толпа арийцев, справился один аладар!

— Шелгэ! — пропищал Лехо.

— Иди сюда, — поманила я его к себе. — Давай расческу,

нет, пореже. Мне твои художества теперь долго раздирать.

— Раздирать? — было усевшийся аладар подскочил на месте.

— А ты как думал? Такого наплести — это надо уметь! Что ты с ними делал, что так запутал?

— Да ничего я с ними не делал!

— А кто же делал? Ива, что ли, расстарался?

— Ива? Нет, я сам. Но я…

— Запутал ты свои волосы основательно, садись и терпи. Буду распутывать!

Мальчик сел и понурился.

— А вот голову лучше держи ровно, если тебе уши дороги, — посоветовала я, мальчик тут же выпрямился.

Расческу я впрочем, пока отложила и стала распутывать пряди руками. Лехо мужественно терпел, изредка порывисто втягивая воздух.

— Уй! — пискнул мальчик, когда я дернула за прядь слишком сильно.

— Радуйся, что еще выстригать не надо. И как ты умудрился такое сотворить? Ведь на волосах даже лака нет!

— Ай… — горько и обречено сказал Лехо.

— Верю, а что делать?

Я, наконец, вооружилась расческой и стала раздирать уже развязанные, но все еще спутанные пряди. Волосы поддавались с трудом, но я думала, что будет хуже. Все же волосы у аладаров на редкость не путающиеся. Что он с ними сделал?

— Лехо, расскажи все-таки, как ты до такой жизни дошел.

Мальчик косо на меня посмотрел, тяжело вздохнул и признался.

— Я шампуни перепутал, потом спать лег, а утром решил косичку сплести, ну как ты мне плела, а вышло вот что.

— Н-да, весело. И чем же ты голову намыл?

— А я случайно из какой-то синей баночки жидкостью попользовался.

Расческа вывалилась из моих рук, а челюсть громко стукнула об пол. Нет, к счастью, челюсть осталась при мне, это расческа так звякнула.

— Это же… это же… шампунь для хвоста! Я его в ванной вчера забыла. Им же голову мыть вообще противопоказано! Волосы после него пушистые, мягкие и не нуждаются в дополнительной фиксации, но это на хвосте, а не на голове!

— Ну да, утром волосы были мягкие, пушистые и каменные, причем застывшие в той позе, в какой и спали, — еще горше вздохнул Лехо.

— Горе ты мое недомытое! На, иди вот этим вымой, волосы

нормальные будут, но больше из моих баночек ничем не пользуйся. У аладаров и арийцев волосы разные!

— И хвоста нет.

— Как у тебя уши в трубочку от средства для хвостов не свернулись!

— Так я уши шампунем не мою!

Я озадачилась. Как можно вымыть волосы, не намочив уши? Впрочем, наверное, аладары как-то приспособились.

— Иди, потом придешь, я тебя посушу.

Ожидая ненормального аладара, я села снова к сабле. Нет, ну надо додуматься, средством для хвостов голову мыть? Лехо вернулся довольно быстро с мокрыми, но вполне нормальными волосами.

— А что это такое? Волосы сразу такими мягкими стали, — спросил он, возвращая мне мой шампунь.

— Ну, еще бы! Если бы уж тебе это средство не помогло, то твои волосы бы уже ничего не спасло, — усмехнулась я. — Это мой шампунь для придания волосам хоть как-то послушности. Для твоих волос это должно быть убойное средство.

— Эх, надо себе такой же купить.

— С ума, что ли, сошел? Тебе нельзя таким волосы мыть, они вылезут все!

— Как это? — Лехо схватился за мокрые пряди.

— А вот так.

— Но я же вымыл, и все на месте.

— То один раз, да и после средства для хвоста опасаться было уже нечего. А если мыть постоянно, то вылезут.

— Но у тебя же не вылезают.

— А ты волосы мои потрогай! Такие даже маргиевой кислотой не возьмешь! Все равно будут лежать, как им вздумается!

Лехо послушно пропустил мои волосы между пальцами.

— Такие жесткие и густые.

— И это после вот этого убойного средства, да еще с кучей всяких средств для укладки. Даже чуть-чуть реже не стали, и как прутья!

— Вот это да!

— Это из-за пигмента. Вот такие они, синие волосы! Садись, сушить буду.

Я быстро нашла фен, поставила минимальную скорость и температуру и вооружилась расческой. Одно применение, и волосы как шелк! Ну почему на мои волосы так не действует?

Лехо немного посидел, изучая фен и свои волосы (видимо, проверял, не выпадают ли) и успокоился. Через пару минут я

услышала, а скорее, почувствовала, ибо фен все же шумел прилично, мурлыкание.

— Ты сильно-то не расслабляйся и за ушами следи. Я, конечно, постараюсь осторожнее, но все же могу и забыть. У меня-то уши обычные, — сказала я ему.

Лехо кивнул и предусмотрительно прижал уши к голове. Ну да между двух зол «расческа» и «фен» предпочтительнее выбрать частый гребень, чем горячий воздух.

— Слушай, а ты можешь не мурлыкать, если захочешь? — неожиданно вспомнила я.

— Могу, но это все же трудновато, — ответил Лехо.

— То есть проще мурлыкать, если есть желание, чем сдерживаться? — сделала вывод я.

— Нет. Можно в принципе легко и не мурлыкать, только зачем?

— Да я тоже не поняла, — пожала я печами.

— А это ты про кого? — оживился Лехо.

— Да про Иву.

— А что он? — заинтересовался Лехо.

— А ты видел, сколько у него косичек на голове?

— Это ты все плела?

— Я, кто же еще? Я пока плела, даже испугалась, не помер ли он. Сидит неподвижно, и тишина! — сказала я.

Лехо расхохотался, видимо, прекрасно представив себе эту картину.

— Тут я и выяснила, что вполне можно и не мурлыкать даже при желании, особенно если еще и молчать.

Лехо расхохотался еще пуще.

— Нет, а чего ты смеешься?

— Пытаюсь себе это представить. Получается плохо, — я снова услышала этот странный хриплый и какой-то утробный голос, только гораздо больше похожий на мурлыкание, чем до того в исполнении Ивы. — Нет, у меня не получается!

А, так это он попробовал говорить, не мурлыкая!

— Н-да. Ну и на фига это надо? Что мешает спокойно мурлыкать, если хочется? — возмутилась я.

— Ну не всегда же можно.

— В смысле? А кто запретил?

— Как бы тебе объяснить, чтобы ты поняла. Ну, вот допустим, ты пришла на похороны и улыбаешься во весь рот. Разве это нормально? Так делать нельзя!

— Ну тут и мурлыкать будет неуместно. Но что мешает в компании друзей, или сидя в той же парикмахерской!

— Ну, с парикмахерской проблем нет, да и массажным

кабинетом и прочими такими же услугами, а вот с компанией есть.

— А с компанией какие? — еще больше поразилась я.

— Ну, понимаешь, массаж — это общепринятое место развлечения и расслабления, а вот в школе там, или в университете, это уже нельзя. Не принято.

— Почему?

— Ну, я не знаю, как объяснить, не принято и все.

— Ладно, в общественных местах не принято, а дома что мешает?

— Ничего, — развел руками Лехо, который все это время продолжал мурлыкать.

— Ну тебе-то точно ничего! — я почесала аладара за ухом.

Лехо согласно мурлыкнул.

— А вообще, конечно, между людьми должны быть соответственные отношения. Ну родственные там, любовные или еще какие.

— А-а, вон оно что! — до меня наконец дошло, когда и почему мурлычут аладары, и почему в Ненолене я не слышала мурлыкания ни от кого. — А я тебе кто, родственница, любимая или еще кто?

— Еще кто-нибудь, — смутился Лехо, переставая мурлыкать.

— Да ладно, ахтран! Смотри, что получилось.

Я переложила ему все волосы на одно плечо.

— Прямые… — не то спросил, не то удивился Лехо. — Прямые!

Аладар уставился в зеркало, как будто видел себя в нем впервые. Я, вооруженная расческой и феном, выпрямила мальчику волосы, так что теперь они свешивались порядком ниже пояса. А что с ними с такими пушистыми и послушными еще сделать? Все равно ничего другое держаться не будет.

— Вот это да! — восхитился Лехо. — У меня в жизни ничего подобного не было.

— И не будет, только больше не мой голову моими шампунями, — ответила я. — Ну что? Косу заплетать, или так оставить?

— Оставь! У меня же прямых никогда не было.

— Ой, да ничего особенного. У меня вот только прямые и больше никакие.

— Так это у тебя, а у меня же всю жизнь кудри. Я потому и отрастил длинные, что если волосы короткие, то они вообще жутко завиваются. Так хоть более менее нормально, а если до лопаток отстричь, то я на барана буду похож.

Я представила себе это и расхохоталась.

— А о средствах для укладки ты не слышал? — усмехнулась я. — Из твоих волос можно сделать все, что угодно.

— Слышал, но дома у нас их нет. Маме нравятся кудрявые волосы, она с ними ничего не делает, — покачал головой Лехо.

— О, ну теперь у вас дома есть я и мои средства для ухода за хвостом, — хихикнула я, — и за ними нужен глаз да глаз!

— Я не буду больше, — пообещал Лехо. — Ну, постараюсь не путать.

— А ты вспоминай почаще, что у тебя с волосами от шампуня для хвоста стало, и точно не перепутаешь!

Мы с Лехо расхохотались.

— А вы что тут смеетесь? — в комнату зашел Ива.

Беглый взгляд на него и мы с Лехо синхронно съехали на пол, хватаясь за животы.

— Что-то не так?

— А ты на себя в зеркало смотрел? — пискнул Лехо.

— Нет, а что?

Ива обеспокоено подошел к моему зеркалу, пытливо взглянул в его глубины и остолбенел. Ну да, Лехо волосы я выпрямила, а Ива расплел косички и стал теперь пушистым-пушистым, мелко завитым бараном.

— Вы… вы сегодня поменялись… прическами! — смеялась я, не в силах подняться с пола.

— А с тобой что приключилось? Утюгом погладили? — спросил Ива, придя в себя.

— Хуже! — ответил Лехо и рассказал историю про свои волосы.

Теперь мы хохотали втроем.

Я соскочила с энергички и зашагала домой. Практика по переносящим силу кастетами прошла самым наилучшим образом, оставив мне на память всего пару синяков, которые я даже поленилась идти залечивать. Сами через пару дней пройдут. Не успела я свернуть за угол, как на меня из-за него же выскочил всклокоченный аладар.

— Извините…

— Лехо? — я поймала аладара за руку. — Ты чего?

— Шелгэ? — Лехо развернулся и уставился на меня перепуганными глазами.

— Что случилось?

— Н-ничего…

— Из-за ничего сломя голову не несутся.

— Да… я…

Неожиданно глаза маленького аладара наполнились слезами,

и он зарыдал.

— Эй! Да ты что? Что случилось? — я встряхнула Лехо за плечи, но добилась только усиления потока слез.

Вздохнув, я обняла мальчика и стала расспрашивать. Из сбивчивых объяснений стало понятно, что мальчик нарвался на какую-то местную группировку, которая мало того, что отбирает деньги, так еще и унижает и издевается над самим аладаром. Причем делает это уже явно не в первый раз, и уже изрядно надоела бедному Лехо. Однако никакие варианты противодействия, которые придумал мальчик, не помогли.

— Пошли, покажешь мне их, — сказала я, наконец, решительно.

— Шелгэ, не надо, — встрепенулся Лехо, вцепившись мне в рукав.

— А тебе что, сильно нравится такое обращение?

— Шелгэ…

— Перестань. Ничего не будет, я просто посмотрю и оценю обстановку. Идем, — я взяла его за руку и потянула за собой.

Лехо покорно пошел следом, а потом и повел какими-то хитрыми закоулками.

— Слушай, это ты все время по таким подворотням лазишь? — не выдержала я.

— Да здесь все нормально, если бы не эти.

— А ты не пробовал ходить по главным улицам?

— А какая разница. Не по дороге, так в школе достанут, — философски пожал плечами Лехо. — Так хоть перед другими не позориться.

Я нахмурилась. Что же это за группировка такая, которая и на улице, и в школе, и чуть ли не у собственного подъезда?

— Ну, вот тут обычно я с ними встречаюсь, — Лехо махнул в сторону короткого коридора между забором и торцом дома. Хорошо — нет ни окон, ни прохожих, и зажать аладара удобно.

— Н-да, не весело, — вздохнула я.

— Но их нет, пошли, и не говори, пожалуйста, ничего маме.

— Ну, хоть Иве-то можно?

Тут из-за забора в проход перемахнули четверо парней. Ага, интересная компания. Так, эти двое — еще недоросли, им хватит одного пинка, вот эти посложнее, но тоже обхитрить не составит труда. Только ведь это пешки.

— Эти? — спросила я.

— Да. Шелгэ, пошли отсюда.

— Что, мелкий, мало стало, еще и подружку привел? — гоготнул один из парней.

— Да нет, многовато. Решил вот вернуть обратно, да еще и с

процентами, а то как-то нерентабельно отдавать в беспроцентный кредит в порядке бессрочного договора, — за Лехо ответила я. Н-да, общение с Ивой не проходит даром, таких слов понахваталась!

— Чего ты там сказала? — вяло поинтересовался совсем уж обтрепанный парень.

— Что с ушами проблемы?

— Я щас те покажу с ушами! Хвостатая!

Ну откуда же им знать, что слово «хвостатая» — это чуть ли не самый изысканный комплимент арийке?

— Рада, что ты так высоко оценил мои внешние данные, но раз не с ушами проблемы, то с мозгами-то уж точно есть.

— Тебе чего тут вообще надо? — снова взял инициативу в свои руки первый парень.

— Восстанавливаю социальную справедливость.

— Чего?

Н-да с мозгами у них точно полный беспорядок и анархия.

— Ишь как заговорила. А не пошла бы ты… со своими мудреными фразами!

Я выдала парочку незамысловатых фраз для разогрева и выражения своих эмоций, и дальше заговорила чисто деловым языком подворотен, четко и внятно излагая все свои пожелания.

— Так понятно?

Челюсть отвисла не только у рэкетиров, но и у Лехо. Ну да, много я чего выучила за время пребывания в Олеа.

— Ну все, хвостатая, ты нарвалась.

— Значит так, с… я разговаривать не буду. Ну-ка главного мне сюда, — я решила, что конфетно-букетный период пора завершать и переходить к телу.

— А больше тебе ничего не надо?

Самый обшарпанный сделал ко мне шаг, еще один, и тут же повалился на землю, не в силах не вдохнуть, не выдохнуть.

— Главного, я сказала! — рявкнула я.

— Я главный, чего надо? Жить надоело?

Из-за забора на землю спрыгнул еще один бандит. Абсолютно лысый, без бровей и ресниц, в черной блестящей одежде с множеством побрякушек он выглядел страшновато для аладаров. Наверное, потому, что сам он аладаром не был. По крайней мере, уши было вполне себе не на макушке, а где им и положено быть у людей, но и нос у него был обычный, и ногти на руках при рассмотрении оказались человеческими. Ариец? А где хвост?

— Да нет, скорее, наоборот.

— А чего тогда приперлась? Пшла вон, пока я добрый.

— Ха, добрый он, — хмыкнула я. — В общем, так: вы оставляете вот этого мальчика в покое, и я ухожу спокойно и

мирно.

Ариец расхохотался, похрюкивая.

— Вы… вы это слышали? Она уходит с миром! — не унимался он. — А вот теперь послушай меня!

Вся его дальнейшая речь сводилась к простому посылу далеко и глубоко и посулам придать нужное ускорение.

— Бесхвостый, — тихо прошипела я.

— Что? — ариец сам оборвал себя на полуслове.

— Бесхвостый, — пренебрежительно бросила я.

Тот вскипел мгновенно и, не раздумывая, бросился на меня. Впрочем, я уже отскочила.

— Стой там и даже близко не подходи! — гаркнула я на Лехо, выхватила из-за пояса кастеты и со всей силы ударила бесхвостому в живот.

Тот увернулся, и удар получился смазанным и цели не достиг, зато дал мне время сгруппироваться.

— Ах ты…

Я ответила ему пространной фразой на арийском и без перехода засадила кастетом в челюсть. Ариец отшатнулся и тут же ответил мне ударом. Впрочем, меньше часа тому назад я уже на столько всяких ударов насмотрелась — и более профессиональных и более сильных, так что без труда приняла его на кастет, который тут же возвратил всю силу. Послышался хруст ломаемых костей, и ариец взвыл. Так, минус правая рука. Отскок и удар с разворота, точный удар в голову и завершающий под дых. Ариец распластался на земле.

— Слушай сюда. Еще раз хоть краем уха услышу, что ты и твои дружки пристают вот к этому мальчику — убью! — сказала я по-арийски. — И можешь не рассчитывать на численное превосходство. Если тебе что-то говорит фраза «боевое отделение», то ты поймешь, почему. В общем, это было первое и последнее предупреждение.

Я убрала ногу с поверженного врага и выпрямилась.

— Сзади! — завопил Лехо.

Резкий подскок, кувырок через себя, и я приземлилась точно на плечи аладара, стоящего за мой спиной. Тот не устоял и упал, меня впрочем, на его плечах уже не было, второй незадачливый нападающий упал на землю парой секунд позднее без сознания. Ну да, моя сила, да еще и его сила, да все это по затылку. Крепкий у него череп.

— Есть еще желающие? — резко спросила я на арийском, а затем и на олеанском. Желающих, как и ожидалось, не оказалось. — Пошли.

Я взяла Лехо за локоть и повела прочь от места драки.

— Шелгэ… — тихо-тихо позвал Лехо, когда мы уже почти дошли до дома.

— Что?

— У тебя кровь…

— Где? — удивилась я. Не помню, чтобы меня кто-то задел.

— На лице.

Я быстро достала зеркало и увидела кровоточащую царапину на щеке.

— Надо же, задел все-таки, — безразлично сказала я. — Надо больше работать над защитой лица. Я вытащила бутылек с мазью, зачерпнула оттуда пальцем прозрачный крем и щедро мазнула на царапину. Защипало нещадно, зато и царапина исчезла почти мгновенно. Стерев остатки мази и слезы платком, я все снова спрятала в сумку.

— Ну что, теперь порядок? — спросила я.

— Да, — кивнул мальчик. — Шелгэ…

— Что?

— Спасибо…

— Да, думаю, здесь есть за что. Но лучше бы ты сразу сказал. Это мелкое хулиганье понимает только силу.

— Угу, — согласился Лехо, понурив голову. — Но как ты их!

— Ага, вот именно как. Из них из всех только ариец драться умел, а остальные… Это не победа, это надругательство над настоящим боем.

— Но все равно… Ты так здорово дерешься! Я так никогда не научусь. У меня просто не получится.

— Ну, подпрыгивать на три метра в высоту ты точно не сможешь, но держать удар и атаковать ты вполне сможешь и лучше. Я все же больше по холодному оружию спец, а не в кулачных боях.

— Нет, ты все равно… в общем, я бы без тебя не справился.

— Ты только маме не говори.

— Ну, хоть Иве-то можно?

— Можно, Иве можно, — я приобняла мальчика, и мы, наконец, зашли домой.

— Ты набила морды местной шпане за Лехо?

Я даже уже привыкла, что Ива всегда появляется в комнате неожиданно, и не подскочила на пол метра.

— Да, — кивнула я. — Зависни!

Парень удивленно захлопал глазами.

— И не надо так громко об этом говорить, а лучше вообще не надо. Драться там было не с кем, но они, к сожалению, кроме кулаков, больше ничего не понимают. Так что хватит об этом.

— Но почему он тебе рассказал, а мне — нет? — с какой-то детской обидой спросил Ива, плюхаясь на диван и мой хвост.

— Ш-ш-ш-ш, встань! — зашипела я.

Ива ошалело смотрел на меня.

— Да встань же!

Аладар поднялся, я выдернула из-под него хвост и, положив его на колени, принялась наглаживать, бормоча по-арийски, какие же аладары тормоза.

— Я, конечно, понимаю, что глаз на одном месте нет, но нужно же ДУМАТЬ, куда садишься!

— Извини, — искренне покаялся Ива, прижав уши. Да ему-то что беспокоиться. Ему на уши точно никто не сядет.

— А не сказал он тебе, потому что ты не спрашивал.

— А откуда я знал?

— Вот и я не знала, пока он не попался мне по дороге и не разревелся.

— Так я его тоже не встречал. Погоди…

Аладар выпал в астрал.

— Что-то я ничего не понял.

— Да я и не надеялась. Ладно, говоря простым арий… олеанским языком, если бы я его не встретила сегодня, то тоже бы ничего не знала.

— Понятно. Кстати, про язык. Лехо сказал, что ты очень преуспела в изучении олеанского…

— Нецензурного языка, — закончила я за Иву.

— Откуда?

— Ой, да чего только не наслушаешься от с виду такого интеллигентного противника, когда со всего размаха ткнешь его вилами в бок. Или, еще хуже, выстрелишь этими граблями ему в грудь.

— Грабли не стреляют!

— Еще как стреляют! Правда, это не грабли и даже не вилы, это боевые трезубцы.

— Вот здорово!

— Такая скучища!

Ива пару раз моргнул и расхохотался, а потом и закашлялся.

— Эй, ты чего?

— Кхе-кхе-хе… гм… кхе-кхе-кхе! — принялся кашлять Ива с новой силой, вскочил с дивана и рванул из комнаты, снеся по дороге диванную подушку и врезавшись в косяк.

Слава богу, здесь косяки крепкие, у нас бы дома он бы точно его выворотил. Впрочем, далеко он не убежал, всего лишь до кухни, где схватил бутылку с минеральной водой и принялся жадно пить. Я понаблюдала немного за этой картиной и

решительно спросила.

— Ты что, заболел?

— Ага, — оторвавшись от бутылки сказал Ива. — Вчера еще. Теперь периодически такой жуткий кашель.

— Лечить надо.

— Да я лечусь, только пока не особенно много пользы, от воды вот и то больше, — пожал плечами Ива и примерился выпить еще немного воды, чтобы окончательно подавить кашель.

— Ну да, если бы ты не путал микстуру от кашля с валерьянкой…

Ива так и застыл с бутылкой, не донеся ее до рта. Из нее полилась вода.

— Нет, ну что ты зря воду переводишь? Ты хоть повыше бутылку подними.

Ива на автомате поднял руку, вода полилась аладару на голову.

— Умничка, лучше не придумаешь! — расхохоталась я.

Ива опомнился, когда в бутылке осталось воды на пару глотков, сказал что-то невнятное по-олеански (я еще таких выражений не слышала) и допил ее. Однако кашель был коварен. Как только вода кончилась, приступ начался вновь.

— Из следующей тоже сначала умоешься? — спросила я, когда Ива схватил со стола вторую бутылку.

Ива поперхнулся, но все же справился с собой и стал снова пить. Я расхохоталась.

— Чего ты смеешься? — спросил он.

— Ты не поверишь…

— А ты скажи, может, поверю.

— Я лучше покажу!

Хихикнув, я резко нажала на бутылку, которую аладар все еще держал в руках. Фонтан минеральной воды ударил в лицо аладару.

— Га-а-а, фпру, фр… Ты над этим смеялась?

— Минеральная водичка полезна! — хихикнула я и со всех ног рванула в комнату, заметив хищный блеск в глазах Ивы. — Лехо, спаси меня от своего ненормального брата! — воскликнула я, пробегая мимо младшего аладара, который шел на кухню, чтобы посмотреть, как там мы с Ивой сходим с ума.

— Сумасшедший дом, — сказал Лехо, когда мимо него пробежал еще и Ива с бутылкой наперевес.

Я выскочила на балкон и притаилась рядом с дверью. Воинствующий Ива выбежал на балкон и закрутил головой в поисках меня. Я же с жутким смехом проскользнула за его спиной и убежала в другую комнату. Ива развернулся следом за мной, но я успела уже спрятаться. Так мы с ним и бегали около четверти часа.

— Ну что, всю воду разлил, или еще осталось? — спросила я, когда он все же настиг меня на балконе.

Торжество с Ивиного лица медленно сползло. Воды в бутылке было снова глотка на два.

— Может, допьешь? — сочувственно предложила я.

— Блин, это последняя, чем я кашель глушить буду?

— Из-под крана попьешь.

— Холодная.

— Так нальешь в бутылку, и пусть греется. Нет, не мне на голову ее выльешь, а пить будешь.

— Блин, и зачем я минералку разлил? Надо было из графина поливать!

— Ага, еще и его разбить. Ты сколько раз бутылкой задел по косяку?

— Рукой больше…

— Рукой больше, рукой меньше. Тебе, похоже, особенной разницы нет, раз ты даже чужие хвосты не ценишь.

— Шелгэ! — воскликнул Ива. Последний два глотка не пошли ему в прок.

— Что?

— Ну что ты за человек такой?

— Я - арийка! — гордо сказала я и, хихикнув, добавила. — А ты — аладар!

Махнув хвостом, я исчезла с балкона. Когда до него дойдет, что это был наезд на его территорию, я уже буду в парке! Потом, правда, я узнала, что Ива еще долго искал меня в квартире, пока Лехо ему не сказала, что я ушла в парк. Пройдя под сенью раскидистых деревьев, я выбрала фонтан. Для аладара здесь, наверное, было шумновато, но мне понравилось. Плеск воды, трели птиц. Благодать! Проигнорировав скамейку, я уселась прямо на бортик, где не доставали брызги, и стала разглядывать воду.

Поздняя осень, переходящая в зиму. У нас дома бы уже давно выпал снег, а здесь его еще не было. Интересно, почему? Вроде бы Олеа севернее Арии. Странная здесь погода. Вроде не так холодно, но руки стынут мгновенно. А перчатки дома забыла.

— Вот ты где, — обличительно ткнул в меня пальцем Ива.

Увидев его растрепанную, высохшую как попало шевелюру, я расхохоталась и чуть не упала в фонтан. Решив, что береженого боги берегут, я пересела на лавку и продолжила изредка хихикать над парнем.

— Все веселишься…

— Минералка была с веселящим газом вместо углекислого. Жаль, на тебя не подействовала, — хихикнула я. — Иди сюда.

Я стукнула по лавочке рядом с собой.

— С-с… холодно, — пробормотала я, потирая руку одна об другую. Жаль, Ива мне перчатки не захватил. — Что расскажешь?

Ива, присевший на лавочку, удивленно посмотрел на меня.

— В каком смысле?

— Да в прямом. Ив, не тормози, это выражение такое. Если есть что сказать, говори, если нет, молчи.

Аладар то ли замолчал, то ли завис. Впрочем, какая разница? Главное, что сказать нечего. Я усмехнулась и снова устремила свой взгляд на фонтан.

— Люблю фонтаны. У нас в Арии их так мало, а у вас тут так много. Так здорово.

— У нас тут их действительно полно. Я уже привык, — пожал плечами Ива.

— А я еще нет. Живая вода, — усмехнулась я.

— А что, бывает мертвая?

— Стоячая…

— В сливном бачке, что ли?

— Тьфу, ну ты сравнил, — я пихнула Иву в бок. — Я ему про тоску, а он мне про треску!

— Ну да, в сливном бачке жизнь бьет ключом, — согласился Ива.

— О-хо-хо-хо, — сокрушалась я. — А еще гуманитарий!

— Ладно-ладно. Что ты хочешь? Стихи Антенсалеа? Легенды Зимних Красот? Ленские сказки? А может, уголовный кодекс Олеа? — сдался и тут же предложил на выбор Ива.

— Так, все и по порядку, и желательно поподробнее. Сначала, кто такой Антенсалеа? Потом, какие легенды есть у зимних красот, какие сказки сочиняли Ленские, ну и под занавес что-нибудь про кодекс.

— Ты что, не знаешь, кто такой Антенсалеа? Это же самый известный олеанский поэт!

— Ни разу не слышала его стихов.

— Ну, слушай. Хотя, может, с биографии начать?

— А ты ее помнишь?

— Конечно, помню! Это каждый добропорядочный олеанец помнит!

— Тогда давай с биографии. Буду хоть знать, о ком речь!

— А тебе обязательно здесь сидеть? Тут такой фонтан шумный, видно, не поставили заглушающих экранов.

— Вообще-то я поэтому сюда и села. Мне нравится его шум. А тебе так мешает?

— Не то чтобы мешает, но я кроме него ничего не слышу. Непривычно.

— Ну и бог с ним. Меня, главное, слышишь, а остальное неважно.

— Тебя захочешь не слышать, услышишь, — хохотнул Ива.

— Вот и славно. Ты мне хотел про Антенсалеа рассказать.

Домой мы вернулись уже затемно, и первым делом наткнулись на Лехо.

— Я уж думал, вас там того! — выдохнул он.

— Скорее мы там кого-нибудь того, — усмехнулся Ива.

— А еще скорее друг друга! — уточнила я.

— О-о, я смотрю, вы уже навеселе, — со знанием дела сказал Лехо, гаденько улыбаясь.

— Где это? — удивился Ива.

— Да вот тут! — Лехо показал пальцем на глаза.

— Да ни в одном глазу! — тут же ответила я и

расхохоталась. — А сразу в двух!

Ива присоединился, Лехо удивленно хлопал глазами.

— Как там? Выход в свет сопровождался блеском глянца и румянцем танца! — изрекла я полюбившуюся строчку из стихотворения. — Но за нанесение тяжких телесных повреждений грозит немалый тюремный срок с отбыванием на рудниках!

— Мы воду купить забыли! — воскликнул Ива.

— Точно…

— Мама купила, — ответил Лехо.

— Хвала богам.

Кашель, видимо, только и ждал, чтобы о нем вспомнили, и Ива тут же убежал на кухню пить.

— Вы что, правда, пили? — ужаснулся Лехо.

— Да где? — усмехнулась я. — Мы просто хорошо посидели. Или тебе деценсейца для дознания поймать? Лехо, а у тебя бубенчик есть?

— Что? — опешил мальчик. — Бубенчик?

— Да штучка такая звенящая.

— Колокольчик?

— Тоже подойдет. Так есть?

— Был где-то, а зачем?

— А к хвосту хочу прицепить, что бы все слышали, где он и не наступали.

— А-а, сейчас.

Вскоре в руки мне лег маленький и очень звонкий колокольчик. Вот здорово. Ива точно оценит, когда услышит…

Так утро, утро! Пора вставать и идти на промысел. Этот соня еще спит! Я зажала колокольчик в руке и тихо вышла из комнаты. Лично по мне так тихо, но кто знает, что там для аладаров тихо, а что громко, так что я кралась со всеми возможными предосторожностями. Такими темпами я довольно долго добиралась до кровати Ивы. Мне повезло: он спал так, что ухо с сережкой было на свободе. Я затаила дыхание и стала прицеплять колокольчик к сережке. Вот если сейчас звякнет, то капут мне на этом самом месте! Ива зашевелился и повернулся, нет, только руку переложил. Господи, а я уж перепугалась. Так еще чуть-чуть. Щелк! Все прицепила. Теперь главное, чтобы раньше времени не зазвенел!

— Шелгэ… мркнямвр… идти… неравкр? — невнятно пробормотал Ива.

— Ага, — автоматические ответила я, не вдаваясь в подробности вопроса.

Ива едва заметно улыбнулся, пробормотал еще что-то

невнятное и продолжил спать. Я еле дошла до своей комнаты и там расхохоталась в подушку. Не дай бог, кто услышит. Подремав еще часок, я встала. Пора собираться, если я не хочу пропустить светопреставление. Я умылась, причесалась и осторожно заглянула к Иве.

— Завтракать! — позвала Танра.

Ива зевнул, потянулся и резко встал. Я зажала себе рот ладонью. Истошное дзынькание колокольчика было сильным даже для меня. Аладар шарахнулся, присел и заозирался, добавляя шума. Колокольчик мелодично звенел при каждом движении. Вот мазохист!

Я подорвалась с места и тут же плюхнулась на стул.

— Ай! — в спешке я забыла развернуть стул, что поспешила сделать, и снова уселась уже как надо.

— Что у нас тут? — спросил Энат, беря себе гренку. — О, клубничное варенье! А у Ивы что там такое звенит?

Я глубоко вдохнула и выдохнула.

— Что-то разбил, — предположила Танра.

— Ага, а теперь планомерно добивает.

Послушался характерный стук руки об косяк, а затем и более мягкий, видимо, задел бедром.

— Это что еще за мода? — возмутилась Танра, увидев колокольчик на ухе Ивы. Тот еще им исправно тряс, добавляя звука.

— Ну не нашел я штаны, задевал куда-то вечером, — развел он руками, плюхаясь на стул. Ой, это же я их случайно со стула уронила. — Господи, что же в голове так звенит!

— Это кто такой садист? — спросила Танра, глядя на нас с Лехо.

— Ну не я, — Лехо прижал уши к голове.

— Это минералочка, что ли, так звенит! Я же только ее вчера пил, — сокрушался Ива.

Я не выдержала и расхохоталась.

— У тебя ничего не звенит? — спросил Ива у меня, продолжа трясти ухом.

— Нет, — ответила я, поперхнувшись гренкой.

— Так, я позавтракаю по дороге, — Энат поспешно поднялся со стула и отбежал в прихожую, подальше от сына.

— Я тебя провожу, — прижимая уши к голове, сказала Танра и ушла следом, закрыв за собой поплотнее дверь.

— Господи, да что же так звенит? — Ива тряхнул головой и поскорее втянул ее в плечи.

Теперь расхохотался и Лехо.

— О-о-о-о, — простонал бедный парень и схватился за голову.

Так, пора делать ноги.

— Все, я побежала! — сказала я, радостно допила остатки чая, схватила сумку со спинки стула и упорхнула в прихожую.

— Что это? КОЛОКОЛЬЧИК? — взревел Ива.

— Это не я, — тут же сказал Лехо.

— Да знаю!

Я мгновенно влезла в сапоги, схватила куртку и выскочила из дома.

— До вечера! — крикнула я напоследок.

— ШЕЛГЭ! — гаркнул Ива.

— Ты это… про штаны не забудь, а то в трусах на улицу… — предупредил Лехо, а я уже хлопнула подъездной дверью и понеслась к энергичке. Хоть бы она приехала, прежде чем Ива оденется.

«И открылся портал, и вышли все в астрал. С тех пор все аладары имеют туда доступ круглосуточно!»

Утро, как всегда, незаметно прокралось ко мне в комнату, так что я решила поскорее подняться, вот только еще пять минут… Я лениво пошевелила хвостом. Дзиньк-дзиньк! Это еще что такое? Я поднесла хвост поближе к глазам и увидела аккуратно привязанные к хвосту колокольчики в количестве трех штук. Я взмахнула хвостом, колокольчики зазвенели. Какая прелесть! Я постучала по ним пальцем, пару раз игриво прошлась по хвосту, как простая кошка, перевернулась на спину и снова забарабанила руками по воздуху. И что хорошего в этом риварцы находят, что у них постоянно над кроватью какие-то погремушки висят?

Дзиньк-дзиньк! Динь-динь-динь-динь-динь! Я вскочила с кровати.

— О-о-о, — простонал Ива, наблюдавший из-за двери за моим утренним открытием.

— Ива! Ива, ты просто супер! — я подлетела к нему, чмокнула в щеку и упорхнула в ванную. По окончании умывания — а это не меньше десяти, а то и пятнадцати минут — я застала аладара на прежнем месте. — А тебе сегодня в универ не надо?

— А? Что? — оттаял спящий красавец, хотя скорее все же зависший. — Надо…

Иву как ветром сдуло, причем из-за поспешности этот ветер чуть не унес его вместе с моим косяком. На славу их здесь делают. Я собралась и вышла к завтраку, позвякивая колокольчиками. Конечно, я их не сняла!

— Похоже, новая мода заразна, — констатировала Танра.

— Да вроде бы я брюки надеть не забыла, — усмехнулась я, разворачивая стул.

Ива вышел из ванной и плюхнулся на стул рядом. Как всегда, вовремя. Я позвенела у его уха колокольчиками.

— С-с-с-с, — он прижал уши к голове и заодно накрыл их руками.

— Так, я позавтракаю по дороге, — усмехнулся Энат.

— А я попозже, — поддержала его Танра и выскользнула в прихожую.

— А можно, я не буду завтракать? — Лехо закрыл уши руками и скривился.

— Все вопросы к Иве! — переадресовала я, уплетая кашу и не забывая подергивать хвостом.

— У-у-у-у! — взвился Ива и выскочил из кухни.

Я тут же положила хвост на колени, и колокольчики перестали звенеть.

— Фух, — Лехо перевел дыхание и выпрямился. — Жестоко ты с ним…

— Я с ним? Он сам мне эти колокольчики прицепил. А мне они нравятся очень!

— Ты собралась с ними в универ идти?

— Да я с удовольствием, но думаю, что не оценят. Вот если бы я была в Арии, — мечтательно протянула я. — Но зато я точно знаю, что нужно надеть, что бы от меня шарахались все аладары без исключения!

— Что?

— Ну, колокольчики же!

— А! Торможу что-то, — вздохнул Лехо. — Блин, теперь в ушах звенит. У меня-то вроде бы к ним колокольчики не прицеплены?

— Нет. Исправить?

— НЕ НАДО! — Лехо снова закрыл уши руками, видимо, опасаясь, что я вскочу и примусь прикручивать к ему ушам колокольчики прямо сейчас.

Вот уже и полгода пролетело одним днем. Не так уж тут и плохо в Олеа, да и семья мне досталась просто замечательная. Не соскучишься, хоть и тормоза, как и все аладары. Вот и последние пары, а завтра у аладаров какой-то праздник. То ли день независимости, то ли просто день Олеа. Надо у Ивы спросить. А на дворе зима, теперь уже, как и в Арии, со снегом, с вьюгами, фонтаны почти все замерзли, катки открываются. Благодать. Надо Иву будет вытащить покататься!

— Что будешь делать завтра? — спросил Лехо, когда я с чувством выполненного долга валялась на диване после утомительной последней тренировки.

— С утра выясню, что все же за праздник, а потом, наверное, поеду в столицу. А ты что?

— А я здесь буду, в смысле, в городе. Пойдем с друзьями в войнушку играть.

— Во что? — я даже голову подняла, чтобы посмотреть на Лехо.

— Ну, снег выпал, значит, ледовый парк откроют, а там такие крепости!

— Надо же, а я думала, в Олеа мальчишки в войнушки не играют, только на скрипках.

— Музыкальные дуэли у нас не редкость, — кивнул Лехо.

— А танцевальные?

— Мм… а это как?

— Ну, ваши музыкальные как проходят?

— Что-то типа конкурса. Играешь или поешь, а потом голосуешь за любого из противников.

— А-а, можно, конечно, и так, но у нас по-другому.

— А у вас как?

— Да включают музыку, все встают в круг и танцуют. Кто последний остался танцевать, тот и выиграл.

— Но это же долго ждать?

— Максимально, кажется, двое суток соревновались. Так ночью и засчитали, точнее, два победителя были.

— Двое суток? Танцевать? — Лехо аж на месте подскочил.

— А у них там еще и свой спор был. Кто выиграет, тому и девушка достанется.

— У вас что, вот так все просто: выиграл, и девушка твоя?

— Эх, просто. Двое суток танцевать, и не дрыгать ногами, как попало, в такт музыке, а качественно, — это совсем не просто.

— Да я не про то. Я имел в виду, что парни решили, посоревновались, и, пожалуйста, девушка досталась.

— А что? Нормально.

— И тебя так же кто-то выиграл, а потом ты еще с ним бы и встречалась?

— Если понравился, то да. А что такого? Нашим парням только дай повод. Танцевальные дуэли — это ерунда, чаще они дерутся.

— Н-да, — Лехо выпал в осадок. — А у нас девушка сама выбирает, с кем ей встречаться, и никто за нее не дерется. Кого выбрала, того и выбрала.

— Ага, у вас серенады под окном поют, чтобы понравиться, — рассмеялась я.

— Ну, поют.

— Я бы горшок нашему арийцу на хвост уронила, чтобы не

завывал под окнами, соседям спать не мешал. Хотя ваши-то, наверное, получше поют. А вообще фигня все это. Мужчины должны драться за женщин. Именно в драке видно, что стоит тот или иной претендент.

— А если драться не умеет?

— А на какой же мне такой вшивый парень? Хотя это, конечно, разнарядки на арийцев. На аладара, наверное, нужно слушать, как поет или играет. Только я в этом полный ноль. Если что, я тебе позову, ты послушаешь и скажешь, нормальный или глухой! Если только окажется глухим, то беру без разговоров! — рассмеялась я.

— Тебе что, глухие нравятся? — ужаснулся Лехо.

— А куда мне с особенно тонким слухом? Чтобы оглох рядом со мной?

— А, ну да! — Лехо припомнил колокольчики и рассмеялся.

— Так что лучше уж сразу глухой.

— Чем это глухой лучше? — в гостиную ввалился Ива, по дороге задев косяк. Да что он взялся их сшибать, раньше вроде бы только раз в день задевал, а теперь что-то по пять раз. Или я просто замечать стала?

— Тем, что уже оглохнуть не сможет, — ответила я.

— А-а, резонно, резонно, — покивал Ива. — Тебе порекомендовать?

— А что, есть? — воодушевилась я.

— Да, честно говоря, не знаю. Но если появится, тебе сразу скажу! — пообещал Ива, усаживаясь на диван.

— Рекомендую искать быстрее, а то сами тут глухими станем, — сказала Лехо.

— Да не вопрос! — рассмеялась я. — Зато искать не надо будет, сразу под боком!

Лехо и Ива синхронно прижали уши к голове, потом подняли одно и настроили на меня.

— Напрасно, — покачала я головой, хихикая над синхронностью. — Не стоит расслабляться — враг не спит!

Я поднялась с дивана и направилась к себе в комнату, но рядом с Ивой стремительно наклонилась к нему.

— Не спит! — вполне обычным голосом сказала я, но для аладара и этого хватило. — Кстати, я завтра собираюсь в Вианасту. Составишь мне компанию?

— Если не оглохну прежде, — кивнул Ива.

— А если во время, то не считается? — снова расхохоталась я.

Ива прижал уши к голове и грустно на меня посмотрел.

— Да шучу, шучу, — благосклонно сообщила я и отправилась к себе.

— А что ты там делать собираешься? — спросил Ива, зайдя вслед за мной в комнату.

— Не знаю. Посмотреть, как аладары праздники празднуют.

Тут зазвонил аудофон.

— Ой, я все-таки оглохну до завтра, — Ива даже отпрянул.

— Да, ой, привет. Завтра? Да, буду. Вот здорово! Ага, обязательно. Тоже будет? Здорово! Ага, до завтра! Ну вот и решилось, что завтра делать.

— И что?

— Гулять. Мне Митдин звонил, сказал, что завтра в Вианасту приезжает, и они с Аишей и с Раданом встречаются у памятника какому-то Антенсалеа… Ой, это, кажется, поэт.

— Да, это поэт, — кивнул Ива, который уже хотел было возмутиться по поводу того, что я не знаю элементарных вещей, которые он сам мне и рассказывал.

— В общем, я не знаю, где он. Покажешь?

— Покажу. А это кто такие-то?

— Риварцы, мы с ними в аэролете познакомились, когда сюда летели еще летом.

— Что, прямо в аэролете?

— А что? Просто так скучно лететь, а я риварцев до того не видела.

— Ну, как-то странно знакомиться с незнакомыми людьми в аэролете.

— А что еще можно делать с незнакомыми людьми в аэролете, как не знакомиться?

— Эмм…

— Тупо сидеть и скучать? Джент так и поступил, но под конец все же решил, что ему тоже хочется с нами поболтать.

— Джент? Это кто?

— Аладар, единственный с нами летевший. К тому же еще и ненолен!

— Ну не знаю, я так не могу.

— Никто и не сомневается. Ты вообще, когда меня увидел, в ступор первым долгом впал, — пожала я плечами.

Ива смутился.

— Откуда же я знал, что ты у Лехо?

— Ой, да ладно оправдываться! Я уже давно поняла, что ступор — это самая нормальная реакция аладара на все. Если реакция оказалась другой, значит, с аладаром что-то не так!

Праздничное утро отличалось от будничного увеличением количества шума. Однако если бы я сама не проснулась и не прислушалась, я бы вряд ли вообще почувствовала разницу. А

шуму было много из-за того, что Танра затеяла уборку с утра пораньше.

— А почему меня не разбудили? — спросила я.

— А зачем? — искренне удивилась Танра. — У нас праздник, зачем раньше вставать?

— Убираться!

— Ты наша гостья. Какая уборка? — удивился Лехо.

— Какая еще гостья? Как гостья? Может, в первый день я еще и была гостьей, но теперь уж точно нет! Минимум постоялица! Чем помочь?

— Да ничего не надо, все уже почти закончили. Мы сами справимся.

— Я, конечно, не люблю хвалиться, но, по-моему, от меня одной будет больше пользы, чем от них двоих! — сказала я, подхватывая вазу, упавшую со стола, который двигали Ива с Лехо.

— А… эм… Ну да, — сдалась Танра. — Надо пыль на антресолях стереть, и я боюсь, что лучше их об этом не просить.

— Хм… ну, пожалуй, мне надо как минимум два стула! Не бойтесь, я не упаду, я, слава богу, даже живя в Олеа, остаюсь арийкой!

Н-да, дома, конечно, убираться веселее, ибо дома я включала на полную громкость музыку, а здесь… Стоп, у меня же есть наушники и радио в аудофоне!

— Ив, крайняя полка слева, там аудофон, а на три полки выше — наушники, давай их сюда!

— На, а зачем?

— Скуку разгонять! — ответила я. — Значит, так: я врубаю радио и отрубаюсь от мира сего. Если что-то нужно, то сначала потыкай, чтобы я звук выключила, а потом говори. Ок?

— Ок.

Я заткнула уши наушниками, сделала радио на полную громкость и стала, приплясывая, стирать пыль. Ну, для аладара танцевать, стоя на двух стульях, — это верная смерть от перелома шеи, а для арийца лишь слабая разминка. Я спрыгнула на пол, повернулась и увидела перед собой Иву. Он что-то говорил, точнее, я видела, что он шевелит губами.

— А? — переспросила я, выдергивая наушники.

— Ты еще не оглохла? Мне из кухни слышно, как у тебя музыка в наушниках играет, — сказал он.

— Да нет, не оглохла, это нормальная громкость.

— Нормальная?

— Для арийца.

— Н-да, что для арийца нормально, то для аладара смерть!

— Да, я бы не рекомендовала тебе слушать на такой же

громкости, — кивнула я. — Ну, я пошла дальше пыль стирать!

Наушники на место, и, притопывая в такт, а порой кружась и перепрыгивая через препятствия, я отправилась стирать пыль со всех горизонтальных поверхностей. Я так увлеклась, что не заметила, что ко мне подкрался Лехо и с интересом следил за мной.

— Что? — спросила я.

Лехо прижал к голове уши.

— Ой, извини, — понижая голос и вытаскивая наушники, сказала я.

— Что ты делаешь?

— Пыль стираю.

— Нет, вот это, — Лехо неуклюже изобразил мои движения.

— Танцую. А что?

— Да ничего, просто странно. У нас так в Олеа не делают.

— Просто так убираться скучно, нужно что-то делать.

— Ну, у нас обычно поют.

— Слава богу, меня голосом вместе со слухом обделили, а то был бы просто кошмар, — усмехнулась я.

— Но зато ты танцуешь.

— Так и ты танцуй! Кто мешает?

— Ой, это ужасно выглядит.

— А кто увидит? Попробуй, — я, было, хотела выдернуть наушники и включить радио в динамике, но вспомнила, что Лехо, должно быть, и так прекрасно слышит музыку. — Смотри.

Я снова вставила наушники в уши и сделала пару оборотов вокруг оси, потом пара движений в сторону и еще оборот.

— Ну!

Лехо неуверенно повторил. Н-да, работать, работать и работать — над пластикой, точностью, скоростью, да над всем!

— С пылью все! Что еще? — сказала я Танре, зашедшей к гостиную.

— Да все уже. Пойдемте обедать! — ответила она.

А после обеда мы с Ивой привычно сели на энергичку и уехали в столицу.

— Так, сначала объясни мне все-таки, что празднуем-то? — попросила я.

— В смысле?

— Ну что за праздник, как его праздновать, и ты, наверное, еще что-нибудь из истории знаешь.

— Знаю, конечно! Я вообще-то всю историю Олеа знаю.

— А причем тут вся истории Олеа?

— Ну, сегодня День Олеа.

— А-а, так я же не про всю историю, а про историю

праздника, когда начали праздновать, по какому поводу, почему в этот день, ну или что-то другое.

— Да нет тут никакой истории, просто вчера закончился семестр, и все школьники и студенты теперь на каникулах. Так что праздник был в этот день всегда, только к нему приурочили день Олеа, а заодно и работу поотменяли, — пояснил Ива.

— А-а. Жаль. А то мне понравилось тебя слушать. Глядишь, и гуманитарные науки полюбила бы, а не только технические и боевые!

Ива явно мне не верил и смотрел весьма скептически.

— Слушай, у вас тут, я слышала, каток где-то открыли. Не знаешь, где? — спросила я.

— Каток? — округлил глаза Ива. — Ну да, открыли, а тебе зачем он?

— Как зачем? Кататься! Там напрокат коньки дают?

— Да вроде бы. А ты что, умеешь?

— Шутишь что ли? Конечно, умею, и очень люблю! Пошли, покажешь, где.

— Пошли, — согласился Ива.

Каток оказался совсем рядом с местом нашей высадки с энергички, на стадионе.

— Н-да, немного желающих покататься, зато нет очереди! — воодушевилась я.

— Пошли.

— Не-е-е-е…

— Как это?

— Я не умею и учиться не хочу.

— А компанию девушке составить?

— Шелгэ!

— Нет, так не пойдет! Я одна же не могу пойти! Пошли, это не сложно!

— Еще как сложно! Я уже пробовал, руку сломал, мне хватит. Больше к катку не на шаг.

— Ну, шаг ты уже сделал, и почти даже дошел. Пошли, я тебя научу, а будешь падать — держись за меня.

Н-да, при его росте со всего размаху на лед. Мало не покажется! Но я все же его уговорила, да и упорствовать особенно не пришлось. Аладары — удивительно сговорчивые парни, по крайней мере, те, что живут в Олеа!

— Ну и что? Я же не могу даже отлепиться от бортика.

— А ты отлепись. Встань и стой. Пойми, как стоять, а потом будешь пробовать шагать.

— Буду? — ужаснулся Ива.

— Будешь, — уверенно кивнула я.

— Шелгэ, если я что-нибудь…

— Это будет полностью на моей совести, — согласно кивнула я.

— Эх, но больно-то мне будет, — вздохнул Ива.

— Даже если и будет, то недолго. И перестань уже бояться! Так точно ничему не научишься.

Ива встал на коньки и осторожно отлепил руки от бортика.

— Стоишь?

— Стою… надо же!

— Попробуй шагнуть.

Шаг, и он снова вцепился в бортик.

— Слушай, на тебе коньки! Нужно ногу не поднимать, а скользить! — я показала, как именно нужно.

— Скользить? Да не умею я!

— Учись!

Пара шагов ему удалась, а на третьем он все же растянулся на льду. Я объехала его по кругу и встала напротив.

— Вставай.

— Не-а.

— Что, так и будешь сидеть?

— Нет, отползу к бортику.

— Вставай, у меня есть идея.

— Шелгэ, это все очень плохо, и мне… не надо мне на коньках кататься.

— Вставай!

Ива еле-еле поднялся и обреченно посмотрел на меня.

— Держись!

Я оттолкнулась и повезла его за собой.

— Шелгэ.

— Говорю, же держись!

— Шелгэ!

Я разгонялась медленно, но верно.

— ШЕЛГЭ!

— Да перестань, разве это же здорово?

Я сбавила скорость и остановилась, по кругу объехав Иву и остановив и его тоже.

— З-з-здорово. И как я теперь обратно доберусь?

Мы стояли посреди катка.

— Есть две способа. Один — так же, как сюда, второй — можешь доехать сам, я даже тебе направление задам.

— Нет уж, давай без направления и помедленее.

— А коньки — это все же здорово, — признался-таки Ива, когда мы шли к соседнему кафе погреться. Ну да, я-то не

замерзла, нарезая круги по стадиону, а вот Ива, сидя на лавочке, довольно сильно продрог.

— Да, на лавочке это особенно чувствуется! Но я рада, что ты хоть бы так оценил прелести льда!

Мы вошли в кафе и уселись за столик.

— Ой, здесь горячий шоколад подают! Здорово! — обрадовалась я.

Официантка понимающе улыбнулась.

— Ты будешь? — спросила я у Ивы.

— Да, пожалуй, не откажусь.

— Слушай, а до памятника далеко? А то остался час до назначенного времени, — обеспокоилась я.

— Минут пятнадцать ходьбы, — прикинул Ива.

— Тогда все хорошо, — успокоилась я. — Странное место какое-то.

— Да нет, обычный памятник.

— Да, я про кафе.

— А-а, ну да, странное. Оно сделано в стиле древнего Олеа.

— Это когда древнюю философию древних аладаров изобрели?

— Ну, примерно.

— Тогда понятно, почему мне так странно. С этой философией я так и не разобралась. Чего напридумывали!

— Как это «не разобралась»? Там же все просто. Это же древняя философия!

Оставшиеся сорок пять минут мы проболтали за чашкой горячего шоколада, а потом, продолжая спорить о чем-то весьма философском, отправились к памятнику.

— Так вот ты какой, Антенсалеа. Красавчик, только у меня шею заклинит, если я буду долго на тебя смотреть, — сообщила я памятнику. Ива усмехнулся.

— Шелгэ! — послышалось с другой стороны. — А я тебя по голосу узнал!

— Привет! — мы с риварцем ударили по рукам, как это было принято в Олеа.

Это был Митдин. В куртке с короткими рукавами и такими же короткими штанишками он смотрелся очень умильно среди закутанных аладаров. Н-да, а я все гадала, как они зимой ходят… оказывается, у них весьма оригинальная мода! На сей раз шерстка на руках и ногах была хорошенько начесана и порядком припорошена снегом. Шапки на нем, конечно же, не было, так как волосы на голове по теплу не особенно уступали шерсти. Н-да, прикольно смотрится. Хотя мой Ива не лучше в шапочке со сложной конструкцией для ушей. Это я уже привыкла, хотя

впервые увидев, десять минут не могла справиться со смехом.

— Знакомьтесь, это Ива, — представила я аладара. — Это Митдин.

Парни тоже ударили друг друга по рукам, причем Митдин явно не отказал себе в удовольствии выпустить когти, что не позволил со мной, а Ива не остался в долгу и дернул за шерсть. Что за детсад?

— А Аиша с Раданом еще не подошли? — спросила я.

— Как видишь, — развел руками Митдин. — Как жизнь? Как учеба? Как Олеа? Как аладары?

— Все супер, особенно второе и последнее. А тебе как?

— Да тоже ничего, разве что дома лучше. Дома есть что подрать, можно помяукать, никто и слова не скажет, если на потолок залезешь. И погремушек нет!

Мы с Ивой расхохотались.

— А что смешного? Я серьезно, — вздохнул Митдин.

— Как тебя тут с такими замашками в дурдом не упекли! — смеялась я. — Я тут с колокольчиком по дому на хвосте походила, и то чуть всех аладаров не распугала, а ты говоришь, поорать, подрать что-нибудь или, еще хуже, на потолок да с погремушкой. Это же уже садизм натуральный!

— Вот поэтому и домой хочу. Весна скоро…

Я искренне посочувствовала и посоветовала записаться в какую-нибудь боевую секцию или на танцы, чтобы было хотя бы где поорать. В хор-то его точно не возьмут.

— А я пристроилась, — сказала я. — Удобно, все все слышат, а если не хочешь чтобы слышали, говоришь на арийском.

— Эх, мне бы так…

— Шелгэ! Митдин!

К нам навстречу бежала Аиша. На ней, в отличие от Митдина, были брюки длиной в пол и такие красивые босоножки. Эх, зимой в босоножках — мечта!

— Как я рада вас видеть!

Мы с риваркой обнялись.

— Ну, как? Ну и что? Как живете? Ой, а это кто?

— Это Ива, он…

— А! О-о! Понятно, — кокетливо улыбаясь, сказала Аиша.

— Приятно поговорить с человеком, до которого доходит не на пятые сутки! — рассмеялась я. — В общем, знакомься, это мой друг — Ива.

— Друг? Ясно! — кивнула Аиша и тут же стала рассказывать про себя.

Как оказалось, ей у аладаров очень даже нравится, и никаких непреодолимых трудностей, как у Митдина, у нее нет. Пока мы

слушали Аишу, незаметно подошел Радан.

— О, привет! — Митдин дружески засадил когти в ладонь Радану. Тот так же радостно ответил. Так это у них так принято, оказывается, а я думала, что парни дурью маются!

— А знаете что, идемте в клуб, тут я по дороге один видела, там посидим в тепле, поболтаем, — предложила Аиша.

— Ой, я только за! — тут же согласилась я. — Ив, ты со мной?

— Куда же я денусь?

— О как! — назидательно сказала Аиша и повела всех в нужном направлении.

В клубе было шумно (для аладаров), людно и весело.

— Хоть где-то музыка играет с нормальной громкостью, не до того, что бы изо всех сил прислушиваться! — порадовался Митдин.

— А ты слушай музыку в наушниках: и тебе будет громкость в самый раз, и аладары вокруг будут ее прекрасно слышать, — посоветовала я.

— А это мысль! — согласился Митдин.

— Ну что, выпьем за встречу? — предложил Радан.

— Только если чуть-чуть, — согласилась я.

— А кто говорит про «много»? Всего-то с ведро! — хохотнул Митдин.

— Мальчики! — строго посмотрела на них Аиша. — Чуть-чуть — это значит чуть-чуть, и это никак не полведра, это целое ведро!

Мы весело болтали, ибо музыка нам особенно не мешала, пили принесенное вино и обменивались впечатлениями. Как же все-таки замечательно встретиться с людьми, не тормозящими на каждом твоем нестандартном слове. Я уже и отвыкла!

— А ты чего все молчишь? — спросила я у Ивы, пока все были заняты своими делами.

— А что говорить? Это твои друзья, а я их не знаю.

— Мы с ними виделись один раз в аэролете, так что они такие же мои друзья, как и твои. Ну попробуй хоть раз побыть не аладаром, а человеком.

— А в чем разница? — не понял Ива. — Аладары что, не люди?

— Люди, только странные.

— Ну, арийцы для аладаров тоже странные, — пожал плечами Ива.

— Нет, надо же вливаться в коллектив!

— А знаете что! Я хочу танцевать! — сообщила Аиша.

Она встала, увлекая за собой Митдина и Радана.

— Пошли, — позвала я Иву.

— Что? Не-э-э-эт! — запротестовал аладар и уперся всеми руками и ногами.

— Е-э-э-сть! — я потянула его за собой.

— Шелгэ, ну что ты делаешь? — Ива все же встал и уныло поплелся за мной.

— Развлекаюсь, не видно?

Ива завис на какое-то время, так что я как раз успела довести его до риварцев.

— Решили, кто в доме хозяин? — хихикнула Аиша.

— Нет, отложили, — покачала головой я. — Так быстро решить ничего нельзя, все нужно сначала осмыслить! Вон видишь, с каким скрипом осмысление происходит, — я хвостом указала на Иву.

— Да вроде бы ничего не скрипит, — удивился Ива.

— Вот и я о том же! — согласилась я.

Домой мы вернулись глубоко за полночь в весьма веселом настроении.

— Эй, люди, потише, — сонный Лехо вышел из комнаты и отправился по своим делам.

Мы с Ивой слегка приглушили свою деятельность, но из-за крайне веселого настроения это было не особенно заметно.

— Так, ну вы уж совсем! Быстро спать! — вернулся Лехо.

— Командуешь тут еще! — насупился Ива.

— А, завтра утром разберешься, — я стукнула Иву по плечу, слегка не рассчитала силу.

Ива не удержался на ногах и рухнул на диван, я не удержав равновесие без дополнительной опоры следом. Лехо и рот раскрыл от удивления.

— Шутка, — хихикнула я, поднимаясь. — Спать иди!

— Так вы того, не пьяные? — ох уж эти мне аладары, вечно тупящие, особенно спросонья.

— Неужели если человек весел, то он обязательно пьян? — удивилась я.

— Эм… ну…

— Вот! — нравоучительно сказала я. — Ладно, утром разберемся. И с тобой тоже! — я погрозила хвостом Иве, тот его поймал и несильно подергал.

— Так, где там чьи-то уши? — я развернулась к Иве.

— Не-э-э! — Ива поспешно встал.

— Хитрюга! — снова рассмеялась я и без предупреждения подпрыгнула и повисла у него на шее, обхватив еще и ногами. — А вот так!

— Эй!

Я щелкнула по уху и спрыгнула на пол.

— Ну не честно!

— Честно-честно! — заверила я.

— Слушай, а где Лехо? — удивился Ива и стал поводить ушками, а потом с интересом обогнул диван и заглянул за него.

Лехо лежал на полу и беззвучно хохотал.

— Эй, парень, ты жив? — я опустилась на корточки перед ним и озабоченно смотрелась в лицо.

Тот неуверенно не то кивнул, не то качнул головой. Но все же какой-никакой признак жизни.

— Жить будет, но больше так шокировать нельзя, — сказала я Иве.

— Да, на сегодня, пожалуй, хватит, — зевнул Ива, подхватив Лехо и перекинув через плечо.

— Ты по-другому нести не пробовал? А то, не дай бог, уронишь, он ведь не я, так и впишется головой в пол.

— А как по-другому?

— Эм… кхе! Одну руку под коленями, вторую под спиной, — предложила я.

— Не-э, так удобнее.

— Кому?

Ива все же взял Лехо по-нормальному.

— Спокойной ночи! — сказал он.

— Спокойной! — усмехнулась я.

Н-да, праздники у олеанцев — это что-то!

Короткие каникулы пролетели одним днем, и ни одного из них свободного: то с группой посиделки, то риварцы в гости зазовут, а до них еще доехать, то Ива на какой-нибудь концерт вытащит или просто погулять. В общем, не каникулы, а один сплошной праздник. Давно я так не веселилась! Но вот и снова университет. Жаль, что все хорошее так быстро заканчивается, и снова начинается философия.

— Шелгэ, ты расчеты сделала? — откуда-то сбоку подскочил Эрэт.

— Ага, — я вытащила тетрадку и сунула ее парню.

Тот благодарно кивнул и исчез еще быстрее, чем появился. Я уже привыкла, что он все время списывает эти расчеты. И что в них сложного? Позже я увидела точно такие же решения еще и у Иски, и у Ена. Копировальная машина в действии!

— Шелг, слушай, откуда у тебя вот здесь константа вылезла? — передо мной на парту плюхнулась тетрадь Марка.

Я всмотрелась в закорючки и к немалой радости поняла, что это не мое решение! Так, что тут такое? Я вооружилась ручкой и

нарисовала на полях другую схему процесса.

— Вот здесь стационарное соединение, а здесь его нет вообще, поэтому я беру константу, а не переменную, — объяснила я.

— Как это нет соединения? А как же касательная?

— Какая касательная? Это же взаимодействие полей, а не циркуляций!

— Ой, точно! Я уж совсем циркуляцию с полем спутал, — всполошился Марк, схватил тетрадь и убежал к себе за парту что-то исправлять.

— И действительно, как можно циркуляцию с полем спутать? — покачал головой Эрэт, возвращая тетрадь и садясь рядом. — Я вот вообще не знаю, что это такое, и путать нечего!

— А пора бы узнать! Ты как сдавать-то в конце года будешь?

— Так ты же рядом сидишь! — усмехнулся аладар.

Ну да, действительно, зачем учить, когда можно списать? Железная логика. А мне вот списать не у кого, разве что у Марка, но он вот циркуляцию с полем путает.

— Привет! — в класс зашел Вальд. — Шелг, ты расчеты сделала? Не объяснишь?

— Объясню, — пожала я плечами.

Вальд вытеснил Эрэта за соседнюю парту, а сам сел на его место и положил передо мной свою тетрадь с какими-то записями.

Я пожала плечами вторично, нарисовала схему и стала объяснять.

— Да? Ага, понятно. Слушай, и как ты все это решаешь?

— Молча…

— Не знаю, у меня не получается. А здесь почему?

Я пояснила и этот пункт своего решения, Вальд не отставал. Когда объяснять было уже решительно нечего, разве что попытаться доказать аксиомы, Вальд отодвинул тетрадь и завел весьма светский разговор.

— Ты видела последний матч арийских танцоров?

— Да, вчера. Такого позорища от Астилы я не ожидала. Он всегда был безупречен, но упасть на каком-то вращении…

— Теряет форму.

— А может, просто ногу подвернул. Что-то такое писали.

— А, может. Но мне вот больше Винтай понравился, — неожиданно заявил Марк.

— Чем это? — подозрительно спросила я.

— Техникой!

Для аладара он был хорошо подкован в области спортивных арийских танцев. Не ожидала от него. С чего бы это?

— Он прямо чудеса творит.

— Ну, это для аладаров чудеса, а для арийцев просто дело техники, — сказала я.

— Просто? Ну не знаю. А ты так можешь?

— Нет, я все же боевик, а не танцор, — покачала я головой.

— То есть можешь? — оживился Вальд.

— Могу, я дома занималась танцами.

— А, может, покажешь сегодня на тренировке?

— Зачем? — поразилась я.

— Интересно посмотреть и, может, попробовать.

— Да ладно, с чего бы это? — в открытую усомнилась я. Среди аладаров было мало ценителей спортивных танцев. Обычных — еще куда не шло, от парных без ума были почти все, но спортивные никогда не вызывали никакого интереса.

— Это может быть полезно и как боевой навык. Может быть, изменится стиль движений, ну и просто интересно, — зачем-то уговаривал Вальд.

— Слушай, Шелг, а на самом деле, это же интересно, — неожиданно подключился Эрэт. — Я всегда хотел попробовать, но никогда не успеваю рассмотреть, что и как делают.

— И ты увлекаешься спортивными танцами? — еще больше удивилась я.

— С детства, — кивнул Эрэт.

— Надо же! — я выпала в осадок.

— Да и другим будет интересно, — добавил Эрэт.

— Что? — подошла Ия.

— Спортивные танцы. Шелгэ может показать, как это делается.

— Да? Здорово! Всегда хотела посмотреть вживую! — оживилась Ия.

— Да вы что, сговорились? — я даже со стула вскочила. Учитывая, что аладары были выше меня не меньше, чем на голову, помогло это мало. На стул, что ли, залезть?

— Нет, это просто интересно, — пожал плечами Эрэт. И ведь ему действительно интересно!

— Ну, хорошо, если Моад разрешит, — сдалась я.

— Не беспокойся, — кивнул Эрэт.

— Шелгэ, ты умеешь танцевать спортивные танцы? — спросил профессор Моад.

— Да умею, — кивнула я.

— Что же ты раньше молчала! Это же такая практика! — обрадовался Литард.

Н-да, кажется, я глубоко заблуждалась насчет ажиотажа на

спортивные танцы. Они нравятся многим, просто никто не может их танцевать!

— Вот теперь говорю и даже покажу, — кивнула я и отошла в круг. — Без музыки только, конечно, не очень.

— А это мы тебе сейчас организуем, — усмехнулся Эрэт.

Зазвучала ритмичная музыка, как раз для спортивных танцев. То, что надо! Три, два, один, поехали! Вот ведь заразилась от Моада!

Пара не резких, но быстрых движений для разогрева, несколько прыжков и головокружительное сальто назад. Понеслась! По ходу дела я припоминала все элементы спортивного танца, которые когда-то изучала, и вплетала их в музыку. Потолок с полом несколько раз поменялись местами, пару раз их сменили стены, пол намял бока после довольно длительного пропуска тренировок, и непривычно заболели мышцы рук. Вот сразу и понятно, куда нагрузки не хватает. Все же спортивные танцы — это самая сбалансированная и выгодная тренировка!

— Вау! Супер! Класс! — со всех сторон послышались аплодисменты.

О, и Ива здесь, на лавочке с Иятой сидит. Странно, чего это он пришел? Он всего раз был у меня на тренировке, и это было уже давным-давно, аж в начале года. Посмотрел, как мы тут друг друга дубасим, а потом коллективно идем в медпункт, и решил, что такое зрелище не для него. Надо будет спросить, чего это он передумал.

— Шелгэ, ты непременно должна научить этих лоботрясов, да и я с удовольствием попробую новую технику, — тут же сказал Литард. — Лучше такой разминки ничего нет!

— Боюсь, перед такой разминкой придется сильно попотеть. Даже у меня после длительного отсутствия практики не очень получается, — я встряхнула уставшими руками.

— Еще лучше! — восторжествовал Моад. Вот ведь энтузиаст!

— Ты великолепно танцуешь! — вещал Вальд. — Это, оказывается, действительно сложно, но ты неподражаема.

Та-ак, это мне уже определенно не нравится. То нахваливает, то расспрашивает, и все время крутится поблизости. Это мне активно не нравится. Что ему надо? Уже полчаса распинается!

От прямого вопроса Вальда спас Ива, который вынырнул из-за угла.

— Поехали домой? — спросил он.

— Ага, сейчас в раздевалку заскочу. Пока, Вальд!

— А что это у вас сегодня танцы были? — спросил Ива, когда

мы уже шли к остановке.

— Это Вальд заинтересовался, а остальные поддержали. Как Моад отреагировал, ты уже видел. Я и не думала, что спортивными танцами так интересуются.

— У нас танцы вообще любят, ну а спортивные… Как тебе сказать… Ну, это на любителя. У тебя вот в группе одни любители, поэтому всем и интересно. А вообще у нас мало кто танцует, поэтому всем и интересно.

— Да я уже заметила и даже выяснила, почему, — усмехнулась я.

— И почему же?

— Ловкости не хватает, сноровки, координация движений желает лучшего. Я только все никак не пойму, почему так. Может, это просто у арийцев с этим слишком хорошо, что остальные таким неуклюжими кажутся?

— Да. Скорее всего, так. На фоне деценсейцев и риварцев мы выглядим не так плачевно, а кое в чем и превосходим. Например, в чувстве ритма и композиции танцев. Как говорится, не клеим сплошные сложные фигуры и группы движений в штампы.

— Да, есть такое, — кивнула я. — Меня больше интересует, каким ветром тебя занесло к нам на тренировку. Тебе же не понравилось в прошлый раз.

— Не знаю, просто мимо проходил, решил заглянуть на перемене, а потом увидел, чем вы там занимаетесь, и решил посидеть посмотреть, тем более что там часть ваших тоже сидела.

— Это теоретики, они на практику не ходят, и тоже просто посмотреть пришли, — пояснила я.

— Я уже знаю, — кивнул Ива. — Меня Ия и пригласила посидеть с ними. Хотя этот парень, который тоже сидел, какой-то странный.

— И не говори! — горячо поддержала я Иву, так как рядом с Ией сидел Вальд.

— Он тебе тоже не нравится?

— Ну не то что бы не нравится, напрягает. Чего ему взбрело в голову про эти танцы разговаривать? До того с этими расчетами приставал, хотя он и сам прекрасно все понимает. Чего надо?

— Не знаю, — пожал плечами Ива.

— Я тоже…

Но Вальд не отставал, постоянно мелькая в поле зрения. То одно надо, то другое, то просто поболтать, то что-то объяснить, то наоборот мне помочь. Я его уже бояться начинаю!

Я опасливо заглянула в класс.

— Шелг, ты чего? — удивился Эрэт.

— Вальда нет? — тихонько спросила я у рядом сидящей Ии.

— Нет, — покачала головой аладарка.

— Фух, — порадовалась я и проскользнула в класс.

— Секреты? — грозно поднял бровь Эрэт.

— Нет, заговор, — огрызнулась я, усаживаясь за парту. Эрэт завис, пытаясь понять, что я имела в виду.

— А чего ты так на него? — спросила Ия.

— Да не знаю, достал он меня, все ходит и ходит. И чего ему надо? — ужаснулась я.

— Кто? — слишком быстро ожил Эрэт.

— Пошли отсюда, — я потянула Ию за собой.

Выискав очень любимый архитектурный прокол в виде тупикового закутка, мы уселись на подоконник.

— А что, собственно, тебе не нравится? — спросила девушка.

— Да все! Он за мной будто шпионит, везде, где бы я не находилась, есть и он. Все-то ему интересно, что и мне, везде он, где нужна помощь. Меня это уже начинает бесить!

— А что тут непонятного? — отчего-то развеселилась Ия. — Понравилась ты нашему Вальду, вот и ухаживает!

— Чего делает? — переспросила я.

— Ухаживает, ну внимание привлекает, располагает к себе, — захлопала глазами Ия.

Я очень внимательно на нее посмотрела и проделала тоже самое, только у меня это получилось внушительнее из-за размера глаз.

— Он что, идиот полный?

— Почему?

— А… э… ну… я не знаю, как тебе объяснить, просто у нас не так. У нас есть парни, есть девушки, если парню нравится девушка, а девушке парень, то они встречаются. Если парней несколько, то они дерутся, и с выигравшим девушка и будет встречаться. Все просто!

— А если выиграет тот, который девушке не нравится? — заинтересовалась Ия.

— Победитель по определению не может не нравиться. В арийцах главное сила, ловкость и желание победить, а не красота.

— Я не про красоту, я про характер. Если он злой и грубый? Если будет обижать девушку?

— Ха, пусть попробует! У нас девушка спокойно может постоять за себя.

— Что, девушки дерутся с парнями?

— Если те позволяют себе лишнее, то вполне, — я пожала плечами. — Знаю, у вас так не принято, но у нас так. В общем, никаких этих соплей нет. Все ясно и очевидно.

— А чем тебе Вальд не нравится, кроме соплей? Скажи ему,

что тебе не нравится такое пристальное внимание, и все будет нормально.

— Еще шпионов из-за угла мне не хватало.

— Если ты будешь с ним встречаться, то он не будет из-за угла шпионить! — рассмеялась Ия.

— Ну уж нет. Ну его на фиг, с его вниманием. Терпеть не могу эти сопли. Уж Эрэт и то лучше! И вообще… у меня уже есть…

Стоп, что это у меня есть? Это… с каких пор Ива стал «у меня есть»? Пока у фонтана сидели, или когда на коньках катались? Странно. Да я, похоже, в эту жердину влюбилась, странно, то-то же мне этот Вальд прямо поперек горла стоит! Надо же, и не заметила, вот что значит жить под одной крышей.

— Что у тебя есть? — не дождавшись продолжения, просила Ия.

— Арналан! — ответила я.

— Да? Это тот красавчик, что с нами на тренировке был?

— Ага, он. По крайней мере, других претендентов нет.

— А он ничего, я тебе с самого начала сказала, что он то, что надо, — похвалила выбор Ия.

— Так-то оно так, только раз у вас все парни за девушками, как ты говоришь, ухаживают, а мой жердина этим не страдает, значит, я ему не нравлюсь.

— А это ты зря! Ты, может, не замечаешь, но он за тобой тоже ухаживает, только ты уже согласилась с ним встречаться, поэтому это не выглядит так наигранно, и вообще, у твоего Ивы есть чувство меры, в отличие от Вальда.

— Ну да, наверное, ты права, — подумав, согласилась я. — Только я в принципе ни на что не соглашалась, до он и не спрашивал.

— Как это? А я думала…. да и вообще, по вам видно! — удивилась Ия.

— Что видно-то?

— Что вы пара.

— Ага, по дороге в универ и обратно!

— Что, и все?

— Да нет, но ничего серьезного.

— Ну ты даешь.

— Я? Хотя, что с аладаров взять, тормозные. Ой, только не обижайся!

— Да я не обижаюсь, — звонко рассмеялась Ия.

— А с Вальдом-то что делать?

— Как что? Сказать, что ты занята. Только вот одно плохо…

— Что?

— Да Вальд, ну он, в общем, ему девчонки не отказывают, он тут как ты там говорила? Мачо?

— Кто? Вальд? Этот задохлик?

— Ну, у аладаров сила не особенно ценится.

— Оно и заметно, если уж такие задохлики, как Вальд, нарасхват. Ну, ничего, я-то ему объясню.

— Будь осторожнее. Он… в общем, нехороший он. Какая-то девушка, помнится как-то, ему отказала.

— И что он мне сделает? Я далеко не таким, как он, хвост узлом завязывала!

— Да в том-то и дело, что нет у него хвоста, драться-то он не будет. Он другим способом отомстит.

— Ну и хук ему в челюсть, то есть флейту в зубы!

— В губы! — рассмеялась Ия.

— А я говорю в зубы!

— А про хук — это у вас так в Арии говорят?

— Ну, как эквивалент вашей флейте. Ахтран на Вальда! Пошли на пару!

— Шелгэ, а ты…

— Слушай, Вальд, хватит! Надоело! Скажи прямо, чего тебе надо? — все терпение мое дамское закончилось!

— Как что? Тебя! — не растерялся Вальд.

— Нет.

— Что, так кардинально?

— Да. Я Арийка, и у нас все окончательно и бесповоротно! И хватит за мной бегать, терпеть не могу этих соплей!

— Ах, соплей?!

— Да! В Арии либо да, либо под дых! А если хочешь получить меня по праву, то дерись!

— С кем? — удивился Вальд.

— С тем, кто уже занял твое место.

— У тебя нет парня! — неожиданно воскликнул Вальд. — Этот хлюпик тебе не пара!

— А это уж мне решать! — рявкнула я. — А раз он такой хлюпик, иди и вызови его на поединок!

Что победит Ива, я была полностью уверена, ибо каждую неделю ходила вместе с ним в тренажерный зал и точно знала, что он может. Да и не будет Вальд с ним драться, этот холеный… вообще ни с кем драться не будет. Ему себя слишком жалко. Трус!

— Я что, похож на идиота? — холодно спросил Вальд.

— Очень! — искренне заверила я его и села в подъехавшую энергичку.

— Я тебе покажу идиота! — выкрикнул Вальд.

— Да не надо, я и так тебя прекрасно вижу! — уже из энергички ответила я.

Н-да, зря, видимо, я это сделала, как-то он нехорошо на меня посмотрел. Да ну его! Ничего он мне не сделает! А так, глядишь, и спесь растеряет!

— Шелг, ты чего какая? — удивился Лехо, встретив меня у дверей.

— Какая? — рявкнула я.

— Вот такая, — Лехо удивленно смотрел на меня.

— Извини, просто придурков не сеют и не пашут, они сами родятся и сами вырастают в идиотов!

— Ты что, с Ивой поругалась? — просил Лехо.

— Да причем тут Ива? Нет, он, конечно, причем, но с ним я точно не ругалась. Ладно, проехали!

— Куда?

— На энергичке мимо нужной остановки.

— Это ты из-за того, что возвращаться пришлось, такая сердитая?

— О-о, аладары!

Вот теперь я точно знаю, зачем аладару мозги! Чтобы ими тормозить!

— А-а, кто-то сильно тормозил?

— И нахально продолжает это делать! — схватилась за голову я и расхохоталась. — Ну как на таких можно сердиться?

— Пошли кушать!

— Иду!

— Шелгэ? Привет! Ты что-то сегодня раньше обычного, — удивился Ива, сидящий за столом.

— Да один идиот не дал спокойно в библиотеке посидеть. Пришлось спасаться бегством.

— И ты так просто сдалась? — не поверил Ива.

— Да нет, я довольно долго сопротивлялась и побила-таки своего врага. И даже постреляла по трупам для устрашения! — ответила я.

— Все живы? — обеспокоилась Танра.

— Так точно! Живы, но деморализованы. Короче, противник сломлен, и больше сопротивления не оказывает, — отрапортовала я.

— А что там было-то? — спросил Ива.

— Милые домашние разборки, — пожала я плечами. — Кавалера отваживала.

Ива чуть ли на месте не подскочил. Проняло!

— Какого еще кавалера? — удивленно спросил Ива.

Танра спрятала улыбку, отвернувшись к плите.

— Жутко надоедливого.

— Ты с ним дралась, что ли? — опешил Ива.

— На его счастье, повода он мне не дал, — искренне пожалела я.

— А ты бы стала драться с парнем? — удивленно спросила Танра.

— А чем он лучше девушки? Конечно бы, стала, если бы потребовалось, но он-то не дурак, знает, что хвост, то есть уши откручу.

— У них это в порядке вещей, — пояснил просвещенный Лехо.

— Что вот так просто девушка будет драться с парнем и парень с девушкой?

— Ну не просто, нужна причина. Самая главная причина — это кровная месть, но сейчас это уже крайне редко встречается — все враждующие семьи себя давно истребили, а новые враждовать не особенно хотят. Потом может быть заступничество, и, наконец, личное оскорбление, — перечислила я самый основные причины. — Хотя, конечно, последняя… можно что угодно подогнать под личное оскорбление, чем иногда девушки и пользовались, чтобы отвадить нежеланного кавалера раньше, чем состоится поединок, если желанный мог бы в нем проиграть. Обидевший девушку уже не мог на нее претендовать.

— Обалдеть! — заключил Лехо.

— А что за поединок? — спросила Танра.

— Ну, если на девушку претендует два кавалера, то они между собой дерутся, и выигравший получает девушку.

— Как это дерутся? А если девушке они не нравятся?

— Ну, тут хитрость личного оскорбления и применяется, чтобы заранее отвадить нежеланных претендентов. До поединков дело доходит только в случае, когда оба состязающихся нравятся девушке, и она не может решить, кто лучше.

— То есть получается, что лучше тот, кто сильнее? — спросила Танра, с интересом слушавшая мой рассказ.

— Не просто сильнее, еще и ловчее и умнее. Именно в драке можно увидеть человека во всей красе и понять, кто чего стоит. Все эти розовые сопли, когда парни прыгают вокруг девушек, ничего не стоят, если парень падает от первого же удара в челюсть. Это не мужик, это тряпка, — убежденно сказала я.

— Как у вас все интересно, — задумчиво сказала Танра. — Но, надо признать, вполне разумно. Мы тут в Олеа годами выбираем кого получше, выясняя, кто, что из себя представляет, а тут пара минут, и все понятно.

— Ну, положим, не пара, некоторые поединки длятся часами,

если противники подобрались примерно одинаковые.

— А если в процессе поединка девушка поймет, что один из претендентов ей не нравится? — неожиданно спросил Ива.

— Так не бывает. Если девушка допустила поединок за себя, значит, она будет с победителем. Иначе какой смысл мужчинам сражаться?

— А если вот, положим, один из них будет всем хорош, да сил у него мало и он проиграет. А второй будет полным скотом, но победит? Что тогда? — не унимался Ива.

— За поединком следит не только девушка, и если будет видно, что победитель превзошел только силой, а по всем остальном параметрам победил его оппонент, то победа присуждается другому.

— А бывает, что кто-то кого-то убивает? — спросил Лехо.

— Раньше было, и почти всегда, но теперь уже нет, разве что несчастный случай.

— А уголовной ответственности за это нет? Ведь покалечить же можно? — спросил Ива.

— Нет. На поединок идут добровольно, при отказе одного второй автоматически становится победителем, поэтому это в пределах закона. Есть же и спортивная борьба, и разные боевые искусства, за них же не судят!

— То есть если бы я жил в Арии, мне пришлось бы с кем-то драться за девушку, — подытожил Ива.

— Если бы на эту девушку позарился еще кто-то не менее достойный, и она бы затруднилась выбрать.

— Неплохо устроились, однако! — усмехнулся Ива. — Сами решить не могут, так пусть парни друг другу головы посворачивают. Ничего так себе!

— Нет, ты по себе не меряй! — осадила его я. — Это у вас тут о драке имеют весьма смутное представление. В Арии это все в порядке вещей, и любой парень не прочь подраться, тем более по такому стоящему поводу, как девушка.

— Да, странные способы привлечь внимание девушки, — не сдавался Ива.

— О, а у вас тут лучше, — фыркнула я. — Присаживайся! На, возьми. Ты не могла бы мне помочь вот здесь. Ой, ты такая умная! Ой, красавица, тебе очень идут эти туфли. Тьфу! Сопли розовые! Задолбал уже.

— Кто?

— Да идиот этот. Жаль, на него личное оскорбление не подействует, разве что действительно хвост узлом завязать.

— А он что, ариец? У него хвост есть? — удивился Лехо.

— Ну, уши в трубочку свернуть! Не придирайся к словам, —

отмахнулась я.

— А что же тогда надо? — возмущению Ивы не было предела. — Кулаками махать? Это тебе нравится?

— Если мне парень нравится, ему вообще ничего делать не надо, так как нравится он мне таким, какой есть. И никакие подарки, прислужки и дебильные комплименты не могут заставить меня изменить свое мнение. Разве что в худшую сторону!

Ива задумался, Танра повторно улыбнулась и, видимо, от греха подальше ушла смеяться в зал. Лехо ничего не понял. Кажется, Ията права, и Иве я все же нравлюсь. Еще бы и мне понять, что у него в голове.

— Шелгэ, подожди! — послышался привычный уже голос за спиной. Я и не подумала останавливаться, только шаг прибавила. — Шелгэ, нам надо поговорить!

— Нам не о чем разговаривать! — отрезала я.

— Я хотел извиниться, — сказал Вальд.

Я искоса посмотрела на него.

— Нет, правда, я себя как дурак вчера вел, в общем, извини меня я все понял, давай будем друзьями.

Более глупой фразы я в жизни не слышала. Друзьями? Он что, смеется, или искреннее верит, что парень и девушка могут быть друзьями, зная, что один нравится другому?

— Шелгэ, мне, правда, жаль.

Трус!

— Ладно, — кивнула я. Лишь бы отстал. — Мир!

Я хлопнула его по протянутой ладони и первой зашла в класс, удовлетворенно заметив, как он ее слегка помассировал после моего удара. Жаль я сломать ее ему не могу. Фальшивый и гадкий тип! Какие друзья! Интересно, что же ты задумал…

— Рассаживаемся, рассаживаемся! Поскорее. Так, сегодня занятий не будет, вы все отправляетесь в центр магической подготовки на тестирование, — сообщили нам.

— Куда? — удивилась я, когда нас поскорее выгнали их класса и велели садиться на энергичку.

— А есть тут у нас магический центр, там всякие разработки ведутся и магов обучают, ну тех, у кого есть дар к магии, ну, не повседневной. Короче, у кого уровень магии больше, чем для простых бытовых операций, — пояснил Эрэт

— Мы обращаемся с магическим оружием, значит, и так понятно, что у нас уровень выше, — сказала я.

— Нет, у нас средний. Магическое оружие не такое уж и

магическое, оно не простое, но к магии имеет весьма посредственное отношение. Настоящая магия — она вообще нематериальна. А у вас в Арии нет магических центров?

— Нет, конечно. У нас вообще, кроме повседневной магии, к которой все способны, ничего нет такого. Не склонны арийцы к магии.

— А-а, ну тогда понятно. А у аладаров часто встречается более высокий уровень магии, чем нужен в повседневной жизни.

— У нас вообще магов много, — включилась в разговор Ия.

— А у нас нет совсем. Интересно будет на них посмотреть. А что мы будем там делать?

— Будут проверять наш уровень магии. Это стандартная процедура, проводится каждый год.

— А какой толк проверять по пять раз одного человека, если и так ясно, что он в магии полный ноль?

— Так уровень магии постоянно растет. У кого-то быстрее, у кого-то медленнее. Мало у кого стоит, поэтому и проверяют, — ответил Эрэт.

— И что будет, если найдут?

— Вообще зависит от возраста, — проинформировала Ия. — Если высокий уровень обнаружен у маленького ребенка, то он, когда вырастет, идет в магическую школу, если уже у школьника, то его переводят в магическую школу, а дальше он имеет право поступать в магические академии. Если же высокий уровень магии выявляется после школы, например, в университете, то здесь уже человек имеет право выбирать, что ему делать. Это сделано из-за того, что после школы у людей уже есть свои цели и свои средства по их достижению, и ломать их нельзя. Но в любом случае тот, у кого выявили высокий уровень магии, обязан пройти месячный курс обучения владению силой, иначе он становится социально опасен.

— А потом? — спросила я.

— Потом он либо продолжает жить, как жил, либо бросает свои обычные занятия и начинает серьезно учиться магии. Кто как хочет, — пожал плечами Эрэт.

— Здорово устроились! Очень удобно и эффективно!

— А то! — усмехнулась Ия. — И главное, что гарантированно один день в году пропадают все пары!

Сначала мы довольно долго — часа три — ждали своей очереди, а потом не менее долго тестировались. Сначала мне дали анкету, где я честно написала все свои данные, какие там требовались. Потом нас посадили в какой-то огромной аудитории и показывали разные картинки, точнее, иллюзии, и просили написать, кто что увидел. Дальше провели в какой-то зал и

заставили по очереди пройти через какую-то завесу. Ничего особенного я так и не почувствовала. Потом попросили немного подождать и завели в какую-то странную комнату без окон, без дверей, кроме той, в которую мы зашли. Попросили постоять там, а после выпустили и сказали, что завтра мы получим результаты.

— Н-да, в жизни еще не проводила более бесцельный день! — пожаловалась я Иве, найденному в толпе прошедших тестирование.

— Да ладно, зато весело! Я уже который раз прохожу это тестирование, с каждым разом все веселее и веселее! — усмехнулся Ива. — Полдня какой-то фигней страдаем. Но главное, что уголовное право пропало!

— Ага, а у нас философия.

— Да за что ты ее так не любишь?

— А ты уравнения за что?

— Понял, — кивнул Ива.

— Поехали домой, а то с этим тестированием без обеда.

— Ага, пора бы и покушать, мама как раз приготовит.

— Точно, ты же никогда не опаздываешь покушать! — вспомнила я.

— Ага! — подтвердил Ива. — Если поспешим, то и теперь успеем.

— И как ты это чувствуешь?

— Интуитивно! — рассмеялся Ива.

— Ну что, Марк, у тебя на сей раз перевалил? — спросил Данмар, когда нам раздали результаты теста.

— Не-а, опять не хватает. Похоже, у меня уровень остановился и больше не растет. Обидно, черт возьми, совсем чуть-чуть до высшего не хватает.

— А у меня подрос! — похвастался Иска. — Но все равно мало!

— Растешь на глазах! — рассмеялась Ия.

— А у тебя как?

— Увеличивается потихоньку, но я-то уже проходила обучение, — пожала плечами девушка.

— У тебя высший? — удивилась я.

— Да, на первом курсе выявили, тогда же я и училась. Думаю после окончания университета пойти в магическую академию.

— О-о, хорошее дело, — кивнула я.

— А тебя как? — спросила Ия, заглядывая в мой листок.

— Да никак не найду, где смотреть-то этот уровень.

— Да вот же. Ой, ни фига же себе! Шелгэ, да ты же можешь на архимага с таким уровнем претендовать! Правда, тут какие-то

характеристики странные. Дай-ка почитать!

— На, растолкуй мне, что тут написано.

— Сейчас, — кивнула Ия. — а, вот в чем дело. В общем, у тебя очень высокий уровень, но энергия весьма специфическая. В общем, это одно из последних открытий в магии, раньше такую энергию вообще за магию не считали. Я про это толком ничего не знаю, но тебя приглашают пройти обучение. Думаю, тебе там все объяснят.

— Так я что, маг?

— Не совсем. Ты маг, но другой магии. В общем, я не могу это объяснить. Завтра пойдешь и все там спросишь.

— Завтра? — удивилась я.

— Да. С завтрашнего дня ты целый месяц будешь учиться в магической академии.

— Как это? А университет?

— И там, и там. Нелегкий месяц тебе предстоит. Советую выспаться сегодня на месяц вперед, — посочувствовала Ия. — Но зато потом будет здорово. Тебя там научат базовым заклинаниям и прочим полезным штучкам. Ну, сама увидишь, короче.

— Надо же, Шелгэ — маг! — поражалась вся группа.

— Тебя — в академию? — удивился Ива. — Вот это да!

— Да у нас собственный маг! — порадовалась Танра. — Надо же!

— Здорово! Еще и магия! Шелгэ, ну ты даешь! — ликовал Лехо.

— Н-да, мне бы вашу радость по этому сомнительному поводу, — вздохнула я. — Зачем мне эта магия? Я и так прекрасно живу без нее.

— Да ладно тебе! Это же здорово! — утешал меня Лехо, который был особенно рад тому, что у меня оказался высокий уровень магии.

А на следующий день я узнала, что такой же уровень магии и такая же странная энергия оказалась у всех, с кем я летела в аэролете сюда в Олеа. Уж не специально ли нас отобрали?

— Шелгэ! И ты здесь! Ну, вот теперь мы точно все в сборе! — Аиша обняла меня.

— Я думаю, нас в Олеа позвали как раз из-за этого самого уровня магии, — сказала я, решив сразу взять быка за рогу.

— Да, похоже на то, — согласился Митдин.

— Вот именно!

— И что?

— Как что? Это не кажется вам странным?

— Нет, — покачал головой Радан. — Должна же быть какая-

то польза от нашего здесь пребывания, раз они решили побольше магов сделать. Наверное, рассчитывают, что мы у них останемся дальше учиться.

— Интересно другое. Мы тут столько тестов проходили, а дома они как определили, что у нас высокий уровень силы? На глаз, что ли? Что же они здесь так не определяют?

— Наверное, здесь им надо было подробнее изучать, а там просто на «есть/нет» определяли, — ответил Митдин.

— Да, наверное, — согласилась Аиша.

— Все равно странно, — заключила я.

— Да что странного-то?

— Да не хочу я никакой магии учиться!

— Здесь нас не спрашивают, мы сейчас на территории Олеа и обязаны выполнять их законы, — пожал плечами Радан.

— Да знаю. Только все равно не хочу, — вздохнула я.

— Прошу все сюда, — послышался мелодичный женский голос. Нас провели в какой-то зал, где мы все уселись в кресла, и перед нами на небольшой помост поднялся пожилой аладар.

— Здравствуйте. Рад вас приветствовать в магическом центре, спасибо, что пришли. У всех вас обнаружен высокий уровень магии, а это накладывает определенный отпечаток на вашу жизнь. Теперь вам придется научиться контролировать свою силу, чтобы, не дай боги, в порыве чувств не навредить себе или другим. Так же вы научитесь некоторым простым манипуляциям с силой, чтобы понять, что в себе несет магия. После этих месячных курсов вы сможете продолжить обучение магии, если захотите. Если же такого желания у вас не появится, то вы вернетесь к своей обычной жизни. Также вы можете отсрочить свое обучение магии, если захотите завершить какие-то дела, начатые вами до обнаружения у вас высокого уровня. А теперь об обучении. Вам предстоит целый месяц работать над собой. Это тяжело, очень тяжело, но это вам необходимо, иначе вас лишат свободы из-за опасности для общества. На первых занятиях вы пробудите свою силу, а затем будете учиться ее обуздывать. Вы спросите, зачем же ее будить, пусть спит и не мешает, и окажетесь неправы. Когда уровень силы переваливает за средний, сила может проявиться в любой момент в чем угодно и без пробуждения. Именно такие неконтролируемые прорывы и представляют опасность. Довольно распространенный вопрос — почему в магические школы и академии не берут людей со средним уровнем силы? Вроде бы и магия есть, и вреда от нее мало. Скажу вам откровенно: пользы тоже немного. Средний уровень позволяет изучать только основы магии и простейшие заклинания. Практической пользы от этого минимум, а затраты времени и сил большие. Поэтому на

обучение берутся только те, у кого уровень силы высший. Это проще, эффективнее и перспективнее. К тому же после того, как сила в вас проснется, и вы научитесь ее контролировать, вы сможете начать ее развивать. Базовые навыки — это лишь самое начало пути, но и они вам покажут, насколько могущественна и полезна может быть магия. После окончания обучения каждый из вас пройдет ряд тестов, чтобы определить, чему вы научились. По его итогам вам будет выдан документ, что вы прошли адаптацию к силе и не представляете угрозы для общества. Забегая вперед, скажу, что были случаи, когда человек так и не мог научиться управлять силой. К сожалению, такого человека приходится лишать свободы. Но такие случаи крайне редки, один на несколько тысяч, к тому же видно это сразу, так как почти всегда это врожденные дефекты мозга. Вернемся к документу. Так же в нем будет прописан ваш уровень силы, уже в подразделе высшей категории, так как и она делится на несколько, и спрогнозирован тот уровень, до которого вы сможете развить ваши силы. Этот документ является вашим пропуском обратно в мир простых людей, а так же пропуском для возвращения в мир магии. Именно по этому документу в случае вашего желания обучаться магии вы и будете зачислены в академию. Так что отнеситесь ко всему серьезно. В заключение добавлю, что мы будем рады видеть в стенах академии каждого из вас. А теперь пройдемте на ваш первый ознакомительный урок. Ах да, сосем забыл. У нас в академии вы будете учиться параллельно с вашей настоящей деятельностью, разве что вы будете освобождены от дополнительных нагрузок, а также ваш график будет подогнан под расписание нашей академии. А теперь пойдемте.

О ужас! И зачем я только согласилась ехать к этим олеанцам? Жила бы дома и знать не знала про эту магию! А что теперь? С утра торчишь в этой академии, после обеда несешься в университет, потом обратно в академию для самостоятельных занятий, потом кое-как сделать домашнюю работу для университета и оставаться спать в общежитии академии. Ехать домой нет ни сил, ни времени, и так уже две недели! Я скоро на собственном хвосте удавлюсь! Хорошо еще, хоть дело продвигается, да и Аиша с Раданом и Митдином тоже здесь. Силу свою я пробудила и два дня подряд не могла с ней сладить, так что даже университет пропустила (легче от этого впрочем, мне не стало), но теперь я, кажется, наконец понимаю, как эту силу контролировать. А сегодня я, наконец, смогу поехать домой. Половина обучения прошла, и теперь нас будут учить пользоваться силой, а не обуздывать ее, а перед этим — двухдневный выходной, хорошо, что он совпал и с выходными в

университете! Я поскорее покидала вещи, без которых не могу жить, в сумку и буквально убежала из этой академии на остановку. Наконец-то хоть высплюсь по-человечески.

— Шелгэ! — из гостиной выскочил Лехо и заключил меня вместе с сумкой в объятья.

— Ой, Лехо, осторожнее! — охнула я, не ожидав такого резкого приветствия.

— Извини, — Лехо отскочил. — Давай помогу! Мама! Шелгэ приехала! — крикнул мальчик, забрал у меня сумку и убежал с ней ко мне в комнату.

— Шелгэ, дорогая, наконец-то ты вернулась. Мы по тебе очень соскучились! — аладарка вышла с кухни, где что-то шипело, и играла музыка.

— Да я не вернулась, я только на два дня, а потом еще на две недели исчезну! — разочаровала я женщину.

— Так обучение еще не закончилось?

— Нет, только две недели прошло.

— Надо же, как медленно время течет. Я думала, что уже целый месяц прошел, — покачала головой Танра. — Ну, проходи, что же ты на пороге! Скоро обедать будем.

И в самом деле, чего это я? Я пожала плечами и прошла в гостиную.

— Лехо, ты что тут кричал? — в гостиную заглянул Ива.

— Что я приехала, — ответила за мальчика я.

— Шелгэ! — воскликнул Ива и на радостях принялся меня обнимать, потом отчего-то спохватился, поставил на пол и даже сделал шаг назад. — Рад, что ты приехала!

— А я-то как рада наконец из этой треклятой академии сбежать. Еще таких же две недели, и я рехнусь! — заверила я аладара.

— Что, так тяжело?

— Очень. Но я сюда приехала отдыхать! Пошла она уже, эта учеба!

— Ага, — кивнул Ива.

Повисло молчание, а мне почему-то отчаянно захотелось расхохотаться. Ну что за детский сад, ей-богу!

— Шелгэ! — обстановку разрядил Лехо, и понеслось! Я уже и забыла как у них весело. Да с этой академией все на свете позабудешь!

Спала я необычно долго для себя, умудрившись проспать завтрак и почти обед, если бы Лехо, придя меня будить, не рухнул на мою кровать, споткнувшись о мои тапочки. В другое время я бы, наверное, подскочила на метра два… хотя нет, я бы тут же сгруппировалась, вскочила на ноги и вытащила Лехо из

моей кровати за ногу, а теперь только перевернулась на другой бок.

— Шелгэ, ты что, весь день проспать собралась? — обиженно над самым ухом спросил Лехо.

Я пробормотала что-то невнятное, спихнула мальчишку с кровати и накрылась одеялом с головой. Две недели недосыпа, а то и вовсе без сна, — это серьезно. Лехо обиженно засопел, поднялся и ушел, а я провалилась в сон. Не знаю, сколько прошло времени, наверное, немного, но меня принялись будить снова, но уже не таким экстравагантным способом, как падение на кровать.

— Шелгэ! Шелгэ! Шелгэ, просыпайся. Ну что ты, в самом деле, весь день будешь спать? — спросил Ива.

— Ага, — лениво ответила я и спрятала голову под подушку.

— Шелгэ?

Ива поднял подушку, я отобрала ее и снова накрылась, вцепившись в нее мертвой хваткой.

— Ну как хочешь! — сказал Ива. Я, было, успокоилась, но рано.

Меня подхватили на руки вместе с одеялом и подушкой, и куда-то понесли.

— Ты что делаешь?

— Несу.

— Куда?

— В ванную.

— Что? — я подскочила у него на руках и уронила подушку.

— Вот, сразу проснулась! — усмехнулся парень, усадил меня на стул в кухне и поставил передо мной чашку кофе.

— Спасибо, — я сладко зевнула.

— О, проснулась-таки, засоня! — Лехо плюхнулся на стул напротив и тут же ослепил меня вспышкой.

— Эй! — возмутилась я.

— А, нам задали сделать несколько картинок весенней природы.

— А я к ней какое отношение имею?

— Ну, парочку я уже сделал, а остальные ниши куда-то же надо девать!

— И поэтому ты решил закартинить меня спросонья?

— А почему нет? Ты у нас теперь такая редкая гостья, что неплохо бы иметь хотя бы одно твое изображение, чтобы не забыть, как ты выглядишь! — пожал плечами Лехо.

— Меня всего две недели не было! — возмутилась я. — И это не повод картинить меня с утра!

— Вообще-то уже обед даже прошел.

— Да? Эх, скоро обратно ехать.

— Скоро?

— Ну, вечером.

— Значит, я успею доснимать все ниши! — порадовался Лехо.

— Пойду-ка я лучше умоюсь, — я встала.

— Здравая мысль, — одобрил Ива.

Я накрыла его одеялом и напомнила подобрать подушку с пола. Вскоре я была уже в бодрствующем состоянии и довольно неплохо приведенная в порядок.

— Вот теперь картинь, сколько хочешь! — разрешила я Лехо. Тот тут же щелкнул затвором.

Я махнула хвостом, он щелкнул еще раз.

— А еще! — попросил он.

Я усмехнулась и попозировала ему.

— Доволен? — спросила я.

— Вполне, — кивнул Лехо. — Только еще полно ниш осталось.

— У тебя еще Ива есть, — я махнула на притаившегося за косяком аладара. — Думаешь, тебя там не видно?

— Тебе видно, — согласился Ива, выходя из своего укрытия. — Ты знаешь, сколько я уже терплю его с этим чудом техники? Задали ему! Ему неделю назад задали, а он все до сих пор бегает и все картинит!

— Увлекся! — рассмеялась я. — Может, он великим картинщиком станет!

— Станет, как же! — скептически пошевелил ушами Ива.

— А давайте, я вас вместе щелкну! — оживился Лехо.

— Нет уж, лучше я вас.

— Давай, — тут же согласился Лехо. — А потом я вас!

— Хорошо, — кивнул Ива, поскорее забирая у него картинограф.

А мне что? Я люблю картиниться, а особенно с кем-нибудь. Мы покривлялись перед объективом еще и вместе с Лехо.

— Все, теперь твоя очередь! — сказал Лехо, забирая картинограф.

— Не-э-э-э! — протянул Ива и отошел подальше.

— Как это! Ты обещал!

— Это была шутка.

— Ива!

— Я все равно жутко на картинках получаюсь, — Ива сделал еще пару шагов назад.

— Тогда не надо было обещать, — резонно заметила я.

— А он тогда бы не отстал, — развел руками Ива.

— А что, теперь отстанет, раз ты его обманул?

— Ива, ты обещал!

— Не-э-э.

— Сейчас, погоди.

Я поймала ускользающего аладара за руку.

— Пошли выполнять обещание.

— Нет! — Ива попытался удрать, я не дала. — Шелгэ!

— Ива!

Лехо хихикнул.

— Снимай, пока есть возможность!

Мальчик поскорее щелкнул затвором.

— Ахтран! Все теперь?

— Нет, — спокойно сказала я.

— И что еще?

— Пара кадров, а то и штук пяток.

— Сколько-о?

Пока Ива переваривал полученную информацию, я перевела его в центр комнаты и поставила там.

— Как ты хочешь, чтобы мы встали? — спросила я.

Лехо воодушевился.

— У-у-у, — через пять кадров взвыл Ива. — Ну хва-а-атит, уже!

— Еще три ниши осталось.

— Это издевательство!

— Ага, ты над нами издеваешься! На каждый кадр по десять минут тратить приходится!

— ВСЕ! — Ива рванул в сторону двери, я, поймав его за руку, в обратную сторону.

Вот теперь я поняла, как он все сшибает, и очень удивилась, как он постоянно не падает. Я тут же потеряла равновесие и упала на подвернувшийся под колени диван, Ива — следом. И как он с такой инерцией вообще умудряется двигаться! Зачем я его дергала?

— Да что же ты такой неповоротливый! — ужаснулась я, спихивая его с себя и принимая сидячее положение на диване. Ива так и остался лежать на нем, только повернулся на спину, и теперь безуспешно пытался вытащить из-под себя руку.

— Кхххх, — прыснула я и расхохоталась в голос.

— Чего смешного? — насупился Ива.

Я подпихнула его в спину, руку он тут же вытащил, а сам плюхнулся обратно, причем голову на сей раз положил мне на колени. Я хохотала, как безумная. Ох ты господи, и откуда же у меня в группе такие проворные аладары-то взялись, если на свете живут такие вот чуда!

— И ничего смешного, — обиделся Ива.

Я из спортивного интереса придержала его, он так и не смог

подняться.

— Шелгэ! — гневно воскликнул Ива.

— Ик… хи… и-и-и, ха-ха-ха-ха-ха, — прорвало Лехо, который до того никак не мог просмеяться, и лишь сгибался все ниже, видя все происходящее на диване, даже про картинограф забыл.

— Да, ахтран, дай мне встать!

— Возьми! — я уже не держала, только смеялась.

— Нет, погоди! — воскликнул Лехо. — Подожди, я скартиню!

— Ну уж нет! — Ива решительно рванулся что бы встать.

Я в последний момент поймала его за плечо и вернула на место.

— ШЕЛГЭ!

Я хихикала.

— Да, Шелгэ, что ли!

Я погрозила ему пальцем, хихикая и глядя на него сверху вниз, он поймал мою руку и на всякий случай не стал отпускать. Ну теперь он точно не встанет, если меня не отпустит.

— Ну ты…

Я щелкнула его по носу и тихонько дернула за ухо.

— ЭЙ! — Ива мотнул головой.

— Ну не шевелись! — сказал Лехо.

Я поймала аладара за ухо, дабы тот не смел поворачивать голову в ненужном направлении.

— Ах так?

Как было с моей стороны неосмотрительно оставлять хвост на произвол судьбы! Ива бессовестно этим воспользовался и подергал меня за хвост, чем вызвал у меня новый приступ смеха.

— Лехо, снимай быстрее, а то я со смеху помру! — сообщила я.

Ива снова подергал за хвост, я в долгу не осталась и подергала его за ухо. Он снова дернул за хвост, я шикнула на него сверху.

— Лиулю! — протянул Ива. Так у них с маленькими детьми сюсюкаются.

— Аштараван! — а это боевой клич арийцев.

— Шелг!

— Ив!

— Ну Шелгэ!

— Ну Ивастас!

— Ой не могу! Я со смеху помру! Я пошел обрабатывать картинки!

Лехо пулей выскочил из гостиной.

— Что он там наснимал! — ужаснулся Ива.

— Могу себе представить! — я снова расхохоталась.

— Вряд ли, — усмехнулся Ива.

Теперь когда картинограф исчез из поля зрения, он уже и не спешил подниматься. Или решил, что все равно не встанет? Да нет, вон даже поудобнее улегся. Я поймала пару белых прядей и завязала их бантиком на ухе.

— Эй! — Ива подергал ухом, и узелок упал.

— Чего красоту портишь! — пожурила его я, распутала пряди и откинула ему из на лицо. Ива моргнул и посмотрел на меня одним глазом. Я критически осмотрела результат.

— Нет, это как обычно, — раскритиковала я и отвела пряди от лица. — А вот это другой разговор.

Я выудила их своих необъятных волос самую маленькую заколочку и закрепила Иве пряди надо лбом, чтобы они не падали на лицо. Оглядела результат и заплела две косички на висках. Белые волосы послушно укладывались, как мне того хотелось. И почему у меня таких послушных нет? Волос полно, а толку никакого! Лучше бы поменьше, но послушные, или еще лучше волнистые. Неожиданно я почувствовала знакомую вибрацию прядей в руке, и до меня дошло, что Ива мурлычет. Унявшийся было смех снова решил отвоевать свои позиции, как я ему ни сопротивлялась. В итоге я все-таки рассмеялась, но списала этот смех на результат парикмахерской деятельности, а не ее последствия. Ой и весело!

— Ива, Шелгэ, идите смотреть! — воскликнул Лехо. — Да вы только посмотрите!

— Пошли, увидим, что он там наснимал, — я подпихнула Иву, чтобы он, наконец, все же встал. Тот с явной неохотой поднялся с дивана, я встала следом, и через секунду мы уже были в комнате у Лехо.

— Вот!

Мне в руки легла свежая картинка. Боги, вот это кадр! Я сидела на диване и крайней хитро посматривала в сторону, левую руку держал Ива, правой я придерживала его за ухо. Сам же Ива смотрел в кадр с таким мученическим выражением лица, что казалось, будто я его вообще замучила, а если еще и учесть, что хвост в кадр попал только частично, и то, что он за него дергает, было не видно, то впечатление ничем не портилось.

— Вот я маме пожалуюсь, как вы надо мной издевались! — хитро сказал Ива.

— Ага, я тоже!

Я передала ему следующую картинку, нарочно перевернув ее кверху ногами. Теперь получилось, что это Ива, злой и коварный, типа, прижал бедную меня к дивану и не отпускал. Ива долго никак не мог понять, как же это так получилось, пока я,

сжалившись, не перевернула картинку.

— Ну, а вот самая-самая! — гордо объявил Лехо, издали показывая нам еще одну картинку.

Оказывается, он все же скартинил нас, хотя я думала, что со смеху обо всем позабыл. Дело было еще в полете, так что я довольно живописно зависла над диваном, Ива — надо мной, а в центре кадра были наши сцепленные руки. Н-да, картинка «Познание истины, или как арийка изведала горести аладарского равновесия». Я снова расхохоталась.

— Лехо. Супер! — похвалила я.

— Чего? — удивился мальчик.

— Ты гений! Такая картинка!

— А я думал, ты будешь ругаться и скажешь отдать, — удивился младший аладар.

— Конечно, скажу! Это же надо в рамку вставить. Такого кадра больше не будет! — заверила его я.

— Ты серьезно?

— Конечно! Я даже название придумала! — я тут же озвучила им то, что пришло мне в голову, когда я увидела картинку впервые.

— Точно! — рассмеялся Лехо.

Ива тоже покивал, но было заметно, что мое мнение он не разделяет. Он еще пару раз глянул на картинку с интересом, и, вздохнув, отвернулся. Нет, все равно детский сад!

В академию я уехала в приподнятом настроении, тем более что самая напряженная часть обучения прошла, и теперь должно стать легче и интереснее. Может быть, я смогу даже находить свободное время. Думаю, надо будет как-нибудь позвать куда-нибудь Иву, а то от него не дождешься.

— Ну что же, самое сложное уже позади, и вы все справились, — сообщил главный маг. — Управлять своей силой вы научились, теперь вы будете учиться ею пользоваться на благо себе и обществу. В этом году вас довольно много, и поэтому мы поделим вас на две группы. Правда, одна группа вышла больше другой, но это не важно.

Та-ак, что-то мне это не нравится. Да еще я в меньшей группе, но зато здесь все, с кем я летела сюда в Олеа, плюс еще шесть олеанцев, а во второй группе еще полсотни олеанцев. Что-то мне это все больше не нравится…

— Здравствуйте, и сразу скажу, вас так поделили не случайно, — сказала женщина в одежде мага. Наверное, молодой специалист. Ладно, хоть правду говорит. — Сейчас я вам все популярно объясню. Как вы уже, наверное, поняли, вас собрали по всему миру и привезли сюда в Олеа, чтобы научить вас

пользоваться силой. Вас таких в мире 21 человек, и все вы сейчас здесь.

— А чем мы такие необычные? — не вытерпел Радан.

— Все по порядку, молодой человек, — сказала женщина. С ее стороны это выглядело странновато, ибо она и сама не была такой уж старой. — Не обольщайтесь, не все выглядит так, как это есть на самом деле. Итак, о вашей силе. Она уникальна. Еще несколько лет назад ее вообще не считали магически пригодной, и лишь совсем недавно открыли удивительные свойства такой, как у вас, энергии. В чем ее удивительность? А в том, что она совсем не такая, как прочая магическая энергия. Отличается она во всем, начиная со стандартных заклинаний, которые у вас не получатся ни под каким предлогом, и заканчивая психоделическим направлением магии, которая до сих пор не поддается изучению, но для вас не представляет сложности. Да, именно так. Ваша магическая энергия полностью настроена на сознание, и не только на человеческое. Чисто теоретически вы можете все! Но самое важное — вы можете манипулировать людьми. Внушать им страхи и давать надежду, заставлять совершать определенные действия, или же, наоборот, заставить отказаться от попыток что-то предпринять. Именно вы — самая опасная категория людей в мире, противостоять вам практически нереально. Впрочем, не обольщайтесь: чтобы достичь такого могущества, вам придетесь учиться, а обучение магии возможно только здесь, в академии колдовства, под нашим бдительным присмотром. В процессе исследований найдется и противодействие. Без нашей же помощи у вас ничего не получится, а стоит нам рассказать о ваших возможностях властям, как вас тут же лишат свободы и будут изучать принудительно. В общем, выбора у вас нет. Однако не буду скрывать: вы нам очень нужны, вы и ваши таланты. Магия зашла в тупик, нам нужен новый материал, толчок для развития. Этим толчком и будете вы. Мы предлагаем вам сотрудничество. Ваши таланты и наши знания в коалиции могут сделать все что угодно. Я понимаю, что это для вас неожиданно, выглядит весьма подозрительно и даже угрожающе, но по-другому не получается. Или так или никак. Решайте.

— Я не хочу учиться магии! — фыркнул какой-то деценсеец.

— Такой вариант возможен. Тогда вам вживят в тело актир — камень, блокирующий магические способности, как обычные так и необычные, и вы сможете продолжить жить дальше. Однако пути назад не будет — при соприкосновении камня с кровью ваши способности уйдут навсегда.

— Ну и фиг с ним!

— Ваше право, однако мы просили бы вас не решать так поспешно. Таких, как вы, очень мало, и нам дорог каждый. Если вы закончите обучение или даже продолжите его в дальнейшем, то вы будете знамениты и обеспечены. Мы вам это гарантируем.

— Вот уж не хочу я такой знаменитости, — фыркнула я.

— Те, кто не хочет, ее и не получит. Тайны хранить магическое общество тоже умеет, поэтому до сих пор ничего о вас до правительства и не дошло.

— Да, конечно, куда удобнее собрать всех у себя и не отпускать, — пробормотала Аиша.

— Удобнее, — кивнула женщина. Вот ведь ушастая! — Но не только нам, но и вам.

Что ни говори, но правда в ее словах тоже была, и ее было много, — жестокая, не оставляющая выбора, убивающая всякие иллюзии правда. У нас действительно нет выбора, мы такими родились.

— Думайте! — сказала женщина и застыла, как изваяние, сложив руки на груди. Повисла гробовая тишина.

— Шелгэ, что думаешь? — как можно тише сказала Аиша.

— У нас нет выбора, — пожала я плечам, даже не стараясь понижать голос.

— Тише!

— А что толку? Аладары все равно нас слышат, к тому же маги могут при желании еще усилить свой слух.

Женщина скептически скривила губы, показывая тем самым, что я не ошиблась.

— И что же ты предлагаешь? — все равно шепотом спросила Аиша.

— Я? Ничего? Это они нам предлагают и ничего, кроме согласия, не ждут. У нас нет выбора.

Шум нарастал и постепенно перерастал в спор. Женщина и аладары, стоящие по периметру комнаты, стали постепенно прижимать уши к голове. Да, а вот шумом мы их, пожалуй, возьмем.

— Шелгэ, ты серьезно считаешь, что нам нужно согласиться?

— Нужно, по крайней мере, сделать вид и посмотреть, что будет. Здесь этих магов столько, что живыми нам не уйти, но все же они не хотят нам вред причинять, они хотят нас изучать. А нам нужно выбраться отсюда, поэтому мы должны втереться к ним в доверие, а уж потом решать, бежать ли нам отсюда без оглядки, или же остаться и сотрудничать. Если все обстоит действительно так, как они говорят, то лучше всего действительно держаться вместе.

— Думаю, ты права, — вздохнула Аиша.

— Мы согласны, — гаркнула я. Звуки все снова пропали, будто кто-то выключил приемник.

— Ты за себя говори! — сказал все тот же деценсеец.

— Хочешь шкуры раньше времени лишиться? Давай, откалывайся! — на арийском с максимальным сленгом сказала я. Если здесь есть кто-то из аладаров, кто понимает арийский, то сленг для них окажется не по зубам. А вот деценсеец понял. Молодец, сразу заткнулся. Остальные решили, что я сказала ему что-то весьма глубокомысленное, и спорить не стали, приняв мой авторитет в этом вопросе.

— Согласны? — переспросила женщина.

— Да, — ответила я, все согласно закивали.

— Могу ли я знать, почему вы приняли именно это решение.

— Нет, — без обиняков ответила я.

— Что ж, ваше право. Рада, что вы согласились добровольно, и не пришлось применять ничего более убедительного. Еще раз повторю, вы нам очень нужны.

— Надеюсь, не для опытов, — пробормотала Аиша.

— Скорее, это вы будете проводить опыты на нас, а не наоборот, — совершенно серьезно сказала женщина.

— Что? — удивилась я.

— К сожалению, за сохранность тайны мы можем ручаться только за магов, но материал для опытов вам будет обязательно нужен, поэтому в этой роли придется выступать тоже магам.

Опа, а это уже действительно интересно. Видимо, все действительно серьезно, и ни о каком подвохе и речи нет, раз уж маги позволят экспериментировать на себе.

— Теперь более подробно. За эти две недели, пока другие будут осваивать азы магии, вы будете делать аналогичное, только в своей отрасли. Мы примерно знаем, что и как делается, а так же в какой последовательности. Но в большей степени вам здесь придется полагаться друг на друга, нежели на нас, магов. В этой области мы, увы, бессильны. С сегодняшнего дня вам всем раздадут амулеты, блокирующие силу. Мирное население не должно пострадать, а эти амулеты — единственная гарантия, что вы ни специально, ни случайно не причините никому вреда. Это те же самые камни, актиры, они единственные блокируют магические способности полностью. Однако их вам не будут вживлять, а только попросят надеть на себя, но следите, чтобы они не соприкасались с вашей кровью, иначе вас ждёт полная потеря способностей. Это большой риск с нашей стороны, ибо актир — очень редкий камень, почти смертельный для магов, и поэтому он находится на строгом учете магической ассоциации. Это сделано для вашего же блага. Мы, конечно же, могли бы

запереть вас в академии, ибо на это не нужны никакие разрешения. Однако не думаю, что вас устроит такой вариант, потому что вы захотите жить так же, как и жили, а поэтому вам придется носить такие амулеты, на них соответственно будет наложено заклинание неснимаемости. Избавиться от них вы сможете только после прохождения полного курса обучения, то есть не ранее, чем через две недели, но и это маловероятно, ибо за две недели изучить ваш феномен нереально. А теперь прошу вас на занятие. На сегодня задание довольно простое. Вам нужно научиться видеть мир не глазами, а сознанием, то есть видеть те сознания, на которые вы можете воздействовать. Это лишь первая ступень к могуществу, но и ее вам придется переступить, чтобы суметь научиться управлять разумом и чувствами существ.

О-о, вот теперь я точно знаю, как это брести незнамо куда, незнамо зачем и совсем уж непонятно, почему. И самое главное, что я дошла и нашла то, что мне нужно. Хотя и прошло никак не меньше пяти часов непрерывной медитации, но я, наконец, увидела эти самые сознания, трепещущие от малейшего дуновения мысли, моей мысли. Из них можно лепить послушных кукол, я могу сделать все, что угодно, еще бы понять, как управлять своими мыслями, чтобы они указывали нужное направление чужим. А пока все происходит весьма спонтанно и малозаметно для окружающих. Нужно учиться!

Нам выдали цепочки с малюсенькими прозрачными камушками. Слава богу, что они такие маленькие: мое воображение уже успело нарисовать длинную цепь, на одном конце которой я, а на другом — громадный булыжник. С таким камнем только топиться в море! Но нет, нам раздали маленькие, красивенькие амулетики, которые издавали мягкий мелодичный звон при движении. Какая вещь! Я тут же прицепила его на хвост.

— Это еще что? — удивилась женщина, которая персонально заколдовывала каждый амулет.

— А что, есть принципиальная разница, где носить амулет? Мне нравится на хвосте.

— Нет, но…

— Какая разница, если он все равно не свалится, я же его при всем своем желании не потеряю, а он так красиво звенит.

Я положила хвост ей в руку, дабы она его заколдовала. Пробормотав что-то о ненормальных арийцах, аладарка оставила мой хвост в покое, предварительно закрепив на нем цепочку.

— Эх, везет тебе, Шелгэ! — вздохнул Митдин. — А я бы его с удовольствием повесил над кроватью! Так здорово утром проснуться, и такая вещь прямо под рукой! А над кроватью нельзя? Нет, нельзя… хватит и на хвосте? Жаль, ну давайте мне

тогда на руку, все интереснее. Не разбить? А то порежусь! Понятно, конечно, что же тут непонятного, но вы уж меня за аладара-то не принимайте, ладно? Ага, я все понял. Да, все равно на руку!

Похоже, к концу процедуры аладары были в глубоких сомнениях относительно своей затеи. Конечно, из всей группы только несколько аладаров и один деценсеец надели цепочки, как положено, на шею. Оставшиеся два арийца, как и я, изъявили желание прикрепить к хвосту. Часть риварцев закрепили амулеты как браслеты на запястьях, а часть на лодыжках, а деценсейцы вообще кто во что горазд. Кто на плечо надел, кто на лоб закрепил как ремешок-хайратник, кто к серьге на ухе пристроил. Ну да, дурной пример заразителен.

Учиться стало и впрямь легче! Теперь мы не тратили время на бесполезное сидение и ожидание непонятно чего. Мы стремились к совершенно определенным результатам: почувствовать, дотянуться, помыслить, сдвинуть, поправить, изменить. Зато в университет я ходила как на праздник. По сравнению с колоссальными нагрузками в академии магии, в университете была лафа! Особенно я радовалась тренировкам, где больше требовалось от тела, нежели от разума. На них я просто отдыхала от всех этих «погрузись в себя», «проникни в сознание», «почувствуй и подействуй». Здесь нужно быть бить под нужным углом с нужной силой, вовремя уворачиваться или парировать удары.

— Ив, привет, я, наверное, сегодня не успею домой, останусь в общаге. Не получается, — поймав где-то на перемене аладара, сообщила ему я.

— Как хочешь, — холодно отозвался он. С чего бы это?

— Просто нам неожиданно практику перенесли на ночь. Я сегодня с утра была свободна, но у тебя были занятия, а теперь вот мне после пар обратно туда бежать, — пояснила я.

— Ты не обязана отчитываться, — так же отстраненно ответил парень.

— Ив, ты чего?

— Нет, ничего.

Я задумалась. А чего это он? Я вроде бы ему ничего такого не сказала, ничего не сделала, не обидела… Чео-о-о-о-о-рт. Я же совсем забыла! Забегалась и забыла, что мы с ним должны были позавчера встретиться.

— Ив, прости меня ради бога, я забыла. Сначала нас задержали на семинаре, а потом мне пришлось кое-что объяснять Аише, а потом у меня уже не было сил.

Парень повернулся и посмотрел на меня. Боги, да неужели он

так на меня обиделся?

— Ив, ну я, правда, забыла, я не специально, просто закрутилась.

— Значит, обо мне можно вот так вот не специально забыть? — спросил он.

— А что, было бы лучше, чтобы я забыла специально?

— Лучше, чтобы ты вообще не забывала!

— Ну уж как получилось, — вздохнула я. — А ты мне тетрадку принес?

— Принес, принес, — недовольно сказал Ива. — Как что-то принести, так «Ива, ну, пожалуйста», а как встретиться, так «А я забыла!» Я вот тоже возьму и забуду!

— Не забудешь, я знаю! У тебя отличная память!

— С чего ты взяла?

— Да столько сводов законов помнить, литературу, историю, да еще и эту драную философию! Это я не знаю, какую память надо иметь!

— А вот поэтому я и забуду! Все это помню, а вот про тебя забуду!

— Ну не надо, я больше не буду, ну постараюсь ничего не забывать. Еще неделя осталась!

— Неделя…

Ива тем временем достал из сумки мою старую тетрадь по расчетам, в которой мне было нужно одно довольно сложное решение, и отдал ее мне. Я поскорее сунула ее в свою сумку и чмокнула аладара в щеку.

— Спасибо, увидимся!

Так, теперь бы все успеть. А то сегодня ночной практикум и проверка на животных, но это днем, надо бежать после пар быстрее. Да еще и этот задрипанный семинар по обострению интуиции. Когда он там? Ага, он завтра, еще успею выспаться. Боги, лишь бы везде успеть! Ну как же медленно тянется пара!

— Шелгэ, можно тебя? — спросил Вальд.

Вот черт, и почему именно сегодня приспичило? Столько же времени все было в порядке. Я уж и думать про него забыла.

— Вальд, а недельку это не подождет? Я закончу обучение в академии, и тогда у меня будет куча свободного времени, а сейчас его даже несвободного катастрофически не хватает. Мне надо бежать.

— Ничего, пойдем, я тебя провожу.

У-у-у-у, ну за что мне все это…

— Ладно, пошли.

Я вскинула сумку на плечи и быстро зашагала к выходу. Может, ему такой темп ходьбы не по зубам? Ага, как же, если он

не практик, это не значит, что он не умеет быстро ходить.

— Помочь сумку донести?

Я посмотрела на него как на умалишенного. Он совсем сдурел? Арийке помогать сумку нести… да у меня сил побольше, чем у него!

— Да знаешь, тут бы обратное предложение больше подошло, — усмехнулась я.

— Извини, забылся.

— Так что тебе надо?

— Да, собственно, все то же. Я в тот раз погорячился, конечно, но ты мне все равно очень нравишься, и я хотел спросить, не передумала ли ты относительно наших с тобой отношений?

— Наших чего? — хмыкнула я. — Нет, не передумала.

— То есть только друзья?

— Да, — ответила я, хотя с языка так и норовило сорваться «враги».

— Жаль. Просто я смотрю, у тебя тут молодой человек появился.

— И что? — резко спросила я. Смотрит он! Тоже мне фифа! Да «молодой человек» — это громко сказано, скорее, хороший друг, и ни шага дальше.

— Да ничего, просто странный выбор. Уж я точно ничем не хуже.

Уже тем хуже, что априори считаешь себя лучше других!

— Ну уж извини, это не твое дело, не тебе с ним дружить! И вообще, чем это он странный?

— А ты не знаешь?

— Чего?

— Ну, он вообще-то немного психически нездоров.

— Чего? Откуда такие больные фантазии? — расхохоталась я. Нет, ну на все человек способен, чтобы только получить желаемое. Уже и врет внаглую и в глаза.

— Это не фантазии, — помотал головой Вальд. — Это общеизвестный факт.

— Ага, настолько общеизвестный, что я не в курсе!

— Ну, тебя просто тогда в Олеа не было.

— Когда? Хватит темнить, говори прямо или иди в море искупайся!

Интересно, почему самый страшный посыл для аладаров — искупаться в море? Я вот обожаю купаться в море.

— Он самоубийца.

— Чего? — не поняла я. — Какой еще самоубийца! Он вполне жив и не призрак.

— Ну хорошо, не так выразился, он неудавшийся самоубийца. Откачали его, когда он вены себе вскрыл.

— Слушай, что за бред ты несешь? Думаешь, если у арийцев уши другой формы, то на них можно всякий бред навешивать?

— Это не бред. Это было года два назад, он тогда рехнулся и вскрыл себе вены, ладно еще, папаша пораньше домой пришел, а то бы уже не спасли. Но он на следующий же день опять попытался уже в больнице проделать то же самое, швы, короче, разорвать, хорошо, медсестра успела прибежать. Потом там за ним пристально следили, не давали ничего с собой сделать, потом вроде бы оклемался, понял, что так поступать нельзя, и вот два года вроде как живет. Но это не показатель. Он после этого покушения на свою жизнь какой-то странный стал, того и гляди, снова что-то подобное выкинет.

— И где только таких сволочей, как ты, берут? — воскликнула я. — Не получилось в лоб, так я в обход обойду, но свое возьму! Ты в курсе, что за клевету сажают?

— Я ничего не выдумал!

— Ты этот бред все эти дни сочинял? Или сейчас импровизировал?

— Это не бред.

— Да иди ты уже со своими… Хватит уже мне хвост напудривать! Если мне будет нужно, я его сама лаком побрызгаю, без услуг посторонних.

— Но…

— Хватит нести чушь! Не желаю ее слушать! И видеть тебя не хочу! Терпеть не могу врунов! — зашипела я.

Вальд мгновенно изменился в лице.

— И не слушай! Не слушай! Потом поздно будет! — сказал он, развернулся и зашагал в другую сторону.

Ну что за потребность у людей говорить про других гадости за спиной, да еще и вранье? Посмотрела бы я на него, если бы он посмел это сказать Иве в лицо! Сумасшедший он, видите ли! А сам-то! Такое выдумать, уж не рехнулся ли Вальд сам на почве недостижимости желаемого.

— Шелгэ, ты чего? — удивилась Ия, растолкав меня посреди пары. — Спишь, что ли?

— Ага, у нас ночная практика была, я толком не выспалась. Ты разбуди, как эта философия кончится.

Если на практике, пока мы повторяли кнут и метали звезды, я еще держалась, то теперь сон окончательно сморил меня.

— Да ты что! Он же заметит! — Ия ткнула пальцем в преподавателя.

— Не-а. До сих пор же не заметил!

— Зато стал коситься на тебя, пока я сама внимания не обратила и не разбудила тебя.

— Вот и обращай почаще, только не буди. Делай вид, что со мной разговариваешь. Ий, я, правда, спать хочу — умираю…

— Ладно, — кивнула та и, как мне показалось, немедленно продолжила. — Шелгэ, вставай, надо на следующую пару идти.

— Как, уже?

— Еще пять минут назад.

Я зевнула.

— Эх… ладно, пошли.

— А что от тебя вчера Вальд хотел?

— Ой, да ну его в… в общем, ну его! Ни слышать, ни видеть не хочу! Он меня уже задолбал! Уже до откровенного вранья опустился, чтобы я на него внимание обратила. И Иву даже приплел!

— Н-да, не ожидала от него, — покачала головой Ия. — И что человеку неймется?

— А пес его знает!

— Он, кстати, к Иве тоже подходил.

— Да? Вчера, что ли?

— Да не только. Я его уже несколько раз видела: то в стороне стоит, то о чем-то левом разговаривает. То про магическую академию, то про владение оружием. В доверие, что ли, втирается?

— Или тоже какие-нибудь гадости говорит, мне про него, а ему про меня.

— Не боишься?

— Чего? Что он ему может сказать? Мне-то такую чушь наплел, а ему-то, наверное, и еще что-то более фантастическое напридумывает. Про меня-то он еще меньше знает!

— А что он там говорил?

— Ой, я даже это повторять не буду! Такой отборный бред я впервые слышала.

— Шелгэ, слушай, ты поняла, как делать нижний удар? — откуда-то сбоку подбежал Эрэт.

— Ну да. А что?

— Да мне бы отработать. Я вообще не въехал, как там кнут проворачивать, чтобы себе по ногам не заехать. Не могла бы ты показать?

— А что, других нет?

— Да, честно говоря, никто не понял. Меня к тебе командировали просить, а то Моад нам завтра голову открутит. Давай после пар, а?

— Сегодня? Я обещала…

— Шелгэ, выручай, правда голову открутит! — попросил Эрэт.

— Ладно, после пар покажу.

— Здорово. Спасибо! Должны будем! — кивнул Эрэт и побежал доносить радостную весть.

— Эх, опять домой не попаду, а я Иве обещала, что сегодня приеду. Ахтран…

— Н-да, плохо. Позвони, скажи, что не приедешь, — посочувствовала Ия.

— Да, конечно.

Я освежила оттиск.

— Привет. Я вот как раз по этому поводу. Да, не приеду. Пришлось все переиграть. Эрэт попросил помочь ему с нижним ударом кнутом к завтрашней паре, да там вообще почти вся группа в непонятках. Мне придется остаться и помочь, а потом я уже не успею доехать, в академии переночую. Ну, вот так получилось. Ну не могу же я всех послать? Завтра приеду. Точно? Эх, если бы я все точно знала. Увы, предвидеть будущее я пока еще не научилась, да и вряд ли научусь. Да даже если бы и умела, мне бы это мало помогло, ибо прорицание наука ой какая неточная. Ну, я постараюсь очень-очень, честно. Ладно, до завтра.

Я спрятала аудофон.

— Договорилась? — спросила Ия.

— Вроде бы. Так, теперь нужно сходить на семинар по обострению интуиции, а потом еще сюда учить этих балбесов нижнему удару. А пока я, пожалуй, еще посплю. Ий, прикроешь?

— Да куда же я денусь, — вздохнула аладарка.

За следующие две пары я хорошо выспалась и была готова и к семинару, и к дополнительной практике. Главное потом лечь спать пораньше. А ладно, сделаю расчеты завтра утром, перед парой, сегодня все равно на них сил не останется.

Кажется, я легла спать слишком рано и слишком долго спала. Или я просто уже настолько привыкла спать по четыре-пять часов в день, что теперь восемь для меня перебор? Еще и эти расчеты с утра! Может, это от них так голова болит? Хотя не столько она болит, сколько просто беспокоит. Ой, да меня все сегодня беспокоит! Как перед первым публичным поединком. И чего я боюсь? Не расчетов же, в самом деле! Это фигня, не из-за них же я на месте сидеть не могу.

— Шелгэ, ты опоздаешь, — крикнула Аиша, подхватывая сумку и выходя из комнаты.

— Да, уже иду!

Я шла на теорию магических потоков, а беспокойство все нарастало, достигая уже отметки «паранойя». Кажется, я схожу с ума! Хватит уже думать непонятно о чем, пора возвращаться с небес на землю, хотя скорее подниматься из ада. Я так больше не могу, как будто через минуту наступит Конец света. Лучше бы я не ходила на этот семинар по обострению интуиции, у меня мания преследования из-за нее будет. Ну, по крайней мере, невроз точно разовьется. Сколько можно бояться, озираться, ожидать непонятно чего? Хватит, сейчас теория магических потоков, надо сосредоточиться на ней, а то я ничего путного не напишу.

— Шелгэ! Шелгэ! Да Шелгэ, очнись ты, наконец! В астрал, что ли, вылетела? ШЕЛГЭ! — Ията никак не могла меня дозваться.

— Извини, задумалась.

— Ты весь день какая-то странная.

— Да голова болит, и вообще, наверное, я заболела.

Да точно, никогда я еще себя так плохо не чувствовала.

— Может, тебе тогда домой пойти? Приляжешь, поспишь, и все пройдет, — сочувственно предложила подруга.

— Да нет, дома я вообще с ума сойду, — я потерла виска пальцами. — Если уж я в здесь умудряюсь отключаться от происходящего, то дома и вообще…

— Как хочешь, но мне кажется, тебе все же лучше пойти домой, — сказала Ията.

— Ия! Ты мне… — позвал ее Данмар, а я на полуслове отключилась и снова погрузилась в странные ощущения, не то предчувствия, не то предпосылки. Н-да, шизофрения подкралась незаметно. Господи, голова-то как болит.

Я прикрыла глаза и тут же в сознание, как будто врезался светящийся клинок.

Ива… Домой…

Я подскочила на месте.

— Шелгэ! — позвала Ия, когда я была уже на пороге аудитории. — Ты куда?

— Домой. Думаю, ты права, мне надо… поспать. Скажите профессору, что я заболела.

И не слушая ответа, я вихрем вылетела из аудитории, а потом и из университета. Так. Нужная мне энергичка, что же она тащится так медленно! Ничего не понимаю…

Я остановилась только у порога квартиры.

Чего я сюда прибежала? Там ведь никого нет, Танра и Энат на работе, Лехо в школе, а Ива у друга. И чего это я решила, что он дома, и почему именно сейчас… Почему? Я медленно открыла дверь и тихо ее прикрыла. Что со мной? Что такое? Я прижалась

спиной к двери и прикрыла глаза. Надо показаться врачу, а еще лучше магу. Из кухни донеслись какие-то звуки. Сердце гулко стукнуло и затихло.

— Интуиция, — одним губами сказала я.

«Там, где бессильна логика и наука, ведет интуиция» — припомнила я первую фразу семинара.

Я медленно и очень тихо стала подходить к кухне. Нервы были напряжены до предела, сердце, еще недавно пустившееся вскачь, почти мгновенно утихло и стало биться ровно и медленно, как всегда перед боем. Я сгруппировалась и собралась на мгновенье выглянуть из-за косяка, дабы оценить обстановку, но так и застыла на месте…

Кругом были разбросаны кухонные принадлежности, один шкаф был опрокинут, несколько разбитых тарелок и кружек лежали около него. В центре всего этого бедлама стоял кухонный стол и рядом с ним — Ива. Он стоял, сгорбившись, обняв себя руками, понуро смотря в пол. Господи, да что же здесь такое произошло?

— Что тут такое случилось? — спросила я. Аладар не пошевелился. — Ива! Ты что…

Парень подскочил на месте и обернулся ко мне. Бог ты мой! Все руки исцарапаны, на рубашке ни одной пуговицы, да и швы местами разошлись. Брюки оказались покрепче, но и на них виднелись следы грандиозного побоища. Я бы, может, спросила, с кем он дрался, если бы слова не застряли у меня где-то в горле. Он повернулся, и волосы на мгновенье открыли его лицо. С таким лицом не дерутся, с таким убивают или идут на смерть: тяжелый непроницаемый взгляд с застывшим мгновеньем в зрачках, перекошенный рот, брови, сошедшиеся на переносице. Так убивают голыми руками, а не разменивают по мелочам.

— Уходи! — зло прорычал Ива.

— Что???

Я не могла уйти, даже если бы захотела этого больше всего на свете, даже пошевелиться не могла. Его взгляд, его голос, приковали меня к месту и связали по рукам и ногам. Неужели это Ива, с которым я так долго жила под одной крышей, с которым я подружилась, которого я… люблю…

— УХОДИ! — голос сорвался. — Достаточно уже посмеялась, — хрипло сказал он. — Довольно! Хватит с меня! ВОН!

Он резко взмахнул рукой, указывая на дверь, и этот жест вывел меня из ступора.

— Ива…

— УХОДИ, Я СКАЗАЛ! Иди к своему или к своим! К кому

хочешь! Хватит делать из меня посмешище! Я не позволю больше над собой смеяться! — медленно, чеканя каждое слово, выговорил он и неожиданно снова сорвался. — Я человек, я не игрушка! ХВАТИТ ИЗДЕВАТЬСЯ!

— Я не понимаю.

— ХВАТИТ! Хватит делать из меня идиота! Да, я тупица, каких поискать, но я человек! — кажется, он голос сорвал… Но что случилось? Почему он обвиняет меня? — Иди к…

— К кому ты меня все посылаешь? — я окончательно ожила.

— А ты думала, что я вообще слепой! — едко поинтересовался Ива. — Ничего не вижу под собственным носом! Правильно, куда уж мне, жердине такой, что-то разглядеть! Меня можно косички на ушах плести, я и не замечу! Сейчас со мной, а потом уже с этим мохноногим придурком, и тут же уже с хвостом, и с этим мышиным, а потом и еще куча. А я — ничто! Я могу и подождать, мной можно пренебречь, мной можно заткнуть дырку в расписании, можно использовать, можно играть, а можно и ЗАБЫТЬ. Нет уж! ХВАТИТ! УХОДИ! Не мешай!

— Чему не мешать? — осторожно спросила я, увидев веревку у него в руках.

— Ха! Тебе и сейчас нужно посмеяться? Не насмеялась еще? Ну, смейся! СМЕЙСЯ! Подумаешь, ко всем издевательствам еще и это приплюсуется. Сущий пустяк! — Ива говорил скорее сам с собой, чем со мной, и от этого становилось еще страшнее.

— Что это?..

— Вот это! — беззаботно ответил Ива, взмахнул веревкой и без каких либо усилий вспрыгнул на стол. Через мгновенье я увидела веревку, защелкнутую в креплении для люстры, которая валялась где-то у окна.

— ИВА! — воскликнула я.

— Чего тебе еще надо? — зло прокаркал он. Видимо, все же голос он сорвал капитально.

— Слезь, пожалуйста, оттуда, — попросила я.

— А ты думала, все так и будет продолжаться? Я буду уши развешивать, а ты — посмеиваться из-за угла? Нет уж, дорогуша, хватит! И знай, в этом виновата ты, только ты, и больше никто!

— СЛЕЗАЙ! — крикнула я.

Ива просунул голову в петлю, криво усмехнулся и спрыгнул со стола. Реакции тела быстрее, чем разум, натренированные мышцы заранее знают, что и когда им делать. Поэтому я даже не удивилась, когда рука сама по себе выдернула звезду из поясного крепления, короткий взмах — и звезда до половины вошла в стену за веревкой. Промахнулась?

Ива рухнул на пол, не удержался, упал на колени и

накренился, падая на пол, но я не дала. Да что он себе вообще возомнил?

Я резко дернула за веревку, упавшую к моим ногам, заставляя парня ухватиться за стол и устоять на коленях. Я схватила его за волосы и подняла голову, так чтобы он смотрел мне в глаза, сильно дернув назад.

— А теперь слушай меня! СЛУШАЙ! — гаркнула я. — Не знаю, кто там и что тебе наплел, но это я тут не причем! Хочется считать, что кто-то виноват в твоих беда, — пожалуйста! Лично твой выбор, но меня сюда НЕ ВПУТЫВАЙ!

Шипение вперемежку с утробным рычанием быстро привели аладара в не то чтобы адекватное состояние, но, по крайней мере, речь он уже воспринимал, и тут же ответил.

— Не впутывать? А не ты ли все это устроила? — с вызовом спросил парень.

— НЕ Я! Этот погром устроил ты!

— А кто довел?

— Хочешь почувствовать себя несчастным? Устроим! — я с силой дернула его за волосы, заставляя подняться на ноги. Парня шатало. — Я во всем виновата? Да?

— ДА!

— Ну, пусть хоть бы заслуженно буду виноватой! — решила я. Какого черта он тут выдумал! Что за комедии! Я у него виновата! И в чем? В чем, позвольте узнать??? Но вот сейчас точно буду виновата!

Я, не замахиваясь, всадила ему кулак под дых. Парень согнулся пополам и перестал дышать. Конечно, я могу и без замаха вкладывать в удар чудовищную силу.

— Значит, я виновата?

Я позволила ему один судорожный вдох и закрепила результат. Парень снова повалился на колени, судорожно пытаясь вдохнуть.

— Удавиться хотел? Получите и распишитесь! — Я приложила его сверху, он окончательно распластался на полу.

Резкое движение ногой, и я перевернула его на спину.

— Один взмах, и я закончу начатое тобой! Больше ты уже с пола не поднимешься. Мог бы и раньше обратиться, я могу убить одним движением. Я умею. Один короткий взмах, и все проблемы решены! Меня не будет, тебя не будет, никто не будет смеяться и выдумывать всякую чушь, не будет в нее верить, не будет вешаться на кухне! Не будет НИЧЕГО! Всего один взмах!

Ива еле-еле вздохнул, и в его глазах я увидела страх. Ну, слава богу, пришел в себя. Я бессильно опустилась рядом с ним на пол. Я уж думала, ему и взбучка не поможет. Не ожидал,

видимо, от меня. Да и я от него тоже! Как он мог подумать! Как он мог поверить в ту чушь, что Вальд ему наплел?! И ведь это он наплел, я уверена! Больше некому! Вот Вальд, подгадал нужный момент, кот ты ободранный! Будет тебе, сволочь ты мохнатая, и на сметанку, и на творожок! Уж я тебе все припомню. И как только я раньше не догадалась! Что это он все около меня ошивается, другом, мол, буду. Ива сам не свой. А это он ему черт те что насочинял, а Ива и разбираться не стал. Наверное, все мое отсутствие ему объяснил, зараза! Да заодно еще и про группу мою наплел. Навыдумывал чуши, а этот балбес взял, да и поверил! Да и как не поверить! Меня все нет да нет. Внимания на него ноль, только когда свободная минута выдастся, а самой мне то одно надо, то другое! Сама только так опаздывала и не приходила, а от него требовала все и сразу! Только дурак бы не воспользовался, а Вальд умный. Собака!

Ива тем временем, воспользовавшись тем, что я так увлеченно думала, приподнялся и сел на полу, все еще с трудом дыша, и попытался отползти.

— ТЫ РЕХНУЛСЯ?! — заорала я, стаскивая с него веревку и отшвыривая куда-то в угол. — КАКОГО ЧЕРТА ТЫ ТУТ УСТРОИЛ?

Ива застыл на месте.

— Чего ты удумал? Кому ты поверил? Вальду! Да весь университет знает, что я отказалась с ним встречаться, а он отказы не принимает! ОН МСТИТЬ РЕШИЛ! У меня с этими способностями время свободное пропало, сил нет, и все что-то надо и надо, он и рад стараться все обставить так, как ему выгодно. И ТЫ ПОВЕРИЛ?! Ты ему поверил, что я такая… такая… Я даже слово такое на олеанском не знаю! Как ты мог?

— Так это все неправда? — с замиранием сердца спросил Ива.

— А ты не мог это выяснить до того, как истерику закатывать? — воскликнула я, все больше выходя из себя, теперь уже по-настоящему. До того я злилась на него, на себя, на Вальда, на тупую ситуацию, а теперь… У меня в голове не укладывается! Ну, как он мог обо мне так подумать?! — Как ты мог…

— Но все выглядело именно так, я сам видел, и Вальд…

— ВАЛЬД! ВАЛЬД! А я? Меня ты послушать не мог! Вальд лучше? — я уже кричала, выплескивая весь страх, которые пережила за последние минуты. Для Ивы это было слишком громко. Уши к голове он уже прижал, осталось еще руками закрыть, как он и порывался сделать, но почему-то останавливался. — Вот и верь ему, и дружи с ним, и пусть он тебя… Все к нему! Раз мои слова ничего не значат! Ведь главное, что Вальд сказал.

Мне никогда в жизни не было так обидно.

— Шелгэ…

— Вальд ко мне тоже подходил. И он тоже много говорил и про тебя, и про то, что будет, и насколько он лучше. Но я почему-то не поверила ему, что ты психопат, шизофреник, сумасшедший, что ты раз уже пытался покончить жизнь самоубийством, и что повторишь попытку, как только подвернется случай. Я не поверила ему! И что в итоге? ЧТО В ИТОГЕ?

— Шелгэ… — жалобно попросил Ива, осторожно протягивая ко мне руку.

— А в итоге он прав! — жестко оборвала его я.

— Ше…

— Не трогай меня! — взвизгнула я и вскочила на ноги, перед глазами все плыло от магии, рвущейся наружу. — Никогда больше! Не хочу тебя ни видеть, ни слышать! Не подходи!

Ива быстро, но с явным трудом поднялся на ноги и снова попытался ко мне подойти. Входная дверь с грохотом открылась, и в кухню вбежала Танра.

— Шелгэ, — снова позвал Ива.

— УЙДИ! — вскрикнула я и рванула к двери.

Ива рванулся за мной, преграждая путь. Это не преграда. Прыжок, несколько шагов по стене и Ива остался сзади. Бежать. Бежать! БЕЖАТЬ!

— ШЕЛГЭ-Э-Э!

Только бежать, иначе эмоции сольются с магией… и никакой камушек не поможет… Врут все маги, что он что-то там блокирует! Только преграждает, но любую защиту можно снести.

— Ива, — ахнул Танра. — Ты что, опять…

— Да… Нет! Мне надо бежать! — парень бросился к двери.

— Ива, ты что снова? — Танра поймала его за руку. — Снова хотел…

Женщина бессильно прижала руки ко рту.

— Мама, я такой идиот! Я наделал столько глупостей. Прости меня, ради бога. Я все понял, но мне надо бежать. Шелгэ…

Ива снова бросился к двери.

— Куртку надень! — успела крикнуть Танра.

Но он ее уже не слышал, он выбежал на улицу. Лишь руки на автомате подхватили куртку, следуя просьбе матери.

Не знаю, как я добежала до парка на самой окраине Каласты, но я была только рада. Здесь было тихо, безлюдно, но зато много тенистых аллей, фонтанов. Я присела на скамейку у особенно шумного фонтана, чтобы ничего кроме шума воды не слышать.

Ну почему? Почему он не мог подождать еще неделю, нет,

даже четыре дня! И как он мог поверить этим бредням Вальда? Ия же говорила, что Вальд как-то подозрительно часто мелькает около него. Почему я не обратила внимания? Если Вальд мне про Иву кучу всякого бреда нарассказывал, так что ему мешало и Иве рассказать что-нибудь в этом же духе? Но я-то не поверила, а Ива поверил. Неужели я так похожа на расчетливую стерву, которой люди — ничто, забавные игрушки? Господи, а если бы не интуиция? А если бы я не пришла, а отсидела эту пару и пришла на полтора часа позже. Боги, что бы было!

Слезы часто закапали из глаз, а затем и вовсе полились ручьем, сопровождаемые порывистыми вздохами и всхлипами. Не помню, когда я в последний раз так плакала, наверное, еще в детстве, когда сломала руку.

— Шелгэ… — выдохнул Ива над самым моим ухом.

Я не удивилась, лишь отвернулась и постаралась больше не рыдать. Еще не хватало, чтобы он мои слезы видел!

— Шел… я… ну…

Не сдержалась, все же всхлипнула. Проклятье!

— Шелгэ, прости меня, ради бога! — Ива мгновенно присел на корточки передо мной и взял за руку. — Я дурак, нет, хуже, много хуже. Я знаю! Но… просто это не первый раз… я не мог больше… это перебор! Шелгэ, прости…

— Что «не в первый раз»? Вешался из-за тупых наговоров полных придурков? Не первый раз уже веришь идиотским выдумкам? — вскрикнула я.

Ну как можно такому, как Вальд, верить! От него же неприкрытой фальшью разит!

— Нет. Шелгэ…

Не могу! Не могу не плакать! Не могу себе представить, что бы было, если бы я не успела! Не могу… Я развернулась к нему и крепко обняла, продолжая плакать.

— Шелгэ, — тихо сказал он, поднялся, прижав меня к себе, так что земля исчезла из-под ног, а потом сел на лавку, усадив меня к себе на колени.

— Ну зачем? Ну зачем тебе все это понадобилось? Зачем была эта комедия? Что, просто спросить было нельзя? — спросила я, отстраняясь, но не спеша вставать.

— Нельзя, — понурился Ива.

— Это еще почему? Есть закон, который это запрещает?

— Нет, закона нет, просто я не мог.

— Почему? Ива!

Я подняла его голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Хорошо, я скажу, — тяжело вздохнул он. — Хотя ты, наверное, меня после этого презирать будешь. Но я все равно

больше не могу скрывать!

— Ты о чем?

— Шелгэ, я не первый раз пытался свести счеты с жизнью. Вальд сказал тебе правду, — быстро сказал Ива. Видимо, он ожидал хоть какой-то реакции, но я впала в ступор. Слова «Вальд» и «правда» не укладывались в одно предложение. — Два года назад я уже пытался покончить с собой. Неудачно, как видишь.

— Зачем? — с трудом выговорила я.

— Из-за девушки, — через некоторое время ответил Ива. Видимо, он все же решил рассказать все. — Была одна такая Каитина, первая красавица. Она поспорила на крупную сумму денег со своим дружком, что сможет водить за нос любого парня. Чисто случайно ее дружок, я даже имени его не знаю, ткнул пальцем в меня. И пошло-поехало. Влюбился я в нее по уши. Я не знал, куда деться от такого счастья. На меня обратила внимание первая красотка города! Естественно, она делала, что хотела, а во всем ей потакал, да мне особенно-то ничего и не надо было, просто рядом с ней быть. А она… ей надо было много и сразу. Сначала она со мной развлекалась, потом я ей поднадоел, и она стала отговариваться всякими делами, мне говорили, что она крутит со всеми, с кем только можно, я не верил. Ну а потом я все увидел своими глазами, тогда же я и узнал всю эту историю со спором. В общем, на следующий день я уже был в больнице… — Ива немного помолчал. — Но я и там не успокоился. Я не мог так жить. А потом за мной стали следить, все проверять, ничего не позволять делать самому. Я понял, что мне придется жить. Смирился. Больше года уже прошло, и тут ты приехала, и все началось снова! Те же самые события. Я не мог спросить. Шелгэ, понимаешь, я не мог еще раз услышать все тоже самое!

— А предположить, что все совсем не так? Да, в конце концов, просто послать все к чертям! Как можно лишать себя жизни? Ведь она одна, и неизвестно, что будет дальше! А что будет с родными? Ты хоть на секунду представь себя на месте своих родных! Неужели можно вот так быстро взять и лишить себя жизни. Ради чего? Чего этим можно добиться? Зачем все это?

— Не знаю, я не мог ничего другого предположить. Вальд все обставил именно в таком свете, что я не мог ничего другого подумать. Понятия не имею, откуда он знал все подробности, но точь-в-точь, вплоть до мелочей. Второй раз. Шелгэ, это невозможно пережить!

— Зато я знаю, откуда он мог знать, — неожиданно сказала я. — Он и был тем дружком, который ткнул в тебя пальцем. Больше ему неоткуда знать подробностей действий этой Каитины.

Ива застыл.

— Чер-р-рт. Ну как я сам не догадался!

— А потому, что ему этого не надо, а здесь у него все делается только так, как ему хочется. Ну и будет же ему!

— Шелгэ, не надо. Ну его к псам в конуру!

— Ну, уж нет. Хватит. Зажрался мальчик!

— Шелгэ…

— Видишь вот эту штуку? — спросила я, позвенев амулетом.

— Да.

— Через четыре дня ее снимут, и тогда Вальд узнает, что значит раскаянье.

— Шелгэ, не надо!

— Надо, прямо-таки необходимо!

— Не надо.

— Почему?

— Потому, что Вальд — тот еще тип. Лучше его не трогать. Пусть делает, что хочет, только близко не подходит.

— Да что ты так о нем печешься? — удивилась я.

— Не о нем, о тебе. Шелгэ, не ввязывайся.

— Тебе нет нужды обо мне беспокоиться. Все будет хорошо.

— Есть. И я буду беспокоиться, потому что… Шелгэ, я не мог послать все к чертям, как ты говоришь. Я… люблю тебя!

Я ласково улыбнулась Иве.

— Как же долго я этого ждала!

Ива тоже улыбнулся, но очень неуверенно.

— А я так боялся признаться, боялся повторения истории с Каитиной…

Да ну его с этой Каитиной. Есть на свете стервы, никто их не отменял, но нельзя же всех стричь подо льва!

Я придвинулась ближе и поцеловала Иву. Он сначала было решил поступориться, как обычно, но вовремя передумал. Так мы и сидели около фонтана и целовались.

— Мне пора, — сказала я, когда на улице стемнело.

— Как? Куда? Зачем?

— Привет, приплыли. Мне еще 4 дня пахать, а потом неделю отсыпаться!

— Забыл, — вздохнул Ива. — Вот так всегда, только-только что-то проясняется, и раз, все насмарку.

— Да ладно, четыре дня! — я чмокнула его в щеку и побежала на остановку.

Четыре дня пролетели незаметно. И даже экзамены, а точнее, проверка навыков, прошли как-то смазанно. Я делала, что мне говорили, показывала умения и знания. Большей частью нас иллюзорно помещали в определенную ситуацию и смотрели, что

и как мы будем делать. Чаще всего пугали и следили, как мы контролируем силу. Мне было как-то все равно, все мои мысли крутились около Ивы. Я то вспоминала тот злополучный день, то представляла, что бы произошло, если бы я не успела, то пыталась разобраться в своих чувствах к этому аладару, то переживала, что он там делает, и не надумал ли он на радостях в третий раз распрощаться с жизнью. Последние мысли я беспощадно прогоняла из своей головы, но всякий раз, когда встречал Иву в университете, облегченно вздыхала и заглядывала ему в глаза. Всего четыре дня, три, два, еще день продержаться. Все, домой!

— Все, я дома! К черту эту академию магии! — громко крикнула я с порога.

— Шелгэ! — непонятно откуда, словно с потолка, свалился Лехо.

— Привет прогульщикам! — я радостно обняла мальчика.

— Я не прогульщик, у нас сегодня какая-то проверка в школе, никто не учится! — запротестовал Лехо.

— А мама где?

— Илювик смотрит!

Я закинула сумку в свою комнату и зашла в гостиную.

— Здравствуйте, я, наконец, отучилась! — я уселась в кресло.

— Здравствуй, — тепло улыбнулась женщина. — Лехо, сынок, иди, погуляй.

— А м…

— Иди, иди, мне надо с Шелгэ поговорить без твоих мохнатых ушек, — Танра погладила сына по голове и подтолкнула к двери.

Когда дальше тянуть было уже некуда, Лехо все же вышел из дома, напоследок как следует хлопнув дверью. Все это время Танра не проронила ни слова. Только илювизор выключила.

— Я думаю, ты догадываешься, о чем я хочу с тобой поговорить, — наконец сказала аладарка.

— Да, об Иве.

— Да, но не совсем, скорее, о недавнем происшествии.

Я кинула.

— Вы хотите знать, как я оказалась дома в этот день и в это время?

— И это тоже.

— Накануне у меня был семинар по обострению интуиции, и после него мне стало как-то не по себе. А на следующий день я вообще себе места не находила, пока не поняла, что мне срочно надо домой. Я ушла с пар и приехала сюда, и тут, собственно, и застала Иву за этим глупым занятием.

— То есть это просто интуиция?

— Да. Меня этот Вальд саму достал, мне говорили, что он и к Иве подходил. Ну вот, обострили мне интуицию, я, наконец, и додумалась, что домой надо.

— Надо же, какое удачное совпадение. Именно в нужно время.

— Не совсем совпадение. У меня сила несколько необычная, я людей чувствую. В общем, я занималась по направлению психоделической магии.

— Ты — психоделик? — Танра аж на месте подскочила.

— Да, теперь уже дипломированный психоделик первой ступени. Вижу, вам знаком этот термин.

— Да, это новые разработки в сфере магии совместно с отделом обороны.

— Обороны?

— Да, психоделиков планируется использоваться в военных целях.

— Так мы — оружие? — у меня глаза чуть из орбит не вылезли.

— Нет, не совсем. Психоделики влияют на людей, то есть на армию союзников и противников. Деморализация и патриотизм — вот основное направление психоделической магии. Однако доподлинно известно, что это еще не все. Психоделики, начиная с 5-ой ступени, могут управлять людьми, а не только влиять на их восприятие. Это основная цель. Ну а что там дальше, даже наши маги не знают. Бытует мнение, что психоделики могут все. Но ты, наверное, это и сама знаешь.

— Знаю, но под таким углом я это не рассматривала. Значит, мы — оружие… Но как они планируют нас использовать? Мы же граждане других стран! По крайней мере, большая часть психоделиков. Или это они себе достойных врагов готовят? С кем Олеа собирает воевать?

— Я не знаю, с кем и кто собирается воевать, и собирается ли вообще. Это может быть и мирным исследованием в целях повышения обороноспособности. А с тем, что вы почти все — граждане других стран, ничего не поделаешь. Психоделиков очень-очень мало, так что приходится исследовать то, что есть.

— То есть работа с психоделикам и была основной целью нашего завоза в Олеа?

— Чисто научная — да.

— А какая еще?

— Еще есть политическая — Олеа слишком долго была в изоляции. Такая же и экономическая. Ну, и олеанцы все же тоже хотят знать окружающий мир, а не только свою страну. Наука не

была первичной целью. Изначально вероятность благоприятного исхода эксперимента была крайне низкой, всего 30 %. Шелгэ, только ты, ради бога, не подумай, что мы к тебе относимся как к интересному научному феномену. Мы к тебе очень привыкли и очень тебя полюбили.

— Да я и не думала, я тоже всех вас очень люблю. Только мы от темы ушли. Что еще вы хотите знать о том дне?

— Что такое произошло, что он опять додумался до самоубийства? Ива сказал только, что история повторилась, но что, кто? Я вижу, что ему нравишься ты, но с тобой та давняя история повториться не могла.

— Не могла, но повторилась, — вздохнула я.

Танра побледнела.

— Но не по настоящему, только в голове у Ивы. Короче, пока я была занята в академии, Вальд наболтал Иве незнамо чего, а тот и поверил. Ну и результат…

— Вальд?

— Вальдерон, парень из моей группы. Я отказалась с ним встречаться, а он таким образом решил отомстить.

— Таким образом. Но откуда ему было знать?

— Думаю, он и в первый раз все это устроил.

— Он?

— Ну, думаю, он был парнем этой Каитины, с которым она поспорила.

— Ты даже с именами знаешь эту историю, — удивилась Танра.

— Да, мне Ива рассказал в тот же день.

— Рассказал? Он никому не рассказывал до того.

— Ну, я достала его вопросами, как он додумался до такой тупости.

— Да много его кто доставал, но рассказал он тебе одной, и подозреваю, что ты знаешь больше меня, Эната и Лехо.

— Не знаю. Но я лично знакома с Вальдом, Каитину мне представить не составляет труда, да и Иву я тоже видела всякого. Так что у меня просто может быть больше возможности понять.

— Да, наверное, но этот Вальд… — Танра нахмурилась.

— Не переживайте, он у меня получит свое, мне бы его только увидеть.

— Шелгэ, силой тут не поможешь. Ива действительно немного ненормальный… Он же не первый раз уже…

— Нормальный он, это Вальд — собака! К тому же, кто сказал, что я буду применять силу. Я психоделик! Вальд у меня узнает, что такое боль, безысходность, отчаянье и раскаянье, и все в одну и ту же секунду. Это был его последний фокус.

— Шелгэ, нельзя, он рехнется!

— Ни больше, ни меньше, чем свихивались те, над кем он издевался. Я знаю меру, тем более что сам Вальд на раскаянье не способен. Ему нужно помочь!

Я увидела азартный огонек в глазах Танры. Что ни говори, но мать за свое дитя любому шею отгрызет.

— Не переживайте, никто не узнает и ничего не поймет.

— А тебя за это не накажут?

— За что? Я же ничего плохого ему не сделала, никого убивать ему не внушала, себе вред причинять не внушала, грабить никого не настраивала и на прочие запрещенные закон действия не подбивала. А про все остальные чувства в законе ничего не прописано.

— Ты вроде бы не юрист, но закон ловко обошла, — одобрила Танра.

— Зато с юристом кучу времени провела! Чего только не наслушалась! Самой впору идти экстерном экзамены сдавать! — усмехнулась я.

— Ох, Шелгэ, если бы только знала, как мне давно хотелось приструнить ту сволочь, которая спорит на людей! — в сердцах призналась Танра.

— Теперь он свое получит, причем все и сразу.

Мы немного помолчали, каждая поглощенная своими мыслями.

— Шелгэ, а ты что теперь будешь делать? — неожиданно спросила Танра.

— В смысле?

— С Ивой… — женщина ненадолго замолчала. — Тебя не смущает, что он такой… что он самоубийца?

— Да нет, не особенно. Я надеюсь, что он понял, что ситуации в жизни бывают разные, и люди бывают разные, и что всех стричь подо льва нельзя. Да и в любом случае, я почувствую, если что-то изменится.

— Почувствуешь?

— Да, я чувствую людей, я и вас чувствую. Вы напрасно беспокоитесь. Мне нравится ваш сын, и я собираюсь ему доказать, что не все девушки — стервы, играющие в кошки-мышки. Не знаю, как у вас в Олеа, но у нас в Арии все честно. Нравится — будь рядом, не нравится — не будь. Никаких розыгрышей или двуличных игр. Есть дела и поинтереснее. К тому же за такие вот выходки могут и на поединок вызвать, и даже убить. Были бы мы в Арии, Вальд бы уже давно был мертв, и никого бы за это не наказали. Причем убил бы его тот же, над кем он посмел поиздеваться, и никаких самоубийств бы точно не приключилось.

— Так это у вас в Арии.

— Да, мы, арийцы, ценим жизнь, потому что постоянно рискуем ей. Есть множество способом лишиться жизни помимо добровольного ухода.

— Кто бы это Иве в голову вдолбил! — тяжело вздохнула Танра.

— Сделаем.

Танра снова замолчала, видимо, подбирая слова для нового вопроса.

— Спросите так, без приукрас, прямо. Если я смогу, я отвечу, — попросила я.

— Как тебе удалось отговорить его вешаться? Он же никого не слушает… ну, в первый раз никого не слушал, вообще достучаться было нельзя. Как ты смогла?

— Наверное, потому, что я ничего и не говорила, — потупилась я.

— Как это? — удивилась женщина. — Как тогда?

— Ну, чисто арийским способом.

— Каким?

— Ну… побила я его, короче. Он стоял, причитал, что жить он не хочет, что я во всем виновата, на стол залез и голову в петлю… Ой, не стоило мне этого говорить… — по жуткому лицу Танры и резко всколыхнувшемуся эмоциональному фону я поняла, что речь все же нужно фильтровать.

— Нет, продолжай, я сама попросила рассказать, я хочу знать, — замотала головой Танра. — Я просто думала, что до этого не дошло, веревка-то была в другом углу.

— Это я ее туда зашвырнула после…

— Но как тогда?

— Я ее перерубила звездой, вы же видели звезду в стене. Он голову в петлю, я эту звезду и кинула. Сначала думала, что промахнулась, но нет, попала.

— Так это ты ее кинула, а не Ива?

— Да он-то как?

— Ну мало ли, просто ее даже Энат с трудом вытащил, так глубоко зашла.

— Да я с перепугу слишком сильно кинула.

Танра не то с ужасом, не то с благоговением смотрела то мне в глаза, то на мои руки.

— Я же арийка, — вздохнула я. — И к тому же еще на боевом отделении учусь.

— Сколько же в тебе силы?

— Достаточно для того, чтобы драться и звезды в стену загонять.

— А что потом было, когда ты перерубила веревку?

— Я думала, этим все и закончится, что он с мыслями соберется, и все будет в порядке, но ничего подобного. В общем, пришлось мне его побить и пригрозить, что вообще убью. Вот тогда он испугался и пришел в себя, но потом уже плохо стало мне, магию-то я еще толком не контролировала тогда, да тут еще и это, ну, наорала я на него и убежала, вы и сами видели.

Танра молчала.

— А потом он меня нашел, и мы с ним поговорили, вот и все.

— Нашел?

— Я в парк убежала, а он догадался, что я там.

— В какой парк?

— А на окраине.

— Да это же далеко! Сколько же туда бежать?

— Да недолго, если быстро.

Танра снова посмотрела на меня, как будто впервые увидела.

— Кажется, я вообще не представляю, что ты можешь, — наконец, выдала она. — Да Энат, Ива и Лехо, пожалуй, тоже.

— Ну, Энат и Ива точно не представляют. Они меня за обычную девчонку-аладарку принимают, а вот Лехо, наверное, ближе всех к истине.

— Лехо?

— Да, он видел, как я дерусь и с кем, пробовал то же самое делать сам. Он понимает, как это и сколько надо сил.

— Так это ты его учила драться?

— Да, — я кивнула. — А Ива… Он, конечно, бывал на практике, видел наши сражения, но он вообще не представляет, что это такое и как с этим жить.

— Господи, Шелгэ, как же нам повезло, что ты у нас теперь есть! Что бы мы без тебя делали! — воскликнула Танра.

— Вообще-то, если бы я не приехала, то ничего бы этого не произошло.

— Боюсь, что все не так, как ты думаешь. Ива изменился, да ты и сама это увидишь. За эти четыре дня, что прошли с того момента, как он пытался снова покончить жить самоубийством, он стал другим человеком. Да ты и сама увидишь, когда он придет. Он стал самим собой, каким был до этой истории с Каитиной. Мне кажется, что он теперь наконец-то действительно понял, что самоубийство — это очень плохо. Он в тот же день долго просил прощения за все, что устроил. Просто спасибо тебе за то, что ты есть, и за то, что сделала для него, для меня, для всех нас.

Я удивленно хлопала глазами, а Танра тем временем обняла меня, но вскоре отпустила, утирая слезы.

— Извини, просто очень тяжело жить, зная, что любимый сын может в любой момент попытаться убить себя. А теперь я, наконец, перестала бояться, — сказала Танра, поднялась и пошла в ванную.

Входная дверь хлопнула, и до меня донеслось:

— Мам, я дома! — крикнул Ива. — А Шелгэ приехала?

— Давно уже, — ответила я, застывая в проходе.

— Шелгэ… — Иве широко улыбнулся. Что-то я за ним такой откровенно-радостной улыбки раньше не замечала.

Он скинул с плеча сумку и подхватил меня на руки, точнее, он меня просто обнял, но ноги все равно оторвались от пола. На пол он меня так и не поставил, принялся целовать. Я, в принципе, не против, но это определенно что-то новенькое. Это и есть обещанные изменения? Тогда мне нравится!

Мы с Ивой сидели в гостиной, точнее, я сидела, а он улегся, положив мне голову на колени. Было уже довольно поздно. Он тихонько мурлыкал, я перебирала волосы. Ну, нравятся мне его волосы, да и вообще волосы аладаров, они мягкие, пушистые, гладкие, не то, что у нас, арийцев. Но что-то у него с прической было не так.

— Слушай, я раньше не видела, чтобы ты пробор посередине делал, — удивилась я.

— А я при тебе и не делал, всегда на сторону, — ответил Ива.

Я пригладила волосы и посмотрела на него, потом переложила пряди так, как они обычно лежали, сравнила.

— Тебе прямой больше идет, — я вынесла вердикт.

— Я знаю.

— Хм… а зачем тогда на сторону носил? — удивилась я.

— Нравилось.

— А теперь резко разонравилось?

— Ага, — кивнул Ива.

Н-да, странно.

— К тебе мама не приставала? — неожиданно после долгого молчания спросил Ива.

— Почему «приставала»? Мы с ней просто поговорили, — пожала я плечами.

— О чем? — Ива даже голову повернул, чтобы взглянуть на меня.

— Обо все понемногу.

— О чем конкретно? — не унимался Ива.

— О моем обучении в академии, о моем обучении в университете, о моих возможностях и о тебе.

— Обо мне? — обеспокоился Ива.

— Слушай, хватит дурачка из себя строить! Ты думаешь, если ты ей ничего не сказал и не объяснил, то она успокоится? Она же твоя мать, она переживает за тебя.

— Ты ей все рассказала?

— Все, что она пожелала знать, — кивнула я. — А ты хотел что-то скрывать?

— Да нет, — теперь Ива наоборот отвел взгляд. — Я даже рад, что ты сказала, сам бы я не смог.

— Ну и зря, она волновалась.

— Да мне стыдно просто, я не могу…

— Ну, знаешь, натворил — отвечай!

— Я знаю, знаю, Шелгэ, но я просто не знаю, что ей сказать. У меня, кроме, того, что я полный придурок, больше слов нет.

— Самокритика — это хорошо, но информация лучше. Ей и всего-то надо было понять, что и как произошло. Представляешь, она думала, что звезду в стену загнал ты.

— Я? Да я их даже брать не знаю, как, не то, что кидать! Что еще она хотела знать?

— В основном ее волновало, что за чем было и почему все так вышло. Не знаю, конечно, зачем. Я бы на ее месте точно не стала об этом расспрашивать, тяжело матери слушать.

— Наверно, хочет, чтобы больше у меня ничего такого не вышло, — предположил Ива.

— В смысле? Она, что ждет, что ты снова будешь с жизнью расправляться?

— Да, — вздохнул Ива. — Ну, просто так в первый раз было… Шелгэ, ну не надо!

— Ни фига себе не надо! Мне тут сообщают информацию, что ты снова собираешься вешаться, а я должна ее игнорировать?!

— Ох… — Ива закрыл лицо руками, прячась не то от меня, не то от себя. — Я не буду больше… ну… я знаю, что мало верится, но это правда.

— Ага, матери иди, скажи, а то она уже всерьез приготовлениями занялась, чтобы в третий раз у тебя тоже ничего не вышло, хотя я бы на ее месте тебя бы самолично пришибла!

— Шелгэ, — жалобно попросил Ива.

— Что Шелгэ? Я, что ли, тут на люстре вешаться собиралась? Мои родители точно знают, что я со всем справлюсь! А если с чем не справлюсь, то приду и попрошу у них помощи! А ты что наделал? Иди и объясни ей все! — я пихнула его в спину.

— Шелгэ, я не могу! — воскликнул Ива.

— Творить мог? Вот теперь иди и отвечай за свои действия! Она же у тебя сама с ума сойдет! — я пихнула сильнее.

— Шелгэ, я не могу, она не поверит. Никто не поверит! — Ива

сел и всплеснул руками. — Ну, как ты не понимаешь? Я два раза пытался свести счеты с жизнью, они мне не поверят! Никто!

— А ты скажи так, чтобы поверили.

— Я не знаю, как, я не могу!

— Можешь! Объясни, что ты понял, и как теперь будешь жить, и главное, зачем ты будешь жить!

— Ради тебя, — честно ответил он.

— Ты что, совсем дурак? — я поразилась до глубины души. — Ты вообще ничего не понимаешь? Жить надо ради себя! Жизнь твоя, и ты живешь так, как ты этого хочешь! Не для меня, не для матери. Для себя! А если я окажусь не такой, как ты думаешь? А если я уйду к другому? А если я уеду? А если меня убьют? Что тогда? Опять смысла жить нет, смысл жизни — мрак? Ты что, всю жизнь так и будешь туда-сюда между желанием и нежеланием жить?

— Но как еще? — Ива действительно не понимал.

— Ты действительно не знаешь? — переспросила я.

— Нет, — Ива качнул головой. — А ради чего живешь ты?

— Хорошо, я объясню, как живу я и большинство арийцев. Жизнь для нас — это бой. Неважно, первый или последний. Ты готов умереть прямо сейчас?

— Нет, — резко ответил Ива.

— А я готова. Прямо сейчас, и ни секундой позже. Мне не нужно времени на прощание, не нужно на сборы или завершение дел. Я готова умереть немедленно. И каждый раз, выходя на бой, я готова к смерти. Я не оставляю неоконченных дел, я все делаю так, чтобы не оставалось ничего незавершенного. Даже если я сделала что-то не до конца, я точно знаю, что ту часть, что я сделала, я сделала так, как надо, так, как я могу, так, как я хочу. Я никогда ни о чем не жалею, не хочу переделать. Все, что сделано, — то ушло и теперь неизменно! Уходя, я каждый раз ухожу навсегда, я готова к тому, что я больше могу никогда не увидеть тех, с кем попрощалась. В арийском языке даже нет слов «пока» или «до свидания», только «прощай». Я не боюсь смерти, но и не ищу ее. Я принимаю ее как данность и неизбежность. Я живу каждый день, каждый час, каждую минуту, каждую секунду, как последнюю. И когда настанет мой последний бой, я буду готова проститься со всем, что у меня есть, и отправиться дальше. Вот так живу я и многие арийцы.

— Я так не могу, — через некоторое время очень тихо сказал Ива.

— Я вижу, но тебе так и не надо. Мы, арийцы, живем боем, и поэтому готовы умереть, так учат нас наши родители, а вы — аладары, вы другие. Я не знаю, как живете вы, наверняка у вас

другие ценности, но они есть, и ты должен их найти. Если не знаешь, спроси у родителей!

— Я спрашивал еще в больнице… я спрашивал, зачем они меня откачали, почему не дали умереть?

— И что они тебе ответили?

— Они сказали, что любят меня, — ответил Ива, окончательно понурив голову. — Сказали, что хотят, чтобы я жил и был счастлив.

— Тебе мало?

— Нет! Но это же не смысл…

— А ты хочешь, чтобы тебе рассказали старую легенду о том, что весь твой род имеет высокое предназначение, и после исполнения тебе тридцати лет ты обретешь невиданную силу и будешь спасать параллельные миры? — я была крайне возмущена, Ива же впал в прострацию.

— Нет, не это… — наконец сказал он.

— А что? Ты ждал каких-то указаний? Или четкой формулировки цели, мол, живи вот так и так, для вот этого и еще вот этого? Так, что ли?

— А что тогда? Какой же смысл жизни?

— А смысл — это не конкретная цель, не напутствие и тем более не сказка. Смысл жизни — это что-то внутри, что дает тебе силу и волю, то, без чего жизнь пуста.

— Память?

— И она тоже, а еще есть потребности настоящего, вера в будущее, да много чего еще, что заставляет жить. Любовь родителей — тоже одна из составляющих смысла жизни, та его часть, которую дают тебе родители, а еще есть Лехо, который тебя тоже любит, а еще есть я и еще куча людей. А еще у тебя есть любимое дело, которому ты готов посвятить всю свою жизнь и в котором постоянно совершенствуешься.

— Юриспруденция — это только потому, что мама так захотела.

— А как же музыка?

Ива всерьез задумался.

— И так везде, все в этом мире дает тебе смысл жизни, все, с чем ты соприкасался, все, что соприкасалось с тобой. Все это накладывает отпечаток на твою жизнь и дает тебе опору, дает смысл, которым нужно жить, смысл и цель, к которой нужно стремиться…

— Наверное, я понял… — сказал Ива. — Смысл жизни в… самой жизни, а не в чем-то конкретном.

— Да, думаю, по-другому не скажешь. Теперь ты можешь пойти к матери?

— Нет! Я не смогу ей все это объяснить.

— Сможешь! Если понял, то сможешь, — убежденно сказала я.

— Но…

— Иди, она тебе часть смысла жизни отдала, теперь твоя очередь сделать ее жизнь осмысленной, и не тем, чтобы она постоянно думала, как бы ты с собой чего-то не сделал!

— Но уже ночь, она спит!

Я прикрыла глаза и потянулась к Танре.

— Нет, она не спит, она в ванной…

— Что она там делает так поздно? — удивился Ива.

— Плачет…

— Что?

— Иди!

Ива встал и беспомощно оглянулся на меня.

— Я тебя здесь подожду.

Постояв еще с полминуты, он все же вышел из гостиной. Н-да, и как можно так жить без смысла жизни, без стержня в жизни? В который раз уже удивляюсь ему. И как он живет? Неудивительно, что он уже второй раз пытался свести счеты с жизнью. Я бы, пожалуй, тоже так поступила, чем жить в вечных метаниях, да еще если кто-то специально выводит из равновесия.

Я приготовилась ждать долго, но Ива вернулся достаточно быстро.

— Хм…

— Она меня выгнала, сказала, что все хорошо, и чтобы я шел дальше заниматься своими делами! — сказал Ива, застывая у двери.

— Ты ее хоть утешил?

— Сказал, чтобы она не расстраивалась, что я все понял и больше ничего подобного не выкину, даже думать не буду, — кивнул Ива. — А она не поверила и спросила, как же это я так взял и все понял.

— И что ты ей сказал? — не дождавшись продолжения, спросила я.

— Что ты объяснила, — Ива отвел взгляд и даже голову опустил, только ушами поводил с интересом. Потом спохватился, и уши тоже застыли.

— И?

— Ну, вот после этого она меня и выгнала…

— Ты ничего умнее не придумал?

— Нет…

— Ну и что мне теперь с тобой делать?

Ива еще больше ссутулился, видимо его этот вопрос тоже

интересовал.

— Пойдем, — неожиданно оживился Ива, подошел, взял меня за руку и повел. Вскоре мы оказались в его комнате. Я здесь бывала и раньше, но что-то все же изменилось. Кровать, шкаф, письменный стол, полки с книгами… а вот это уже что-то новенькое. Раньше здесь стояла только одна картинка. Вот эта, где Ива стоит в полный рост, лет ему примерно столько же, сколько и теперь, видимо, эту картинку сделали незадолго до моего появления. А теперь их тут три. Так, вот эту я тоже видела, это Лехо нас с Ивой скартинил. Ива тогда долго сопротивлялся, но потом все же обнял меня, теперь вот себе эту картинку поставил. А вот эту я вижу впервые. Здесь Иве лет шестнадцать, но я бы, пожалуй, его не узнала, если бы не кисточки на ушах и фиолетовые глаза, решила бы, что это Лехо волосы выпрямил и остриг. Так похожи, и пробор здесь по центру, и улыбка радостная, прямо не узнать, хотя теперь он стала больше похож на себя.

— Это я школу закончил, — прокомментировал заинтересовавшую меня картинку Ива. — Нам всем такие портреты сделали.

— Я его раньше не видела.

— А я его недавно нашел, поставил.

Тут я увидела еще и альбом картинок, лежащий рядом с картинками.

— Можно?

— Бери, — пожал плечами Ива.

Я взяла альбом. С первых его страниц на меня смотрел маленький Ива в компании с родителями. Он был радостный, всегда улыбался и, видимо, был полностью счастлив. Потом на картинках появился Лехо. Сначала он Иве явно не нравился, как и всякий младший брат старшему, но потом Ива, видимо, смирился, или Лехо просто подрос, как и сам Ива, и картинки стали снова радостными. Часто стали попадаться картинки, где Ива и Лехо вдвоем.

— Это мы на море ездили, красивое оно, море, — прокомментировал Ива. — Это в лесу, мы тогда там неделю жили, это на моем дне рождения, а эти картинки с конкурса, его тогда Лехо выиграл, видишь какой счастливый?

Неожиданно картинки резко изменились. Я увидела Иву таким, с каким сама познакомилась: молчаливым, улыбающимся редко и как-то через силу, картины тоже изменились вслед за хозяином, стали задумчивыми, чаще грустными, философскими. Ива даже повзрослел как-то резко: вот на той странице он был еще мальчишкой, а здесь уже молодой мужчина, только какой-то

обиженный на весь свет.

— Такое чувство, что ты — великий философ, и только что вывел для себя какую-то неутешительную истину, — не выдержала я и прокомментировала одну особенно безнадежную в эмоциональном плане картинку.

— Ну, почти так. Это уже после…. после того случая…

— Ты и прическу тогда сменил? — я пролистала немного назад и сравнила. Да, этот пробор на левую сторону появился только теперь и присутствовал на всех картинах бессменно.

— Да, — кивнул Ива.

Я посмотрела на него нынешнего.

— А перенос пробора снова на середину можно расценивать как возвращение к старому?

— Ну да, — согласился Ива. — Просто мне разонравилось причесывать волосы налево.

— А чем нравилось-то, если даже не шло?

— Не знаю, нравилась такая вот асимметрия, что половину лица не видно…

— Понятно, — ну да, что может еще хотеться после неудавшегося самоубийства, кроме как отгородиться от мира? — Мне старые картины больше нравятся, — честно сказала я.

— Да мне тоже, но я по-другому картиниться не мог, не получалось, — развел руками Ива…

— Но теперь-то можешь?

— Теперь могу, — кивнул Ива и улыбнулся, точь-в-точь, как на первых картинках.

— Надо будет тебя скартинить и в этот альбом добавить!

— Хорошо, — кивнул аладар.

— Ты сегодня на все согласен? — усмехнулась я.

— Ага, — снова кивнул Ива.

— Что, правда на все? — ужаснулась я.

— Вряд ли ты попросишь что-нибудь плохое, — пожал плечами Ива.

— Ты так во мне уверен?

— Да, пожалуй, ты единственная, в ком я уверен.

— А сам в себе?

— Не очень… Разве, что… — Ива хотел что-то сказать, но передумал. — Пойдем, я тебе кое-что покажу.

— А альбом — это еще не все? — удивилась я.

— Альбом? Да я и не собирался тебе его показывать, но раз уж ты его увидела.

Я заинтересовалась. Что же он еще мне хочет показать?

Ива тем временем подвел меня к стене и отдернул драпировку. Там оказалась дверь. А я-то все думала, зачем тут эта

тряпка висит?

— Заходи, — Ива пропустил меня первую, и я оказалась в небольшой комнатке, где помещался только небольшой диван и столик, на нем стоял редактор, кругом лежала бумага, где чистая, где исписанная. Я заметила, что лежали и нотные листки, и простые со стихами. Несколько карандашей, часть из которых была сломана, лежали на столе вместе с комплектом стерок, частью разорванных на мелкие части. Это что у него, мастерская, что ли?

— А я все гадала, куда это часть пространства делась, грешила на толщину стен, — сказала я.

— Нет, просто есть еще вот этот чулан, — усмехнулся Ива. — Мало кто о нем знает, и еще меньше народу здесь было. Я здесь музыку пишу.

Я обернулась вокруг своей оси, кругом лежали какие-то листки, часть были приклеена к стенам, часть разорвана. Я присмотрелась: везде его почерк, причем где-то красивый и правильный, какой я видел в его тетрадях, а где-то — та древняя деценсейская наскальная письменность, создание которой я как-то имела честь наблюдать во время похода на почту.

— Обалдеть, — заключила я, поворачиваясь к Иве. — Сыграешь что-нибудь из настенного?

— Из чего? — не понял Ива.

— Настенного… я так поняла, что на стене чистовые варианты, а вокруг наброски и черновики.

— А, ну да, черновики, — кивнул Ива.

— Так сыграешь?

— Выбирай, — Ива обвел руками все небольшое пространство его мастерской.

Я покрутилась, присматриваясь к тому, что было прикреплено к стене, и ткнула пальцем в понравившуюся мне бумажку. Ива подошел ближе, изучая мой выбор.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да, а что?

— Ну…

— Я же, не читая, выбирала. В нотах я все равно ничего не понимаю, а слова лучше слушать.

— Ну хорошо, — согласился Ива, садясь на диван и беря в руки гитару. Я присела рядом.

Что Лехо замечательно играет, я слышала и неоднократно восхищалась, но я ни разу не слышала ничего, кроме критики ошибок Лехо, от Ивы. Ни игры на гитаре, ни пения, но Лехо говорил, что поет он очень хорошо. Ну, наконец, услышу, пока он на все согласен! Я оглянулась на выбранный листок и прочла

название. «Боль от любви». Н-да, понятно, почему он удивился моему выбору.

Ива тем временем перебирал струны, то ли настраивался на песню, то ли просто собирался с духом. Неожиданно бессмысленное треньканье зазвучало как-то по-новому. Звуки то мягко перекликались, то звенели громко и надрывно, складываясь в мелодию, и тут Ива запел.

— В комнате темно, как в моей душе.
Я так одинок, будто смерть уже
Забрала меня и закрыла дверь,
Только я тебя помню и теперь.
Обняла едва и сказала мне,
Что не нужен был никогда тебе.
Вопреки всему, как дурак любил,
Но сам для тебя лишь игрушкой был.
Пара переходных аккордов и воздух полетел припев:
— Острые иглы в сердце моем
Острее бритвы, пронзившей предплечье.
Боль от любви в сердце ножом,
Бьет по душе мелкой картечью.
Боль от любви кровью зальем,
Изгонит ее только смерти увечье.
У него действительно замечательный голос, а песня…
— В жизни смысла нет без твоей любви,
И не позабыл я шаги твои.
Мысли о тебе — слезы на щеках,
И судьба моя вся в твоих руках.
Ты ушла с другим — предала меня,
Я же без тебя не прожил и дня.
Ты уже давно для меня мертва,
Но любовь к тебе все еще жива.

Повторился припев, пара завершающих аккордов, и звуки гитары затихли, повисла тишина. Не знаю, что там себе думают профессионалы, не знаю, что думают простые любители, но я была в восторге от песни, только вот содержание…

— Это я написал сразу после выписки из больницы, — наконец, заговорил Ива. — Говорил же, что ты неудачную песню выбрала.

— Почему же? Мне нравится, — запротестовала я.

Ива вынырнул из-за белых прядей, за которыми спрятал лицо, и вопросительно на меня посмотрел.

— Песни должны отражать чувства, иначе что это за песни? А

уж какие чувства у автора — это его личное дело, — сказала я. — А песня действительно красивая и… искренняя. Почему ты до сих пор не пел на сцене?

— На сцене, — Ива одновременно смутился и как-то облегченно откинул волосы от лица. — Что ты, это я так балуюсь. Хочется, и пишу песни, это хобби.

— А ты бы не хотел занять этим профессионально? У тебя же здорово получается. Если одному не хочется, можно создать группу!

— Шелгэ, ты как скажешь!

— А что?

— Да ничего, у тебя все так просто и понятно.

— А что тут сложного! Ничего! Если ты, конечно, хочешь…

— Я не знаю… — пожал плечами Ива.

— Спой еще что-нибудь на твой выбор, — попросила я.

Ива задумчиво пробежался глазами по стенам и остановил свой взгляд на одном из листов. «Смысл жизни — мрак!» — прочла я. Ого, я еще безобидную песенку выбрала, оказывается!

— Помнишь, мы с тобой на почту шли, я тогда сел на лавку и стал писать?

Я кивнула.

— Вот эту песню я тебе и спою. Я тогда ее не смог дописать, и дописал всего несколько дней назад.

И снова красивые аккорды, грустная мелодия и его удивительный голос.

— Ослепительный день, света поток.
Я так и не понял жизни урок.
Не понял его ни с конца, ни с начала,
И жизнь моя никчемною стала.
Для чего живу и кому я нужен?
Целый мир земной до боли сужен!
Не пойму никак, кто мне друг, кто враг.
Смысла в жизни нет. Смысл жизни — мрак!
Ничего не видно слепым глазам.
Ответов нет — ты не знаешь сам.
Судьба моя — это строгий запрет
На все то, что любил, желал, на свет!
Смысла в жизни нет. Смысл жизни — мрак!
И живу я здесь не зачем, а так.
Пусть судьба моя оборвется тут,
Не жалей меня, боль и страх уйдут.

— Ну, теперь-то ты понял, что смысл жизни — не мрак? —

спросила я, когда песня закончилась.

— Теперь — да, — кивнул Ива и отложил гитару. — Шелгэ, а ты веришь, что я больше не буду пытаться покончить жизнь самоубийством?

— Верю, — кивнула я.

— Почему? Не в том смысле, что я недоволен, просто никто больше не верит.

— А мне какая разница, кто еще верит? Я верю, и этого хватит.

— Но почему?

— Потому что ты в это веришь. Ты искренне полагаешь так, так почему я должна сомневаться? Вот если тебе в голову придет очередная дурная мысль, то я буду беспокоиться.

— А как ты это узнаешь?

— Почувствую. Ива, я чувствую людей, я психоделик.

— Психоделик! А… но… я думал, ты обычный маг!

— Нет, все гораздо хуже. Нас специально собрали со всех стран, всех психоделиков, чтобы учить и изучать. Теперь я — психоделик первого уровня.

— Надо же… И что ты можешь?

— Пока довольно мало — собственно, чувствовать людей, их эмоции и передавать им свои эмоции.

— Здорово… — как-то неуверенно сказал Ива. — А тогда, в тот день, ты…

— Да, я почувствовала, плюс еще семинар по обострению интуиции. Врали они все, что камушек блокирует силы, он их ослабляет, но не уничтожает полностью. А для психоделиков сила — это эмоции, и чем они сильнее, тем меньше способов удержать силу в узде. Я вот только не пойму, ты рад или в ужасе?

— Да я сам не пойму… Я просто читал про психоделиков. Это люди настроения, люди непредсказуемые, иногда лишены здравого смысла и вообще не от мира сего.

— Ну что не от мира сего — это точно, пробовал сам бы этим всем управлять, и тоже отошел бы от мира, а вот насчет настроения, непредсказуемости и здравого смысла я поспорю. Это аладары, может быть, и становятся такими, но я арийка и воин. К тому же нас научили отличать свои эмоции от чужих и не впадать в истерии от передоза эмоций. Ты, видно, что-то старенькое читал, теперь уже это не актуально. Сам посуди, менялось ли у меня настроение по сто раз за час? Да и от твоего оно не зависит.

— Ну да, не замечал…

— Я тебе больше скажу: соседка твоя сейчас сидит, горюет, ее, видимо, парень бросил, а мужчина снизу, наоборот, что-то празднует… уже так напраздновался, что забыл повод для

веселья. Но я же не изображаю из себя пьяницу в депрессии?

— А как ты вообще чувствуешь людей? — заинтересовался Ива.

— Ну вот как ты видишь, точнее, слышишь малейшие шорохи? Ты просто их слышишь и анализируешь, и я так же вот сижу и чувствую, что у тебя в голове полная каша. Я просто чувствую и понимаю, что, где и как. Причем ты же не все звуки к себе примеряешь, вот и я точно знаю, где мои чувства, где твои, а где соседкины. Поколдую-ка я над ней, а то уж как-то очень сильно она убивается, как бы окно не пошла открывать.

— Какое окно? Почему его нельзя открывать?

— Потому что рыдающие особы, открывающие окна, имеют особенность из них падать. Учитывая, что этаж всего лишь третий, то убиться она, может, и не убьется, но покалечится — это точно.

Я прикрыла глаза, полностью находя образ соседки. Да что у них всех только о самоубийстве и мысли-то? Неужели они настолько бессильны против неприятностей? Я послала ей немного своей уравновешенности и добавила чуточку здорового пофигизма. Девушка тут же утерла слезы и, тяжело вздохнув, отправилась делать какие-то свои дела.

— Вот так лучше, — кивнула я.

— Я хотел спросить…

Видимо я слегка зацепила и Иву, ибо сумбур в его голове слегка упорядочился.

— Так спрашивай! — терпеть не могу, когда к вопросу подбираются из-за угла в жутких иносказаниях, ставя все кверху ногами. Куда проще спросить прямо и получить такой же прямой ответ, пусть даже он будет звучать как «Пошел нафиг!».

Впрочем, Ива, кажется, как раз сейчас и занимался этим самым подбиранием слов и подходом к интересующей его теме из-за угла.

— Тебе… не… ну то, что я самоубийца… — выговорил Ива.

— Нет, — коротко ответила я. Каков вопрос, таков и ответ!

— То есть тебе все равно?

— Ну почему все равно? Нет, конечно.

— А…

— Я же здесь, с тобой.

— Ну да…

Повисло молчание, а мне снова хотелось смеяться.

— Шелгэ, ты отлично понимаешь, что меня мучит! — воскликнул Ива.

— Да…

— И все равно молчишь?

— Это и был ответ на твой вопрос.

— На какой именно?

— Буду ли я с тобой. А что, есть еще какой-то? — заинтересовалась я.

Ива встрепенулся и посмотрел на меня как-то недоверчиво.

— Несмотря на то, что я натворил?

— А чем мне это должно мешать? — удивилась я. — Заразить меня этой жуткой идеей ты никак не заразишь, напугать не напугаешь, но зато я всегда успею вправить тебе мозги.

— Я не знаю, просто обычно стараются от таких, как я, держаться подальше.

— Поздно что-то менять, я уже подержалась поближе, — я философски пожала плечами.

— И хочешь продолжить?

— Я что-то не пойму, тебя это не устраивает?

— Нет, просто…

Он придвинулся ближе ко мне и поцеловал. Я обняла его, не желая отпускать, но он все же отстранился.

— Я просто хочу спросить, ты меня любишь? — заглядывая в глаза, спросил Ива.

— Дурачок, ну, конечно, люблю, — ответила я, прежде чем он успел сказать что-либо еще, забралась к нему на колени и заткнула ему рот поцелуем.

Утром мы так и проснулись с ним на этом диване.

Я проходила мимо гостиной, взяв себе с кухни тарелку с вишней, и услышала взволнованный голос диктора из иллювизора:

— Срочный выпуск новостей, чрезвычайное происшествие в мире!

Мне стало интересно, и я подошла к двери, прижалась к косяку и стала внимать.

— Ненолен активировал все свои военные базы и начал наступление. Первым, кто попал под его обстрел, стала… Ария. Часть ее близлежащих к Ненолену поселений стерта с лица земли. Глава департамента обороны Олеа Ритус Кнатик заявил, что они этого ожидали. Вот что он сказал…

Я выпала в ступор и молча смотрела на экран. Картинка тем временем сменилась, и на экране появился пожилой аладар в военной форме:

— Мы предполагали военные действия со стороны Ненолена еще год назад, однако мы ожидали нападения на нашу страну, а не на соседнюю Арию. Мы подготовили оборону нашей страны, усилив и усовершенствовав ее, жителям Олеа опасаться нечего.

Однако Неолен уже совершил нападение на Арию, по достоверным данным, готовится немедленно нападение на объединенную Ривию, а так же отложено на государства деценсейцев и на Свободную Торговую Зону.

Картинка снова сменилась, и появился диктор.

— Это был глава депобороны Олеа Ритус Кнатик. А сейчас с места событий наш специальный корреспондент Олен Натлер, — сказал диктор.

— Я нахожусь на линии фронта, которую проложили неноленцы. Севернее этого места уже нет ничего живого — лишь развалины некогда больших и процветающих городов. Арийцы спешно ставят оборону чуть южнее этого места, где, видимо, и начнутся настоящие военные действия, ибо бомбардировки неноленцев ни в коем случае военным действиями назвать нельзя. Погибло более миллиона мирных арийцев, стерто с земли более десятка городов и поселков, треть страны в руинах.

На экране появилась картинка, видимо, снятая с аэролета: разрушенные дома, воронки от бомб, поваленные деревья… Картинка сменилась, крупным планом показали небольшой дворик с до боли знакомыми лавочками — единственное, что осталось неизменным, и глубокую воронку на месте моего дома…

— Надо Шелгэ позвать — это же ее страна, — всполошился Ива.

Дзинь, хрясь, тарелка вылетела из моих рук. Танра, Лехо и Ива синхронно подскочили на месте и обернулись ко мне.

— Шелгэ…

Я выхватила пульт из рук Ивы и сделала громче. В иллювизоре снова появился диктор и передал слово главе депобороны.

— Сейчас Ария готовится к ответному удару, наши послы в Ривии так же готовят страну к войне. Мы распространяем наше оружие по всем странам континента и на островах. Без него победить Ненолен не представляется возможным, так как неноленская атака построена на супермощном световом вооружении. Наш контрудар основан на сверхновых разработках, проводимых в Олеа. Оружие специально заготовлено в огромных количествах для снабжения стран-союзников. Мы предполагали, что война затронет не только интересы Олеа. Конфликт с Неноленом давний, однако их новая тактика внесла некоторую сумятицу в наши планы.

— На этом мы заканчиваем наш специальный выпуск. О дальнейшем развитии событий мы расскажем вам в нашем вечернем выпуске.

— Шелгэ? — позвал Ива.

Я резко высказала свое мнение по поводу произошедших событий на арийском, сорвалась с места и бросилась к себе в комнату.

— Шелгэ, что ты делаешь? — вслед за мной в комнату вошел Ива.

— Еду домой, — коротко ответила я.

— Нельзя, там опасно, тебя могут убить!

— Это моя страна! Мой дом там! Я должна защищать родину, сейчас идет мобилизация войск, я должна быть там!

— Шелгэ, но нельзя же вот так просто уехать.

— Можно.

— Нельзя, сейчас ты никак не доберешься до Арии, — сказала Танра. — Ни один транспорт тебя туда не довезет, а даже если бы и повез, то там бы ты все равно ничего не смогла бы найти, теперь там вся транспортная система наперекосяк. Сядь, успокойся и жди следующих новостей, возможно, будут какие-то специальные рейсы для арийцев.

Танра вышла, я отшвырнула от себя сумку и уселась на подоконник, наплевав на то, что с хвостом это неудобно. Вздохнув, я закрыла лицо руками и стала успокаиваться, как мне велела Танра. Истерить сейчас не в коем случае нельзя. Ну и что, что дом разрушен, это же не значит, что моя семья погибла, может быть, они были где-то в другом месте.

— Шелгэ… — Ива все еще был в комнате. — Ты…

Аладар подошел и сел рядом со мной на подоконник.

— Шелгэ, не расстраивайся ты так, все будет хорошо. Все страны объединятся и побьют этих неноленцев.

— Не в этом дело, — ответила я.

— А в чем?

— Это же моя страна! Это мой дом! И это неноленцы, которых я считала дружественным народом!

— Да фиг с ними, с неноленцами! Отобьют их атаку, отвоюют захваченные территории. И все будет хорошо!

— Не будет… — угрюмо сказала я.

— Как это? — растерялся Ива.

— Помнишь, под конец показали двор и лавочки? Так вот, это мой дворик, на этих лавочках я сидела, а от моего дома осталась только воронка! Слышишь, воронка! Ничего больше нет! — Картинка так и стояла перед моими глазами. — Я должна быть там и воевать за свою страну, должна отомстить за миллион убитых ни в чем не повинных людей и за свою семью.

— Шелгэ, но ведь это… безумие!

— Я должна! Таков мой долг.

— Шелгэ, — послышался голос Лехо из гостиной.

Я поспешила туда. На экране снова был глава депобороны.

— …а так же гуманитарная помощь, — услышала я обрывок фразы. — Настоятельно рекомендую не покидать страну самостоятельно и тем более не пытаться вернуться на родину. Это опасно. Я вообще не рекомендую покидать страну. Тем, кто не собирается воевать, лучше остаться в Олеа, тем же, кто хочет сражаться за родину, мы предоставим место в армии. С завтрашнего утра начинают работать пункты сбора добровольцев, которые будут переброшены на фронт в Арию. Ненолен надо остановить, пока он не захватил власть в мире. Мы получили официальное требование от вражеской стороны.

На картинке появился другой аладар.

— Мы, неноленцы, — самая великая и могущественная раса. Присоединитесь к нам, или будете повержены. В случае согласия вы превратитесь в подданную нам республику, в случае отказа — будете стерты с лица земли.

— Такие сообщения посланы во все государства земли. Официальные ответы будут отправляться завтра. Осмелюсь предположить, что согласные будут, но немало будет и противников.

— Ха, посмотрю я на неноленцев, как они деценсейцев объединят в республику, — расхохоталась я. — Я иду в добровольческую армию, так я попаду домой!

— Шелгэ! — начал было Ива.

— Это не обсуждается! — отрезала я. — Я — воин, и я — арийка! Родина в опасности!

Я уже давно сложила вещи, и теперь только ждала, когда же наступит утро. Я то ходила от стола к подоконнику, дергая хвостом из стороны в сторону, сбивая им подушку с дивана и кладя на место, то садилась на подоконник и смотрела в окно. Господи, ну когда же утро?

— Шелгэ… — в комнату зашел Ива.

— Если ты пришел меня отговаривать, то не трать время. Есть более полезные занятия, — сразу же сказала я. Излишне резко, нежели следовало, конечно, но зато сразу понятно.

— Нет, — Ива опустил голову. — Я просто… хотел сказать… что не хочу, чтобы ты уезжала.

— Я знаю, извини, но это ничего не меняет. Это мой долг — быть там.

— Перед кем?

— Перед родиной, перед семьей, перед собой… Как я могу отсиживаться тут, когда там погибают люди, мои соотечественники, когда под обстрелом стонет моя земля? Только

трус и предатель может спокойно сидеть и пить чай, когда идет война за его народ. Я не трус и тем более не предатель! Я воин!

— Я знаю, — кивнул Ива, вздыхая. — Но мне как-то от этого не легче!

— Теперь война, никому не может быть легко! Но твоя страна еще не в осаде, ее не поделила пополам война, еще никто не убит и даже не ранен. Для тебя фронт проходит где-то далеко, не в этом мире, а для меня он здесь и сейчас, во мне, прямо поперек сердца!

— Я понимаю. Хотя нет, не понимаю, но честно стараюсь понять, — Ива присел рядом со мной. — Одно дело — драться, когда уже по-другому никак, а другое — стремиться туда, где идет бой, хотя тебя это не касается!

— А мне по-другому никак! — заверила его я. — И меня это касается в первую очередь! Угроза моей стране и моему народу — это угроза мне лично. И то, что я нахожусь в другой стране, не делает эту угрозу меньше. Это, наоборот, создает мне проблемы. Я не могу попасть на фронт и защищать свою родину.

— Ну почему ты не аладарка… — вздохнул Ива.

— Ты уж извини, но этот инфантилизм с ушами — ни за что! Была бы я аладаркой, я бы спряталась куда-нибудь и постаралась не мешать защищать страну. Ибо пользы от меня не было бы никакой вообще!

— Значит уши — это инфантилизм?

— А что еще? Пользы от них в бою?

— От твоего хвоста можно подумать пользы больше, — обиделся Ива.

— От хвоста? Конечно! Отвлечение, равновесие, коррекция траектории движении, лишняя конечность — и это только общепринятые. Есть еще куча дополнительных, в том числе и чисто эстетическая. Ты видел хоть раз бальные танцы арийцев. Вот то-то же! А еще кто во что горазд, так что польза немалая. Даже если бы я была такой же неповоротливой, как ты, хвост бы мне помог двигаться более уверенно и в нужном направлении.

— Ну, уши тоже полезны, можно ориентироваться на слух, — неуверенно сказал Ива.

— Ага, толку-то с твоей ориентировки, если ты равно косяк по дороге сшибешь и столько шуму наделаешь, что сам запутаешься, что и где! Ладно, боги с ним, никакого значения это не имеет.

— Шелгэ, я за тебя боюсь, — честно признался Ива.

— И напрасно. Возможных исходов два: либо мы победим, либо я умру. Ты же сам сказал, что все объединятся, и мы победим. Так чего переживаешь?

— Но тебя ведь и в случае победы могут убить! — воскликнул Ива.

— Значит, смерть моя будет не напрасна, — кивнула я. — Можешь гордиться тем, что знал арийку, которая умерла не напрасно. Это высшая награда для арийца и вечный почет.

— На кой мне этот почет, мне ты нужна! — Ива положил руки мне на плечи сжал их. — Понимаешь ты это или нет?

— Понимаю, но я арийка. Смирись с этим. Родина в опасности, весь мир в опасности, и ты тоже в опасности. Я должна сражаться за мир, чтобы люди могли жить дальше, чтобы ты мог жить дальше! И я готова отдать за это свою жизнь! В мире, где идет война, она мне не нужна.

— Но как я буду жить без тебя!

— Хорошо, лучше, чем когда-либо. Это будет для меня самой лучшей наградой.

— А для меня проклятьем! Любимая, ну почему ты не можешь остаться? — Ива прижал меня к себе.

— Не могу, — коротко ответила я.

— Почему? — Ива посмотрел на меня внимательно, в его глазах блестели слезы.

— Ну, вот у меня в стране война, а ты плачешь! Это нормально? Ты рано меня хоронишь! — заверила его я.

— Я только нашел тебя, и ты уходишь, и не куда-то, а на войну. Причем именно ты, а не я, как, по идее, положено.

— Ты сам меня выбрал, я тебя не заставляла.

— Я знаю, но теперь уже все равно…

— Нет, — покачала я головой, влезла к нему на колени и поцеловала. — Не все равно.

— Что ж, война, так война, — вздохнул Ива. — Шелгэ, возвращайся. Обязательно возвращайся!

— Я вернусь, — пообещала я, грустно улыбнулась и быстро расстегнула все пуговицы на его рубашке…

Проснулась я рано. Помешкав пару секунд, я выскользнула из-под одеяла, отвела светлые волосы с лица, прощально поцеловала его и вышла из комнаты. Больше мешкать нельзя! Я быстро умылась, оделась и собралась было уже уйти, но меня остановили.

— Ты уверена, что так уж хочешь этого? — спросила Танра.

— Да, — уверенно сказала я, ни секунду не колеблясь.

— Но почему ты так рвешься на фронт, на смерть?

— Потому что жить здесь, зная, что там гибнет мой народ, я не могу. У меня больше ничего нет, кроме моей страны, и даже дом мой разрушен. У меня нет больше дома. Я должна исполнить

свой долг и уйти.

— У тебя есть дом! — неожиданно воскликнула Танра. — Есть! И он здесь! И не смей думать иначе!

Я улыбнулась не вымученно и не грустно впервые с момента начала войны.

— Возвращайся домой после войны!

— Я вернусь, — обещала я, вышла за дверь и побежала вниз, не оглядываясь.

— Будь осторожна, и пусть тебя хранят все известные боги!

В сборном пункте я встретила всю свою группу и студентов других курсов боевых специальностей, да и других аладаров пришло немало. Потом меня определили в группу психоделиков, которые подлежали особому распределению. Мучительно долгий перелет и война. Война! Война… Мы то наступали, то отступали, а в сердце все горел огонь, даже когда не было сил, огонь горел и зажигал других, и мы снова наступали и снова считали раненых и убитых. Кровь, боль, смерть. Смерть! Смерть… Мы отступаем, больше половины страны разгромлено, больше половины арийцев убито. Но армия не убывает, к нам прибывают аладары из Олеа, риварцы из всех, даже самых отдаленных стран объединенной Ривии, деценсейцы партизанят с тылу у врага, Торговый Союз заходит с моря и высаживается десантом с воздуха. Наконец, Ненолен дрогнул, и мы стали наступать. Наступать! Наступать… Вот мои любимые лавочки и воронка от дома. Мама, папа, надеюсь, вам все хорошо видно, и вы мной гордитесь. Надеюсь, вам там хорошо. Будьте спокойны, мы добьем Ненолен. И снова наступление — я уже не знаю, сколько их у меня было, не помню, сколько раз я была на волосок от гибели, сколько раз была в лазарете и сколько на мне шрамов, которые уже никогда не исчезнут, но их все равно неизмеримо меньше, чем шрамов на сердце. Сколько товарищей полегло, я не могу сосчитать. Меня хранят боги, как и завещала Танра. Надеюсь, до вас это не дошло, у Олеа крепкая оборона. Все территории отвоеваны, но Ненолен еще не разгромлен. Впереди еще много работы, а сил уже нет. Мама, папа, осталось еще немного, дайте сил, а воли предостаточно. Все! Ненолен повержен. Осталось совсем чуть-чуть, искоренить зло и заключить Мир. Мир, ради которого мы воевали и победили. Мама, папа, я за вас отомстила, победа. Победа! Победа… Пора возвращаться домой…

Аэролет быстро домчал мне до Вианасты. Я узнаю эти улицы, но как же они изменились! И их коснулась война… И так мало людей! Каблуки гулко стучат по пустым коридорам.

— Генерал Элива, рад приветствовать вас! — офицер у дверей вытянулся по струнке.

Я коротко поклонилась и вошла в кабинет, снова поклонилась, отдавая честь, и прошла в центр кабинета.

— Генерал Элива прибыла. Будут какие-то указания?

— Шелгэ, здравствуй, присаживайся, — смертельно усталый, но целеустремленный главнокомандующий указал мне на стул. Я села. — Да, дело для тебя есть. Насколько мне известно, ты намерена поселиться в Каласте.

— Так точно, — кивнула я.

— Тогда, я думаю, тебе несложно будет преподавать в Эмеденском университете, тем более что ты сама там училась.

— Да, училась, но что я могу там преподавать?

— Боевые искусства, — коротко ответил главнокомандующий, а теперь просто глава департамента обороны Олеа, но все же пояснил. — Твои знания и умения нуждаются в передаче. К тому же сейчас, после войны, появились толпы желающих обучиться военному ремеслу, а учить их некому: все, кто умел воевать, ушли на фронт, часть погибла. Так как ты на это смотришь?

Я всерьез задумалась.

— Хорошо, согласна, — кивнула я. Мирное время, мне нужно где-то работать. — Когда приступать?

— С начала учебного года, то есть через две недели.

Как и тогда, когда я впервые приехала сюда, в Олеа, и еще не знала, чем все это кончится.

— Хорошо.

— Полагаю, к тебе так же поступит предложение продолжить обучение в академии магии. Твои успехи в психоделии не остались незамеченными.

— Не думаю, что мне это помешает преподавать.

— Ты намерена согласиться?

— Да, намерена. Сейчас у меня девятый уровень, я надеюсь увеличить его.

— Что ж, твое право, — кивнул глава депобороны. — Желаете сейчас осмотреть место будущей работы?

— Да, но недолго. Я бы хотела поскорее попасть домой.

— Да, конечно. Пройдите в телепортационный отел, вас туда переправят. Вас там ждут.

— Уже ждут?

— Я обещал прислать им специалиста сегодня для решения организационных вопросов. Я очень рад, что им оказалась именно ты.

— Я тоже. Что ж, честь имею, — я поднялась, поклонилась и

вышла.

За время войны телепортацию усовершенствовали — теперь люди тоже могли телепортироваться с места на место.

Снова каблуки гулко стучат по коридору, пустота, но здесь все вполне объяснимо. Сейчас каникулы.

— Генерал Шелгэ Элива, — представилась я с поклоном. — Прибыла по распоряжению главнокомандующего в ваш университет на должность преподавателя боевых искусств.

— Здравствуйте, очень рад с вами познакомиться. Коиртер Ислаен, ректор университета, — молодой аладар, кажется, раньше он был младшим преподавателем, а теперь вот ректор. Вот что делает война…

— Шелгэ? — из соседней комнаты выбежал еще один аладар. — Шелгэ, это ты?

— Эрэт?

— Шелгэ!

Мы обнялись с ним и долго смотрели друг на друга, не в силах поверить в такую удачу. Я рассталась со своей группой в первый же день войны и почти о ней ничего не слышала. Разве что точно знала, что Данмар, Костадель и Арвин погибли, а Енат пропал без вести. Об остальных я не знала ничего. Вот, оказывается, Эрэт тоже в университете и тоже преподаватель, только он теперь по теоретической части, ибо вместо одной ноги бледнел фантом, правая рука слушалась плохо, видимо, из-за ранения, да и сам он был весь в шрамах.

— Попал под обстрел, — отмахнулся он. — А ты выглядишь замечательно! Как ты?

Он, конечно, преувеличивал. Сама я выглядела разве что чуть лучше, чем он. Ноги и руки у меня были в полном комплекте и вполне боеспособные, но на этом отличие и заканчивалось. Все шрамы сейчас скрывает глухой черный мундир генерала Олеанской армии с ярко-алыми погонами и множеством нашивок, на груди — перевязь меча и звезда психоделика. А вот лицо украшает чудесный шрам, пересекающий левую сторону лица ото лба до подбородка, чудом не задевая глаз, — это память о славном времени в плену, за побег из которого с раненым товарищем я и получила третьего героя и желанный пятый уровень психоделика. Но и это еще не все. Мои волосы сильно отросли и были скручены и обмотаны грубой лентой в тугой хвост, достающий до колен. Вот только были они теперь абсолютно белыми с редкими нитками синевы, хорошо заметными в такой массе белых волос. Впрочем, хвост тоже побелел. Я теперь под стать Иве. И только глаза остались прежними, ярко-оранжевыми, искрящимися на солнце, до краев

наполненные огнем войны. Теперь он там навсегда.

От Эрета я узнала, что Ия тоже в городе, но она в академии магии. Она теперь прекрасный целитель, и параллельно дальнейшему обучению высшей целительной магии учит молодых студентов основам. Иска теперь в госпитале, его сильно контузило, а Марк решил навсегда связать свою жизнь с военной службой. Вальд исчез сразу же после начала войны и объявился только теперь. Трус! Но это меня нисколько не волнует.

Искарда я позже увидела. У него были сильные проблемы с памятью и частично с движениями, но нас с Эрэтом он вспомнил, и раз по пять задавал одни тебе же вопросы. Маркора я тоже встретила, а впоследствии видела довольно часто. Высокий, подтянутый, одноухий, вечно в черном, заметно прихрамывающий на левую ногу, он сразу бросался в глаза. Он сосредоточенно шел куда-то, но, увидев меня, потеплел и, обняв, сказал: «Я рад, что ты жива!» Но это все было потом, а сейчас я шла домой. Наконец, после стольких трудов, я шла домой, чтобы отдохнуть, шла туда, где меня ждут и любят, туда, куда я стремилась, туда, ради чего я шла в бой, даже когда не было сил. Но почему-то теперь мне страшно. Мало ли что могло измениться за годы войны, а ведь прошло шесть лет…

Я вышла из университета (надо же, как давно я здесь не была!), села на энергичку и поехала в Каласту. Вот и знакомые улицы, знакомый дом, здесь все так изменилось и одновременно осталось прежним. Война почти не затронула глубинку Олеа, но все же и здесь явно видны ее следы. Людей стало меньше, тишина кругом, улицы какие-то заброшенные, лишь кое-где шумят ребятишки, для них толком не чищенные улицы, заброшенные дома и машины — клад. Ничего, скоро все приберут, и будет красиво, как раньше. Вот и знакомый дом, который я вспоминала каждый день, за который я сражалась. Сражалась, чтобы хоть бы сюда война не дошла. Как тут теперь? Все по-старому, или тоже все изменилось? Я открыла дверь в подъезд, поднялась на третий этаж и поняла, что мне страшно звонить в дверь. Так страшно, как не было никогда на войне. Да и не боялась я никогда за свою жизнь, да и вообще не боялась, — я знала, что мы победим, я была в этом уверена. Я вдохнула, выдохнула и все же через силу нажала на звонок, непроизвольно зажмурившись. Да что это с вами такое, генерал Элива? А ну-ка привести себя в порядок! Замок зашуршал, дверь открылась, и Танра застыла на пороге. Я была не против, пусть стопорится сколько угодно, мне сейчас и самой нужно привыкнуть и понять, что же дальше делать.

— Шелгэ, — как-то растерянно сказала она и тут же обняла

меня… как родную. — Ты вернулась! ТЫ ПРИЕХАЛА ДОМОЙ!

— Да, я вернулась… домой… — ответила я.

— Заходи, заходи скорее! — позвала она. — Как ты? Надолго ли? Что теперь будешь делать? Шелгэ, ты так изменилась!

— Если позволите, я у вас поселюсь, — ответила я на все вопросы разом.

— Позволю? Да я рада буду, да и все мы рады будем. Да заходи же, что ты как будто не дома!

Я переступила порог и снова остановилась. Неужели я действительно дома? Это теперь мой дом? Все равно другого нет, да мне другой и не нужен. Это мой дом. Я скинула сумку с плеча. С лестницы послышался жуткий шум, и на пороге появился Лехо. Впрочем, это я узнала, только вывернув голову и посмотрев куда-то в район потолка. Вот это вымахал детинушка!

— Мне кажется, я видел Шелгэ, она… — с порога сказал он и, натолкнувшись на меня взглядом, застыл. Ой, как люблю аладаров, так мило стопорятся!

Но как вырос мальчик! И голос какой чудный стал! Не как у Ивы, конечно, но все равно приятный. А сам все такой же — такие же голубые глаза, как будто лед, слегка подцвеченный, вздернутый нос и такие же золотистые, кудрявые волосы до пояса. Только клыки, наконец, сменились и стали длинными и загнутыми. Детская припухлость ушла, и передо мной стаял молодой красивый парень. Но надо же, волосы так и не остриг! Да он еще и служит. Судя по форме, внутренние войска, но звания пока никакого нет, простой солдат.

— Солдат Уилот! Как вы могли оставить пост?

— Я… — промямлил Лехо.

— Отвечать четко и быстро, или тебя еще этому не научили?

— Я отпросился! — вытянувшись по струнке, сказал Лехо. Вышколили как надо!

— А, так это прогулка разучила вас приветствовать генерала?

— Желаю здравствовать, генерал Элива! — Лехо по-военному поклонился и застыл.

— И вам того же, солдат Лехо. А теперь вспомните-ка, как положено встречать старых друзей.

— Совсем не так, как генералов, — честно отрапортовал Лехо.

— Так обнимай скорее! — скомандовала я и тут же пожалела. — Слушай, а можно, я живой останусь? У меня, конечно, ребра покрепче ваших аладарских, но еще не все стальные, только половина.

— Стальные? — ахнула Танра.

— Да нельзя же столько раз ломать кости, всему есть

предел, — пожала я плечами, когда меня, наконец, поставили на пол. — Теперь я только их выправляю, когда совсем уж искривятся, но ничего не ломаю, — увидев лицо Танры, я поскорее добавила. — У меня вообще много чего интересного, но это все ерунда.

— Шелгэ, ты не уедешь никуда? Вечером ты тут будешь?

— Буду, если оставите. А что?

— Да мне надо бежать обратно, а то я как услышал, что генерал-арийка приехала, так сразу домой полетел.

— А с чего ты взял, что это я? — удивилась я.

— А какая еще арийка может быть генералом?

— Любая!

— Ну нет, генералом — только ты, — уверенно заявил Лехо, снова поклонился и исчез за дверью.

— Мам, к нам кто-то пришел? — их комнаты выглянул Ива.

— Нет, это Лехо забегал и ушел, — ответила я.

— А-а, — кивнул Ива. — А что он хотел.

— С Шелгэ повидаться, — ответила Танра, хихикая.

— Мало ли чего он хочет, я бы тоже… ЧТО? — Ива выскочил из комнаты и уставился на меня, как на привидение… или провидение?

Танра тихонько ушла на кухню, видимо, готовить праздничный обед по случаю моего возвращения, или я ее плохо знаю.

— Привет, — я подошла к Иве. Вот ступорозник, дольше всех тормозит. — Ты просил — я вернулась.

— Шелгэ? Это действительно ты, я не свихнулся часом?

— Нет, это не я, это генерал Элива, и если ты до сих пор не свихнулся, то сейчас это быстренько сделаешь. Я помогу. Хочешь? — тут же ответила я.

— Шелгэ, это ты! — просиял Ива, и меня вторично за день подняли в воздух и долго не выпускали, но на сей раз бережно, не покушаясь на целостность оставшихся ребер. — Черт, Шелгэ, я уж думал, что ты не вернешься!

— Я тебя хоть раз обманывала? Просто были дела, и я приехала, как смогла.

— И что теперь? Ты останешься?

— Конечно, с Танрой мы уже столковались, она давно хотела завести птичку.

— Что? — не понял Ива. — Причем тут птичка?

— Ну, я вместо нее.

— Шелгэ, все дурачишься? — Ива снова прижал меня к себе.

— А ты все стопоришься?

— Да когда ты рядом, кто угодно заступорится! Господи, о

чем мы говорим?

— О чем? — спросила я.

— О всякой ерунде. Я так долго тебя ждал, думал, как встречу, что скажу, а несу какой-то бред.

— А, ты речь заготовил? Я могу отойти подальше, продекламируешь! — я попыталась отойти.

— Ну уж нет, я теперь тебя вообще никуда не опущу!

— Ой, да ладно, — отмахнулась я, но попытки отойти все же оставила. — Тебе что, заняться больше нечем?

— Конечно, нет! — кивнул он и утащил меня к себе в комнату. — Я так рад тебя видеть. Нет, рад — не то слово, я счастлив, что ты здесь, со мной.

Я, наконец, рассмотрела его получше. Он не особенно изменился, разве что прическу немного сменил, отрастив волосы немного ниже плеч и отпустив небольшую бородку. А так все тот же Ива, которого чуть меньше шести лет назад я оставила спать в своей постели.

— Как ты? — спросил он, снова привлекая меня к себе.

— Теперь — хорошо, — ответила я.

— А до того?

— Война, — коротко ответила. — Ничего интересного, потом, может быть, расскажу, а сейчас нет желания. Не хочу портить настроение.

— Да, конечно, — кивнул Ива.

— А ты как? Что делал все это время? — в свою очередь спросила я.

— Да ничего выдающегося, — отмахнулся Ива.

Я стащила с полки коробочку с пластинкой. На обложке была картинка Ивы с удручающе-скорбным лицом и каким-то древним антуражем и подпись: «Ивастас Уилот. В закоулках памяти»

— Это вот этим «ничем»? — спросила я, помахав перед его носом пластинкой.

— Этим, — кивнул Ива.

— И много ты уже пластинок выпустил?

— Три, эта последняя.

— Ух, ты. Здорово! Ты тут знаменитостью стал, пока меня не было! А говоришь, ничем не занимался.

— Так, ничем выдающимся, просто, как ты и сказала, собрал группу и стал давать концерты. А потом нам предложили записать первый альбом, потом второй и вот третий. Этого еще даже в продаже пока нет. Эта пластинка — моя личная копия.

— Класс! Можно послушать?

— Да я для тебя и так спою!

— А с группой познакомишь?

— Конечно!

— Класс. У меня как раз есть две недели.

— Две недели? — Ива сразу напрягся. — А потом что? Уедешь?

— Нет, — рассмеялась я. — Потом начнется учебный год.

— Ты будешь учиться?

— И это тоже, но это позже. А вообще я буду преподавать боевые искусства в родном универе.

— Преподавать?

— Да, я теперь преподаватель.

— А у кого ты будешь преподавать? — сразу оживился Ива.

— Не знаю, наверное, у всех, у кого есть боевая практика. Больше преподов пока нет. А что?

— Так там же Лехо учится! На боевом отделении, только не как ты, он на простом оружии.

— Поступил туда все-таки! Молодец! — порадовалась я. — Это самое то для него! И как его только Танра отпустила?

— А она и не отпустила бы, только он уперся и сказал, что или туда, или никуда. А еще он на тебя сослался.

— Ой, это у вас семейная болезнь, — усмехнулась я. — Чуть что, сразу Шелгэ!

Ива молчал, только зачем-то снял с волос ленту.

— Какие у тебя теперь волосы, — восхитился Ива.

— Какие, какие… Седые! — проворчала я.

— Да ты что! Красивые!

— Ну прям, лучше бы уж все поседели, чем так, с проплешинами!

— Ничего ты не понимаешь в волосах!

— Да куда уж мне, сирой и убогой! — покачала я головой.

— Ты красивая, а не сирая и убогая.

— Особенно вот с этим, — я провела пальцем по шраму.

— Да, особенно с этим, — кивнул Ива, целуя мне пальцы.

— У тебя температура! — я потрогала его лоб. И правда что ли, температура?

— Да, — с готовностью подтвердил аладар.

— Заметно. Может, тебе еще и белый хвост нравится? — я положила означенный себе на колени.

— Еще бы! Но ты целиком мне все-таки больше нравишься, чем твой хвост в отдельности.

— Так, пора делать ноги, — рассчитала я.

— Куда! Теперь все! Никаких «делать ноги»! Я тебя теперь не отпущу!

— Что, совсем? — ужаснулась я.

— Совсем! — подтвердил Ива. — Шелгэ, выходи за меня

замуж. Я тебя, честное слово, больше не отпущу!

— Ой, сам не знаешь, о чем просишь, — рассмеялась я.

— Знаю и уверен. Шелгэ, выходи!

— Да, выйду, конечно. Ради тебя я и приехала сюда.

— Любимая моя…

— Итак, группа, сейчас я покажу вам пример того, что вы должны будете уметь по окончанию университета, а потом мы начнем с вами долгое обучение мастерству, — так я начала свой первый урок. А через две недели свадьба, а потом еще нужно будет думать и о семейной жизни, а еще я собиралась магии учиться. Как бы так исхитриться и все успеть? А то чувствую, что месяцев через пять мне будет мало до чего дело, а через девять и вовсе ни до чего, кроме любимого чада…